

ISSN 2076 – 0590

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Выходит 2 раза в год

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ
NEW IDEAS IN PHILOSOPHY

2023
Выпуск **11 (32)**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ПГНИУ)

Founder: Perm State University

Редакционная коллегия

Гл. редактор – Вячеслав Владимирович Корякин (к. филос. н., доц. каф. философии ПГНИУ). Олег Александрович Барг (д. филос. н., доц., Пермь), Елена Михайловна Березина (к. филос. н., доц. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Наталья Ириковна Береснева (д. филос. н., проф. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Александр Юрьевич Внутских (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Комаров (д. филос. н., проф. каф. философии, декан философско-социологического фак-та ПГНИУ), Рудольф Львович Лившиц (д. филос. н., проф., Гатчина), Лева Асканазович Мусаелян (д. филос. н., зав. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Поросенков (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ)

Editorial board

Editor-in-Chief – Vyacheslav V. Koryakin (Candidate of Philosophy, Associate Professor), Oleg A. Barg (Doctor of Philosophy, Professor), Elena M. Berezina (Candidate of Philosophy, Associate Professor), Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor), Alexandr Y. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor), Rudolf L. Livshits (Doctor of Philosophy, Professor), Lyudmila A. Myasnikova (Doctor of Philosophy, Professor), Leva A. Musayelyan (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Porosenkov (Doctor of Philosophy, Professor)

Редакционный совет

Надежда Васильевна Бряник (д. филос. н., проф., Урал. федер. ун-т, Екатеринбург), Лев Абрамович Закс (д. филос. н., проф., Урал. федер. ун-т, Екатеринбург), Эдуард Арменакович Коркотян (PhD, ст. науч. сотр., отд. нейробиологии Института им. Вейцмана, Израиль), Сергей Владимирович Орлов (д. филос. н., проф. каф. истории и философии, СПб. гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург), Александр Алексеевич Строканов (PhD, проф., руководитель департ. социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, госуд. колледж в Линдоне, США)

Editorial council

Nadezhda V. Brianik (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Lev A. Zaks Brianik (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Eduard A. Korkotian (PhD, senior scientific Researcher, Department of Neurobiology, Weizmann Institute, Israel), Sergei V. Orlov (Doctor of philosophy, Prof., S.-Pb. State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia), Aleksandr A. Strokanov (Prof., Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, PhD, Lyndon State College, USA)

*Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему
«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лившиц Р.Л.</i> Актуальная неотмирность философии	4
<i>Балиев Л.О.</i> Метафизические основания физической реальности	21
<i>Лоскутов Ю.В.</i> Элементарные компоненты социальной субстанции	35
<i>Корякин В.В.</i> Роль труда в отношениях психики и физиологии	44
<i>Щербинин М.Н., Суворова Л.Г.</i> Феноменологическая версия древнегреческого феномена «занов» в аспекте эстетической антропологии	67
<i>Куликов В.Б.</i> Политико-педагогические идеи Макса Шелера	82
<i>Афанасенко Я.А.</i> «Устойчивое развитие» как стратегическая программа «новых элит»	93
<i>Осмоловская А.А.</i> Политическая репрезентация и кризис демократии	107

CONTENTS

<i>Livshits R.L.</i> The relevant otherworldness of philosophy.....	4
<i>Baliev L.O.</i> Metaphysical bases of physical reality.....	21
<i>Loskutov Y. V.</i> Elementary components of social substance.....	35
<i>Koryakin V.V.</i> The role of labor in relations to psyche and physiology.....	44
<i>Shcherbinin M.N., Suvorova L.G.</i> Phenomenological version of the ancient greek phenomenon of "zans" in the aspect of aesthetic anthropology.....	66
<i>Kulikov V. B.</i> Max Scheler's political and pedagogical ideas.....	81
<i>Afanasenko Y. A.</i> «Sustainable development» as a strategic program of the «new elites».....	92
<i>Osmolovskaya A. A.</i> Political representation and the crisis of democracy.....	105

АКТУАЛЬНАЯ НЕОТМИРНОСТЬ ФИЛОСОФИИ

Р.Л. Лившиц

доктор философских наук, профессор

независимый исследователь

E-mail: rudliv@yandex.ru

Проанализирована позиция О.А. Габриеляна, изложенная им в статье «Проектность философии» [1]. Рассмотрен ряд существующих в культурологии, педагогике и исторической науке подходов к определению понятия проектности и сделан вывод о том, что оно обладает довольно нечетким, размытым смыслом. Но в любом случае проектность трактуется как нечто такое, что противоположно пассивно-созерцательному отношению к действительности. О.А. Габриелян разделяя это понимание, дополняет его такими квалифицирующими признаками, как инновационность и практичность. Проектность рассматривается им как атрибутивное качество философии, которое должно быть положено в основу преобразования всего дела преподавания философских дисциплин в вузе. В основе его программы – идея «"переформатирования" преподавателем философии себя и своей профессии». При этом существующие объективные условия, в которых протекает педагогический процесс, рассматриваются как не подлежащие изменению. Сформулированные О.А. Габриеляном конкретные предложения во исполнение этой идеи подвергнуты критическому анализу. Показано, что проектность (как бы она ни понималась) – качество, присущее не только философии, но и любой науке и – шире – любому духовному образованию. Отсюда вытекает, в частности, что интеллектуальный потенциал философских дисциплин в вузе может быть реализован не на путях культивирования проектности, а посредством возрождения значения философии как научного мировоззрения. В рамках существующих реалий это сделать невозможно, из чего следует, что реалии нужно менять. Предлагаются конкретные шаги, которые необходимо предпринять преподавательскому сообществу с этой целью в ближайшем будущем.

Ключевые слова: философия, неотмирность, мировоззрение, проектность, реформы образования, преподавательское сообщество

Неужто долг и доблесть только в том,
Чтобы безропотно претерпевать
Раненья роковых пращей и стрел?
Шекспир (перевод А.В. Флори)

О понятии проектности

Настоящая статья представляет собой полемический отклик на статью О.А. Габриеляна «Проектность философии» (в целом интересную и содержательную), которая была опубликована в предыдущем номере журнала «Новые идеи в философии» [1]. Внимание к указанной статье обеспечено хотя бы уж только тем, что в заголовке использовано слово «проектность», употребляемое столь редко, что даже отсутствует в словнике программы «Word». Подобный оригинальный прием свидетельствует об известной литературной искусности автора, о его умении остановить взор потенциального читателя на своей статье. Обычно в заголовках научных работ редкие, экзотические слова, окказионализмы и неологизмы не используются, хотя прямого запрета на их применение не существует. Отсутствие запрета такого рода вполне объяснимо: наука – занятие творческое и по сути, и по способам запечатления результатов. О.А. Габриелян, актуализировав в своей статье раритетную лексему, предоставил тем самым своим оппонентам моральное право прибегнуть к аналогичному приему. И мы решили таким правом не пренебрегать. Именно поэтому в заголовке нашей статьи использовано слово «неотмирность», – пожалуй, еще более экзотическое, чем слово «проектность». Надеемся, этого объяснения достаточно, чтобы отклонить возможные обвинения со стороны строгого читателя в том, что мы занимаемся оригинальничанием, неуместным в научной статье.

Сначала попробуем разобраться в том, какой смысл вкладывается в понятие проектности в научном дискурсе вообще и в концепции нашего уважаемого оппонента в частности.

Если набрать в строке браузера слово «проектность», то первое, что нам будет предложено, – формулировка О.И. Генисаретского. Воспроизведем ее полностью: «Проектность – это интенциональная, рефлексивно-коммуникационная реализация корневой устремленности жизни/деятельности человека и того осевого времени, в котором она, импульсируя, продвигается» [2]. Итак, «импульсируя, продвигается». Преодолев робость перед авторитетом О.И. Генисаретского, осмелимся спросить: «А что такое импульсировать?». Слово «пульсировать» знают все. Но вот импульсировать... Смысл этого неологизма совершенно неясен. Далее. Продвигается, как нам сообщает автор, *она*. А что именно? Проектность? Реализация? Устремленность? Жизнь/деятельность? В первой части фразы имеются именно эти существительные женского рода. К какому из них отсылает личное местоимение «она» во второй части фразы? Понять это крайне затруднительно. Такая случается всякий раз, когда нам приходится сталкиваться с явной амфиболией. Но это еще не всё. С какой стати здесь упомянуто осевое время? Это термин,

предложенный К. Ясперсом для обозначения того периода истории человечества, в течение которого произошла смена мифологического мировоззрения рациональным (800-200 гг. до н.э.). Ничто в предложенной формулировке не указывает на то, что проектность трактуется в историческом аспекте. Еще одно обстоятельство, на которое мы вынуждены обратить внимание. Если следовать логике О.И. Генисаретского, *она* (т.е. проектность, реализация, жизнь/деятельность или корневая устремленность – на выбор) существует *наряду* с этим самым «осевым временем». Сознаемся честно: наш разум отказывается всю эту мудрость вместить. Остается лишь предположить, что речь идет вот о чем: проектность – это способность человека (понимаемого и как индивид, и как родовое существо) планировать свою деятельность, осуществлять свои замыслы, идеи, концепции. Иначе говоря, понятие проектности отражает принципиально важную черту человека как существа, которое, в отличие от животного, не приспособливается к окружающей действительности, а преобразует ее.

О.И. Генисаретский использует понятие проектности в контексте культурологии. Оно встречается также и в современной политологической литературе. Так, известный экономист, публицист, депутат Государственной Думы РФ М.Г. Делягин рассматривает это понятие как ключевое для понимания специфики современной эпохи. «История человечества, – пишет этот автор, – из естественного, стихийного процесса стала борьбой глобальных осознанных проектов» [3, с. 5]. Когда именно это случилось? Ответ на данный вопрос мы находим в следующем высказывании того же автора: «Сейчас происходят завершение периода глобализации и переход к следующему циклу мирового развития — разделению единого мирового рынка на макрорегионы» [3, с. 5]. Поскольку деглобализация началась лишь в самые последние годы, постольку понятно, что автор рассматривает проектность как наинovelшее явление человеческой истории. Если следовать логике автора, то во все предшествующие времена развитие общества протекало не в форме реализации проектов, а как-то иначе. Но как именно? Деятельности сознательной, планомерной, направляемой идеей противостоит деятельность неосознанная, стихийная, происходящая под влиянием аффектов или представляющая собой непосредственное реагирование на ситуацию. Обобщенно говоря, есть деятельность проектная, есть стихийная, а третьего не дано. Мы не знаем, что желал сказать М.Г. Делягин *urbi et orbi*, но сказал он, по существу, следующее: до самых последних дней история протекала как стихийный процесс, и вот буквально на наших глазах ситуация коренным образом изменилась: история стала сознательно

направляемой. Надо ли специально доказывать, что перед нами – явное преувеличение?

Не имея возможности вдаваться в этот сюжет, акцентируем внимание на вопросе, которое представляет для нас непосредственный интерес: какой смысл вкладывает М.Г. Делягин в понятие проектности? Проектность для него – антоним стихийности, спонтанности. К данному ряду понятий можно было бы добавить еще «эмерджентность», однако это потребует дополнительных объяснений.

Понятие «проектность» достаточно популярно также и в педагогической литературе. Так, в ряде своих публикаций его активно использует И.Н. Чарикова, причем в качестве стречневого для всей ее концепции [4; 5; 6]. Приведем соответствующее высказывание: «Образовательная проектность – как новый эпистемологический ракурс – есть перманентно присущая жизнедеятельности человека характеристика, выражающая готовность и способность личности решать новые нетрадиционные (неординарные) задачи профессиональной деятельности и определяющая возможность личности к непрерывному образованию и саморазвитию [6, с. 295]. Здесь проектность рассматривается на уровне личности и явным образом сближается с креативностью.

Как видно из изложенного, между позицией О.И. Генисаретского (насколько нам ее удалось понять) и точкой зрения Н.И. Чариковой наблюдается определенное тождество: в обоих случаях проектность трактуется как такое качество индивида, которое противоположно пассивно-созерцательному отношению к действительности.

Теперь рассмотрим вопрос о том, какой смысл в понятие проектности вкладывает О.А. Габриелян. С этой целью попробуем опереться на контекст. Так, в разбираемой статье имеется весьма радикальное утверждение: «Проектность всегда присуща философии. Великие философские концепции, менявшие судьбы народов и цивилизаций, обладали этим качеством» [1, с. 6]. На наш взгляд, в этом высказывании не все ладно с точки зрения логики. Если проектность присуща философии *всегда*, то почему судьбы народов и цивилизаций меняют только *великие* философские концепции? Более логично выглядел бы вывод, что *любая* философия оказывает влияние на общественную жизнь. Но этим качеством обладает духовная сфера жизни общества в целом и каждая ее форма в отдельности: наука, искусство, религия, мораль, правосознание и т.п. И глубина и сила этого влияния определяется конкретными историческими обстоятельствами. Например, победе третьего сословия в Великой Французской революции в существенной мере способствовала «Марсельеза», созданная гением Руже де Лилия. И чем же тогда проектность философии отличается от всех иных проявлений проектности?

Стремясь убедить читателя в том, что проектность – атрибутивное свойство философии, автор ссылается на такие произведения, как «95 тезисов» Мартина Лютера и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. [1, с.6]. Что ж, обратимся к этим иллюстрациям.

По правде говоря, текст «95 тезисов» при ближайшем с ним знакомстве отнюдь не производит впечатление философского. Богословского – да, идеологического – несомненно. Но, как показал в своей замечательной книге А.В. Перцев [7, с. 133-155], это документ прежде всего экономический: в нем нашел свое отражение, говоря современным языком, спор хозяйствующих субъектов. Речь шла о распределении доходов от индульгенций между местными приходами и папской курией. В 1517 году Мартин Лютер еще не собирался порывать с католицизмом, был вполне успешным администратором, настоятелем одиннадцати монастырей. В этом своем последнем качестве он отвечал за их нормальное функционирование, а оно требовало денег, и притом немалых. Одним из существенных источников пополнения монастырской кассы являлась торговля индульгенциями. И вот в эти планы вмешался непредвиденный фактор: в 1517 году по немецким городам совершил вояж Иоганн Тецель, выступая повсюду с публичными проповедями, содержащими страстный призыв к покаянию и, соответственно, напористую рекламу индульгенций. Красноречивый Тецель столь эффективно опустошил кошельки рядовых прихожан, что у них на покупку индульгенций, которыми торговали местные монастыри и церкви, денег уже не оставалось. Возмущенный таким циничным отъемом доходов, на которые будущий реформатор вполне обоснованно рассчитывал, Лютер и сочинил свои знаменитые 95 тезисов. В том, что Лютером двигали вполне земные, меркантильные интересы, а не какие-то философские принципы, убеждает знакомство с означенными тезисами. Главная их мысль заключается в том, что индульгенции, продаваемые римской курией (папой), ничуть не более действительны, чем те, что продаются местными церквями. Вот тезис 41: «Осмотрительно надлежит проповедовать папские отпущения, чтобы народ не понял ложно, будто они предпочтительнее всех прочих дел благодеяния» [8]. Здесь еще нет прямого утверждения, что не следует покупать индульгенции, распространяемые от имени папы, но содержится предостережение против «неосмотрительного» толкования отпущения, даваемого этими индульгенциями. Трудно не увидеть здесь и намек на то, что «прочие дела благодеяния» не менее эффективны в деле искупления грехов. В их числе, конечно, «дела милосердия» (тезис 42), подаяние нищему и одолжение нуждающемуся (тезис 43). В тезисе 48 читаем: «Должно учить христиан: папе как более нужна, так и более желанна, — при продаже отпущений — благочестивая за него молитва, нежели

вырученные деньги» [8]. А вот тезис 53: «Враги Христа и папы суть те, кто ради проповедования отпущений приказывают, чтобы слово Божие совершенно умолкло в других церквах» [8]. Лютер на данной стадии своей духовной эволюции вовсе не желает навлечь на себя гнев папы, поэтому он выступает как бы в его защиту: для дела спасения души пасомых нужно, чтобы молились во всех католических церквах, а не только в Риме. Говоря современным языком, монополизм в таком деле для церкви вреден. Но если это так, то вреден монополизм и в столь деликатном вопросе, как отпущение грехов за деньги. В общем, Лютер подводит идейную базу против неправильного, с точки зрения интересов местных католических приходов, распределения доходов от продажи индульгенций.

Теперь о «Манифесте Коммунистической партии». В этом широко известном произведении К. Маркса и Ф. Энгельса содержится перечисление мер, которые необходимо будет предпринять в качестве «первого шага в рабочей революции» [9, с. 446]. Они широко известны: «экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов, высокий прогрессивный налог, отмена права наследования» [9, с. 446] и др. Поэтому все эти положения «Манифеста Коммунистической партии» воспринимаются, при беглом знакомстве, как проект. В пользу такой трактовки данного документа говорит и тот факт, что в нем указан и субъект преобразований – пролетариат, и метод действия – революция. Однако при более основательном рассмотрении социальным проектом в собственном смысле слова это классическое произведение марксизма все-таки не является. Той степени детализация, которая обязательна для *проекта*, в нем нет. Это и вполне понятно. Материалистическое понимание истории позволяет дать обоснованный прогноз развития общества, но не имеет ничего общего с детальным рисованием картин будущего. В данном документе явлена прогностическая сила марксистской философии, но никак не ее способность создавать социальные проекты.

Вдумаемся в логику самого подхода О.А. Габриеляна к понятию проектности. Первая посылка силлогизма: в «95 тезисах» Мартина Лютера имеется некая программа действий. Вторая посылка силлогизма: «В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса тоже есть программа действий. Вывод: между данными документами имеется несомненное сходство. Какое именно? Из предыдущего изложения понятно, что речь идет о проектности. Таким образом, проектность, согласно О.А. Габриеляну, есть способность служить идейным обоснованием программы действий. Но ведь понимаемая подобным образом проектность присуща не только философии, но и более широкому кругу духовных феноменов: науке, религии, даже мифологии. (И искусству

тоже, но только этот тезис требует специального обоснования.) Специфика философии при таком толковании вопроса не выявляется, а наоборот, затушевывается. И читателя, который ожидал, что понятие проектности философии будет в статье эксплицировано должным образом, ждет разочарование.

Впрочем, с этим предельно широким и оттого расплывчатым пониманием проектности в статье Габриеляна имеется и другое – вполне операциональное. Прочитируем соответствующее высказывание: «И только малый процент работ (диссертационных – Р.Л.) будет отвечать критерия инновационности и практичности, то есть проектности» [1, с. 16]. Из текста не очень ясно, диссертации по каким дисциплинам имеются в виду: по всем, по социально-гуманитарным вообще или только по философским. Впрочем, для обсуждаемого вопроса это не имеет принципиального значения, поскольку проектность, согласно О.А. Габриеляну, – коренное свойство философии. И именно оно его более всего и заботит.

Итак, в данном случае О.А. Габриелян трактует проектность как совокупность двух качеств: инновационности и практичности. И относит их не ко всем формам духовного освоения действительности, а только к науке. Философия при этом не противопоставляется науке и не отделяется от нее, с чем мы совершенно согласны.

Позитивная программа О.А. Габриеляна

Замысел статьи О.А. Габриеляна, состоит, однако, вовсе не в том, чтобы теоретически проработать понятие проектности; и это объясняет, почему исходное понятие не получило систематической экспликации. Самое главное для него – предложить практические меры, позволяющие повысить качество преподавания философских дисциплин и способствовать укреплению позиций кафедры философии в вузе.

Чтобы вполне оценить замысел О.А. Габриеляна, понять общий пафос его выступления, нужно обратиться, так сказать, к внетекстовой реальности. А она в данном конкретном случае такова. Профессор Габриелян – доктор философских наук, заведующий кафедрой в провинциальном вузе. В качестве такового он несет ответственность за свою деятельность как преподавателя философских дисциплин и за деятельность членов своей кафедры. Вся эта работа протекает в условиях перманентной тряски, именуемой реформами образования, которая длится все три послесоветские десятилетия [10]. Понятна озабоченность автора статьи состоянием дел в области преподавания философии, в системе отечественного образования в целом. Автор предстает перед читателем не только как опытный профессионал, знаток своего дела, но и как активный

и ответственный гражданин своего отечества. Он не ограничивается констатацией общего неблагополучия в деле преподавания философии в российских вузах, а предлагает пути улучшения ситуации. И это обстоятельство не может не вызвать сочувственного отклика в сердцах неравнодушных читателей. Другой вопрос – насколько удачна предложенная им позитивная программа, позволяет ли она справиться с реальной угрозой фактической ликвидации философии в вузах, которая нависла над российской системой образования?

Попробуем в этом вопросе разобраться.

Но прежде позволим себе одно личное замечание. Автор настоящих строк проработал в вузе ровно полвека. 15 лет из них на должности заведующего кафедрой. За эти годы пришлось прочитать немало ведомственных документов, статей, отчетов о работе соответствующих министерств, которым в разное время подчинялся вуз. Приходилось и выслушивать выступления чиновников разного ранга. И вот что показательно: все эти отчеты, статьи, выступления неизменно были выдержаны в самых оптимистических, самых радужных тонах. Чиновники бодро сообщали о новых успехах, достижениях, взятии все новых и новых высот в деле вхождения в мировое образовательное пространство, внедрения все новых и новых образовательных стандартов, роста квалификации кадров и т. п. Но вся эта благостная картина явным и очевидным образом противоречила и противоречит объективной реальности, данной нам, преподавателям, в ощущениях. Каждый из нас на собственном опыте испытывал неуклонное возрастание учебной нагрузки, снижение или (в лучшем случае) стагнацию своего жизненного уровня, уменьшение реальных возможностей для досуга и, следовательно, саморазвития. Преподавателей заставили писать бесчисленные и зачастую бессмысленные бумаги, которые якобы вносят порядок в учебный процесс, а на деле этот процесс профанируют и дезорганизуют. Поскольку деваться от всей этой бюрократической принудилочки некуда, любой преподаватель, не потерявший способности мыслить здраво, продуцирует нужные тексты, не утруждая себя тем, чтобы вдумываться в их смысл. Разумный человек старается избегать занятий, представляющих опасность для психического здоровья.

И что в такой ситуации предлагает автор? Воздадим должное его теоретическому мужеству: он не прячется за частоколом ни к чему не обязывающих общих фраз, а дает вполне определенный ответ на поставленный вопрос: «Выход – стать востребованным в новых условиях. Реальный путь – реализовать интеллектуальную силу и практичность философии, которые эффективно сочетаются в ее проектности» [1, с. 9].

Идея понятна: в высшей школе необходимо реализовать потенциал проектности, присущий философии. О.А. Габриелян доводит эту идею, так сказать, до рецептурного уровня, до конкретных предложений, касающихся кафедр философии и – шире – кафедр социально-гуманитарного профиля в региональном университете. Свою позицию автор выражает в следующих словах: «Для преподавателей философии, речь идет о переформатировании себя и своей профессии» [1, с. 9]. (Пунктуация источника – Р.Л.) Итак, нам предлагается в первую очередь вступить на путь самосовершенствования (переформатирования себя), а во вторую – заняться коренным преобразованием своей профессии.

Логичный вопрос: что все это конкретно означает?

Вообще говоря, «переформатирование себя» – задача для любого человека самая трудная из всех возможных. Что имеется в данном случае в виду? Нам удалось отыскать лишь два суждения, которые можно расценить как конкретные предложения относительно «переформатирования» личности философа. Суждение первое. Автор, ссылаясь на мнение М.Ю. Немцева [11], заявляет, что «преподавателю нужно самому организовывать площадку встреч с обучающимися» [1, с. 10]. Но ведь такая «площадка встреч» задается учебным расписанием. Лекции, семинары, консультации, экзамены – разве это не встречи преподавателя со студентами? Они происходят в учебных аудиториях или на кафедре, в зависимости от ситуации. И всякий раз место, где протекает общение участников педагогического процесса, заранее определяется уполномоченным на то подразделением вуза. Если каждый преподаватель станет сам назначать «площадку встречи», то это будет уже не вуз, а совсем другое заведение.

Суждение второе: «Самим обучающимся нужно открывать перспективы их личностного развития в ходе обучения, и к философу возвращается его изначальная функция учителя молодежи (Сократ и др.)» [1, с. 10]. Фраза построена так, что невозможно сразу понять, кто должен открывать перспективы личностного развития учащихся: сами учащиеся или их наставники. Судя по контексту, верен второй вариант. Если это так, то и в данном случае предлагается изменение внешнее, функциональное, а не внутреннее, экзистенциальное.

Теперь относительно «переформатирования» профессии преподавателя. Предложения О.А. Габриеляна на этот счет исходят из его общего видения образования не как духовного прогресса личности учащегося, а как повышения ею своей стоимости на рынке труда. О том, что это именно так, недвусмысленно свидетельствует такая фраза: «Родители студентов заинтересованы в капитализации личности своих детей и готовы в это инвестировать» [1, с. 10]. Итак, образованность – это капитал, а процесс образования – инвестиции в него. Кредо либерализма

заявлено со всей ясностью и определенностью. Роль преподавателя философии при таком понимании состоит в том, чтобы помочь студенту повысить его капитализацию, разместить инвестиции самым эффективным образом. «Преподаватель в современных условиях, – пишет О.А. Габриелян, – это тьютор (как репетитор по жизни) не столько в профессиональной подготовке, сколько в жизненном самоопределении» [1, с. 10]. Допустим, что это так. Но ведь данное утверждение относится к преподавателю *любой* дисциплины, не только философии. Преподаватели технических наук в этом смысле принципиально не отличаются от гуманитариев. Так в чем же специфика «перезаформатированной» личности философа в сравнении с личностью, которая такой процедуре себя не подвергла? Должны самокритично признать: найти удовлетворительного ответа на этот вопрос в статье мы не сумели. Зато уяснили для себя, чем, по мнению автора, должны заниматься философы в современных условиях. Приведем соответствующее высказывание: «Мы полагаем, что никакая социо-гуманитарная дисциплина не позволяет освоить экзистенциальные навыки лучше, чем философия. Практикующим философам необходимо лишь раскрыть этот ее потенциал на языке новых социальных отношений и маркетинговых коммуникаций» [1, с. 11]. И в пояснение этого ключевого положения: «Это становится очевидным, если перечислить новые профессии близкого будущего: разработчик образовательных траекторий, карьерный стратег, организатор проектного обучения, тьютор, игромастер, модератор» [1, с. 11].

Чтобы вполне оценить эту идею статьи, поясним для читателя, что под экзистенциальными навыками в ней понимается «способность ставить цели и достигать их (сила воли), самосознание, способность к саморефлексии (осознанности), способность учиться и переучиваться (саморазвития)» [1, с. 11]. Другими словами говоря, философия должна стать чем-то вроде продвинутого курса личностного роста для студентов тех профессий, которые находятся на пике рыночной конъюнктуры.

Свои размышления о миссии философа в вузе автор подытоживает в следующих словах: «Результатом работы преподавателей философии в университете должен стать выпускник, способный сформировать свой личный экзистенциальный проект, в основе которого находится смысл личного самостояния и самоопределения. Он должен обладать профессиональными компетенциями, чтобы встроить свой проект в другие проекты с близкими ему смыслополаганием и целями, участвовать в других проектах в той мере, в какой они соответствуют его личному проекту» [1, с.12].

Не станем спрашивать, что такое «экзистенциальный проект, в основе которого находится смысл личного самостояния и самоопределения».

Предположим, что существуют какие-то иные типы духовного самоопределения, не связанные с личным выбором смысложизненной стратегии. Не станем задаваться вопросом о том, каково социальное содержание «экзистенциального проекта»: быть или казаться? созидать или присваивать плоды созидания? «достойно ль смиряться под ударами судьбы иль надо оказать сопротивление»? Поставим вопрос, который напрашивается сам собой: что остается на долю преподавателей других дисциплин? Они что, не в состоянии влиять на личностный рост студента, на его духовное и социальное созревание?

Судя по тому, что О.А. Габриелян пишет в статье далее, он так не думает. Вот соответствующее заявление на этот счет: «Кафедра философии, как и любая другая кафедра, должна стать не только административным механизмом, регулирующим образовательный процесс, но и домом неформального общения с научным руководителем, тьютором, лидерами групп различных интересов и активностей» [1, с.12]. Итак, если мы правильно поняли мысль автора, она состоит в следующем: «экзистенциальный проект» студента формируется под влиянием всех дисциплин, но у философии в этом плане есть несомненное преимущество перед остальными социально-гуманитарными науками. (И всеми иными, надо полагать, тоже.) И это преимущество, если кратко выразить основную идею разбираемой статьи, заключается в проектности.

Что же делать?

О.А. Габриелян принимает сложившуюся в системы образования ситуацию как данность. «Вступать в борьбу с объективными обстоятельствами рынка и соответствующим ему способом администрирования бессмысленно», – ясно и отчетливо формулирует он свою позицию [1, с. 14]. Вот еще одно заявление автора, столь же четкое и категоричное: «Тоска о "потерянном рае" бесперспективна» [1, с. 9]. Но ведь и жить по тем правилам, которые нам, преподавателям, навязывают «объективные обстоятельства рынка», просто невыносимо. Что же делать?

О.А. Габриелян (насколько нам удалось понять его идею) видит выход из сложившейся ситуации с преподаванием философских дисциплин в том, чтобы реализовать такое атрибутивное качество философии, как проектность. Но эта идея имеет смысл лишь при том условии, что другие дисциплины таким свойством не наделены. Однако, как мы постарались показать, в реальности проектность (при любом ее истолковании) присуща всякой науке и даже всякому духовному образованию. Для марксиста в этой способности духовной сферы влиять на материальную деятельность людей нет ничего удивительного, поскольку он, марксист, твердо усвоил, что «общественная жизнь является по существу практической» [12, с. 3].

Специфика философии по сравнению со всеми другими дисциплинами, которые изучаются в вузе, состоит, по нашему убеждению, не в ее проектности, а в том, что она является теоретически систематизированным мировоззрением. И именно в этом качестве она воздействует на внутренний мир личности, способствуя в первую очередь ее духовному росту, а во вторую и третью – гражданскому и профессиональному становлению.

Целостный взгляд на мир предполагает некий зазор между личностью и миром, взгляд на мир как бы со стороны, извне, условное отстранение от него, подобно тому как для познания свойств реальных газов нужно отвлечься от них, выработать абстракцию идеального газа. Чтобы понять каков мир в целом, необходимо стереть с него случайные черты. И вот это мысленное, условное отстранение от несущественных черт и деталей мира мы и называем неотмирностью философии. Повседневность, быт, детали и подробности быстротекущей жизни – не входят в предмет философии. Она надмирна и в этом (и только в этом) смысле неотмирна.

В сущности, возникновение философии в Древней Греции как раз и означало выработку такой интеллектуальной позиции, которая резко порывала с привычным мирозерцанием, с обыденным сознанием. Древние греки в своем большинстве занимались обычными делами: возделывали землю, добывали пропитание, торговали, воевали, выполняли административные обязанности. И вот появились какие-то странные люди, для которых все это было несущественным, неважным, мелочной суетой. Они *размышляли*. О том, как устроена вселенная, что такое благо, в чем состоит красота, что такое справедливость, каковы свойства сторон прямоугольного треугольника и о многом другом, что было совершенно не интересно и чуждо человеку, занятому разными серьезными и важными делами. Философ в глазах «нормального» человека – существо не от мира сего, в лучшем случае безобидный чудаков, в худшем – источник угрозы для общества. Аристофан, который потешается над удаляющимся в «мыслильню» Сократом, – классический представитель такого укорененного в быте сознания. Сила философии состоит в том, что она приподнимает человека над уровнем быта и тем самым дает ему точку опоры, благодаря которой можно мысленно охватить весь мир. И уже с этой высоты человек становится способен детально разобраться в том, что происходит в повседневной жизни, связать в единое целое частности, вникнуть в подробности.

Быть можно дельным человеком, не ведая никакой философии. Так, условный сантехник Василий Васильевич живет в ладу с собой и с окружением, поскольку он – мастер своего дела, примерный семьянин, отец троих детей, активный член школьного родительского комитета. Ни в

одной из этих своих ролей он потребности в философии не испытывает. Но жизнь все равно найдет способ заставить человека задуматься над вечными вопросами бытия. Представим себе, например, такую ситуацию, типичную для наших дней. В сквере, где Василий Васильевич привык гулять со своими детьми, намечено строительство очередного храма вдобавок ко многим имеющимся. Как поступить в этом случае: безропотно принять решение властей или выразить протест против ущемления законных прав жителей микрорайона? Смириться или бороться? А за этим вопросом встают другие: допустимо ли поступаться человеческим достоинством под давлением обстоятельств? можно ли пренебречь долгом ради наслаждения? Человек – хозяин своей судьбы или ее игрушка? Существует ли высшая сила, нами управляющая? Свобода – это отсутствие зависимости или осознанное подчинение внешней необходимости? И так далее...

И наш Василий Васильевич, если он не желает, конечно, деградировать как личность, рано или поздно вынужден будет ставить и решать эти вопросы. И это обычный сантехник, т.е. человек, который занимается простым исполнительским трудом. Но тот, чей труд носит характер сложный, творческий, тот, кто занимается организационной деятельностью, сталкивается с вопросами мировоззренческого уровня не только, так сказать, в пограничных ситуациях, но и в своей повседневной практике. И потому более или менее основательное знакомство с философией необходимо ему для выполнения своих профессиональных обязанностей. Без такого знакомства образование не может быть полноценным. И это касается не только тех специальностей, которые находятся на острие прогресса, но и всех профессий без исключения.

Советский проект был продолжением и воплощением на практике проекта Просвещения, ибо исходил из возможности и необходимости построения разумно устроенного общества и воспитания человека, способного мыслить разумно. Именно по этой причине в программу высшей школы в качестве обязательной дисциплины на всех специальностях была введена философия. Случилось это не сразу, только в 1966 году, когда были созданы необходимые материальные предпосылки. В обстановке «холодной войны» роль философского компонента общего образования трактовалась однобоко, в философии усматривали прежде всего один из каналов идеологического воздействия на молодежь. Но, как справедливо подчеркивает Л.А. Мусаелян, «при всех издержках прагматического подхода властей к философии она впервые в истории нашей страны обрела социально значимый статус» [13, с. 82]. И главное назначение философии состояло в том, чтобы формировать у студентов *научное* мировоззрение. Учебная программа по этой дисциплине неизменно включала в себя такие разделы, как концепция природы, концепция

общества, концепция истории, концепция развития, концепция сознания и познания. Философия преподавалась в течение двух семестров и завершалась экзаменом. Этот факт сам по себе красноречиво свидетельствует о том, что философии в советское время придавалось большое значение. Победа контрреволюции в 1991-1993 гг. самым негативным образом сказалась на отечественной системе высшего профессионального образования, в том числе и на преподавании философии. Ее статус резко снизился, чему способствовал, в первую очередь, курс на «вхождение в мировое образовательное пространство». Соответственно снизился и статус преподавателей философии. В советское время студент философского факультета твердо знал, что по окончании вуза его ждет интересная, престижная и хорошо оплачиваемая (в перспективе) работа. Во времена антисоветские ему придется пополнить ряды лузеров, которые за более чем скромную зарплату ведут занятия по периферийным дисциплинам вузовской программы. И при этом на его плечи ляжет составление неисчислимого множества бумаг, в которых по большей части нет никакого разумного смысла. Если молодой человек по малости жизненного опыта этого еще не знает, то он это интуитивно чувствует. И реагирует на ситуацию выбором тех профессий, которые, как ему кажется, открывают лучшие перспективы для карьеры. Падение общественного престижа профессии преподавателя – не случайная ошибка реформаторов образования, а результат осознанной политики. И исправить такое положение вещей посредством «переформатирования» преподавателем свой личности и совершенствования работы кафедры это все равно что попытаться вытащить себя из болота за волосы. Нужны меры на макроуровне.

В позиции О.А. Габриеляна мы не можем прежде всего принять его философию примирения с действительностью. В любую эпоху человек не имеет права безропотно склонять выю перед существующими обстоятельствами. Конечно, не в наших силах изменить ситуацию с сегодня на завтра. Но если не предпринимать никаких усилий, то нам и нашим потомкам так и придется довольствоваться ролью «малых сих» до скончания веков. Никто не преподнесет нам лучшее будущее на блюдечке с голубой каемочкой, за него нужно бороться. А возможности для борьбы всегда есть. Верно, что высшая школа зависит от правительства. Но ведь и правительство находится в зависимости высшей школы! Долг и доблесть профессионалов состоит в том, чтобы служить народу. Народу, а не правительству. Что мешает преподавательскому сообществу потребовать от правительства выполнения ряда неотложных мер? В первую очередь, повышения зарплаты до уровня, соответствующего сложности и важности выполняемой работы. Другая назревшая проблема – прекращение

сверхэксплуатации преподавателей. В настоящее время преподаватели вынуждены работать на износ, лишая себя возможности полноценного досуга. Другая важная задача – отказ от нелепых и вредных новаций типа балльно-рейтинговой системы и так называемого компетентностного подхода. Все это бюрократическое шаманство, вся эта псевдопедагогическая мистика, вся мнимоглубокомысленная схоластика, связанная с названным подходом, ничего, кроме глухого раздражения, у преподавателей не вызывает. Задача преподавателя – дать студенту глубокие и прочные знания. А студент – не такое уж бестолковое существо, чтобы не суметь этими знаниями правильно воспользоваться. Другое важное требование, которое необходимо предъявить соответствующим инстанциям, – увеличение количества часов, отводимых на изучение социально-гуманитарных дисциплин. В настоящее время в подавляющем большинстве вузов студенты «пробегают» курс философии в течение одного семестра за 36 часов. Этого катастрофически мало. Необходимо вернуться к советской практике, когда в технических вузах программа по философии была рассчитана на 72 часа, а в гуманитарных – на 144.

Таковы, на наш взгляд, ближайшие цели, за которые стоит побороться.

Предвижу закономерный вопрос: а каковы шансы на успех? Отвечу совершенно откровенно: до самого последнего времени они были невелики, ибо страна упорно стремилась «возвратиться в лоно мировой цивилизации», где ей было уготована роль сырьевого придатка империалистического ядра современной мир-системы. Но с недавних пор ситуация стала меняться. Для определенной части правящей элиты стало ясно, что сохранение исторической субъектности России может быть достигнуто только на путях обеспечения самодостаточности. Но основа самодостаточности – целостная национальная система образования, развивающаяся на собственной основе. Такая система образования была создана в советское время, и она вполне доказала свою эффективность. Так зачем же изобретать велосипед? И совершенно не случайно В.В. Путин в своем послании к Федеральному собранию 21 февраля 2023 года заявил, что необходимо «вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием» [14]. России брошен исторический вызов, и только опора на проверенные временем практики позволит нам дать достойный ответ на него.

Выводы.

1. Какой бы ни вкладывался смысл в понятие проектности, философия наделена этим качеством не в большей степени, чем любая другая научная дисциплина (шире – любой другой духовный феномен).

2. Неблагополучие в деле преподавания философии в современной высшей школе отражает общее неблагополучие в системе образования.
3. Программа улучшения преподавания философии, исходящая из идеи актуализации ее проектности, не ведет к устранению системных причин неблагополучия.
4. Предназначение философии в вузе – формирование научного мировоззрения у студенческой молодежи. Необходимы принципиальные изменения на уровне всей системы образования, чтобы философия имела возможность исполнить свое предназначение.
5. Эти изменения не упадут на наши головы как дар небес или милость властей предрержащих; за перемены к лучшему нужно бороться, выдвигая перед правительством законные и обоснованные требования: повышения зарплаты преподавателей, прекращения их сверхэксплуатации, ликвидации бюрократического произвола и т.д.

Список литературы

1. *Габриелян О.А.* Проектность философии//Новые идеи в философии. Вып.10 (31) 2022, С.4-18.
2. *Генисаретский О. И.* О проектности. 14–15 марта 2001 года. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 27.07.2009. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6119> (дата обращения 03.02.2023).
3. *Деягин М.Г.* Проектность как свойство истории//Свободная мысль. 2020 № 3 (1681) С.5-8.
4. *Чарикова И.Н.* Методологические подходы к исследованию эпистемологических оснований развития образовательной проектности//Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 5 (223). С.84-90.
5. *Чарикова И.Н.* Научно-исследовательская деятельность как фактор развития образовательной проектности будущих инженеров//Современные наукоемкие технологии. 2020. № 4-7. С.149-153.
6. *Чарикова И.Н.* Образовательная проектность как ресурс повышения качества подготовки будущих инженеров//Самарский научный вестник. 2020. Т.9. № 1(30). С.293-300.
7. *Перцев А.В.* Почему Европа не Россия (Как был придуман капитализм). М.: Академический Проект. 2005. – 384 с.
8. *Лютер Мартин* 95 тезисов URL: <https://www.cef.ru/infoblock/greetings/letter/article/1378626> (дата обращения 09.02.2023)
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии// К.Маркс, Ф.Энгельс Соч. 2-е изд. Т.4. С.419-459.
10. *Лившиц Р.Л.* Когда закончатся реформы образования в России? //Вестник Российского Философского общества. 2022. Вып.3-4 (101-102). М.: РФО. 2023. С.178-187.
11. *Немцев М.Ю.* О профессиональном самоопределении университетских преподавателей философии в России//Идеи и идеалы. 2021. Т.13. № 1. ч.1. С.24-38.
12. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.3-4.
13. *Мусаелян Л.А.* Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России//Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып.1. С.78-90.

14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 21 февраля 2023 г.
URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-21-02-2023.html> (дата обращения 27.02.2023)

THE RELEVANT OTHERWORLDNESS OF PHYLOSOPHY

Rudolf L. Livshits

freelance researcher

Gatchina, Leningradckaya oblast', 188006, Russia

O.A. Gabrielyan's position stated in his article "Projectmaticity of Philosophy" was analyzed. A number of existing cultural, pedagogical and historical approaches to defining the concept of projectmaticity were examined and it was concluded that it has a rather vague, blurred meaning. But in any case, projectmaticity is interpreted as something that is the opposite of a passive-contemplative attitude to reality. O.A. Gabrielyan shares this understanding and supplements it with qualifiers such as innovation and pragmatism. He sees projectmaticity as an attributive quality of philosophy, which should underpin the transformation of teaching philosophy in higher educational establishments. His programme is aimed at the idea of "the philosophy teacher "reformatting" himself and his profession". The existing objective conditions in which the pedagogical process takes place are not considered to be subject to change. The specific proposals formulated by O.A. Gabrielyan in pursuance of this idea are critically analyzed. It is shown that projectmaticity (however it may be understood) is a quality inherent not only in philosophy, but also in any science and - more broadly - any spiritual education. Hence, in particular, the intellectual potential of philosophy in higher educational establishments can be realized not through the cultivation of projectmaticity, but through the revival of its significance as a scientific outlook. This cannot be done within existing realities, which means that realities need to be changed. So we suggest specific steps that should be taken by the teaching community in the near future.

Key words: philosophy, otherworldness, outlook world, projectness, education reforms, teaching community

УДК 111, 114, 115.4
10.17072/2076-0590-2023-11-21-34

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Л.О. Балиев

ведущий инженер

Институт Физики Высоких Энергий (ИФВЭ)

142281, Московская область, г. Протвино, пл. Науки, д. 1

baliev@bk.ru

Наши представления о пространстве и времени, даже с учетом их априорности по Канту, со временем меняются. Их эволюция с необходимостью сопровождает развитие нашего знания о физической реальности. В статье описаны представления о пространстве и времени, позволяющие не только однозначно интерпретировать эффекты квантовой механики, но и построить модель оснований физической реальности, развитие которой, по мнению автора, может привести к созданию единой физической теории микромира. В рамках этой модели утверждается дискретность пространства и времени, из которой с необходимостью следует вероятностный характер элементарного движения; геометрия различается на неразрывно связанные между собой континуальную геометрию Бытия и дискретную геометрию Сущего, а время становится абсолютным инвариантом Сущего.

Ключевые слова: пространство, время, дискретность, непрерывность, случайность, вероятность, Бытие, Сущее.

Копенгагенская интерпретация квантовой механики, сформулированная Н.Бором и В.Гейзенбергом в конце 1920-х годов, положила начало «брожению умов» в физическом сообществе, последствия которого трудно оценить даже сейчас – по прошествии почти целого столетия. Причиной всеобщей растерянности стала необходимость утверждения принципиальной неустранимости вероятностного характера предсказаний квантовой механики. Другими словами, «отцы» квантовой механики пришли к выводу, что процессы, описываемые уравнением Шредингера как случайные, являются *истинно* случайными (то есть случайность этих процессов не является следствием недостатка знания о них). Но к такому повороту физическое сообщество оказалось совершенно не готово. Прежде всего, оказался необъясним сам феномен «истинной случайности». В самом деле, что представляет собой истинная случайность? Что является ее источником? Но, самое главное, зачем нужны истинно случайные процессы в мире, где все так хорошо описывалось детерминированными законами? Ответов на эти и другие аналогичные вопросы в рамках физической парадигмы³ не нашлось, а выходить за пределы парадигмы физическое сообщество не решилось. Это привело к тому, что все интерпретации квантовой механики (а на сегодняшний день помимо копенгагенской существует еще несколько десятков интерпретаций) можно разделить на две группы: группа интерпретаций, содержащих отказ обсуждать проблему истинной случайности, полагая, что эта проблема не относится к компетенции физики (к этой группе мы причислим и копенгагенскую интерпретацию); и группа интерпретаций, в которых предпринята попытка вообще избежать введения понятия истинной случайности для описания феноменов квантовой механики (наиболее известной и популярной в настоящее время представительницей этой группы является т.н. «Многомировая интерпретация» Х.Эверетта [1]). И, несмотря на то что ни одной из многочисленных интерпретаций не удалось достичь каких-либо существенных успехов в феноменологическом описании квантовой механики, никто так и не рискнул развернуть направление поиска в сторону изучения и объяснения феномена истинной случайности. Похоже, что на сегодняшний день в физическом сообществе в отношении проблемы квантовой интерпретации окончательно и бесповоротно утвердилась мировоззренческая формула «Заткнись и считай!», которую впервые озвучил профессор Корнеллского университета Дэвид Мермин⁴ [2]. Тем более, что наработанный

³Здесь и далее под «физической парадигмой» следует понимать ее теоретико-полевой извод.

⁴Справедливости ради, необходимо отметить, что хотя Дэвид Мермин сформулировал и озвучил указанный афоризм, он не был сторонником воспевавшегося в нем подхода. Напротив, его процитированная статья была направлена на то, чтобы физическое сообщество не оставляло попыток выстроить ясную и понятную феноменологию квантовой механики.

математический инструментарий позволяет, несмотря на полное отсутствие феноменологического описания, исправно осуществлять практическое применение квантово-механической теории. Но, очевидно, такая ситуация не может продолжаться вечно. Рано или поздно, само развитие науки поставит физическое сообщество перед необходимостью отвечать на поставленные природой вопросы, даже если ответы на эти вопросы лежат за пределами физической парадигмы. Другое дело, что длительное уклонение от ответа может аукнуться тяжелым продолжительным кризисом.

Как проблема истинной случайности, так и другие парадоксы квантовой механики (корпускулярно-волновой дуализм, парадокс квантовой запутанности, и пр.), плохо поддающиеся феноменологическому объяснению, определенно указывают на то, что проблемы квантовой механики носят фундаментальный характер, и решение этих проблем необходимо искать в самих основаниях квантовой механики, основаниях физической реальности. И начинать надо с тщательного анализа, а возможно и пересмотра, таких оснований физической реальности как пространство и время, поскольку именно адекватные представления о пространстве и времени дают возможность наработать знание, не противоречащее окружающему нас физическому миру.

Структура пространства и времени

Дискуссия о структуре пространства и времени, суть которой заключается в том, чтобы сделать обоснованный выбор между непрерывной (континуальной) и дискретной структурой пространства и времени, имеет очень длительную историю и своими корнями уходит еще в античную философию, в рамках которой она долго и тщательно обсуждалась, но, тем не менее, окончательного выбора так и не было сделано. То угасая, то вспыхивая вновь, дискуссия продолжается до сих пор, но каких-либо качественно новых аргументов так и не выдвинуто ни сторонниками континуализма, ни приверженцами дискретности⁵. Другое дело, что в наше время «идея пространственно-временной дискретности возникла в связи с крупными открытиями и в предчувствии больших возможностей, раскрывшихся благодаря им перед наукой, – короче, идея пространственно-временной дискретности в новое время возникла после того и тогда, как и когда развитие науки вплотную подвело к ней. Именно такая постановка вопроса типична для нашего времени» [3, с. 13].

Несмотря на то, что античная философия не смогла прийти к единому мнению по поводу выбора структуры пространства и времени, мы

⁵С подробностями истории этой дискуссии можно ознакомиться здесь: [3, 4, 5].

полагаем, что решающий аргумент в пользу дискретной структуры пространства и времени был выдвинут еще в античные времена Аристотелем⁶. Этот аргумент касается пространственной меры. Аристотель писал: «... мерою и началом является нечто единое и неделимое, ибо и при измерении линий мы пользуемся, как неделимой, тою, в которой один фут: всюду для меры мы ищем что-нибудь единое и неделимое, а таково то, что является простым или по качеству, или по количеству» [6, с. 165]. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что у непрерывного пространства не может быть меры, поскольку оно не содержит в себе ничего, что было бы способно сыграть роль «единого и неделимого», ибо непрерывное пространство с необходимостью является бесконечно делимым. А это означает, что непрерывное пространство не может существовать в том смысле, в котором существует наше физическое пространство. В то же время мы легко находим меру, а значит и доказательство осуществимости, для дискретного пространства. И эта мера – шаг дискретизации.

Поясним сказанное примером. Если под пространством мы будем понимать совокупность точек существования (материальных точек), то в качестве математической модели непрерывного пространства можно использовать множество действительных чисел (несчетное множество), а в качестве математической модели дискретного пространства использовать любое бесконечное счетное множество, например, множество целых чисел. Теперь, если мы, базируясь на первой математической модели, захотим измерить расстояние между двумя произвольно выбранными точками в непрерывном пространстве, то столкнемся с принципиальными трудностями: во-первых, мы не сможем идентифицировать те точки, расстояние между которыми мы хотели бы измерить; а во-вторых, мы не сможем измерить расстояние между выбранными точками.

Проблема идентификации точек в непрерывном пространстве связана с неразличимостью точек этого пространства вследствие того, что для множества действительных чисел не существует такого понятия, как «ближайшее число». Другими словами, если бы у нас была бесконечно тонкая игла и мы «ткнули» бы ею в непрерывное пространство, смоделированное множеством действительных чисел, то, как бы мы ни увеличивали масштаб, мы не смогли бы отличить точку, на которую указывает игла, от бесконечного числа окружающих ее точек.

Измерить расстояние между двумя точками в непрерывном пространстве также оказывается невозможным, но не только по причине невозможности идентифицировать сами точки, но и по причине отсутствия

⁶Как ни странно, но выдвинувший этот аргумент Аристотель был сторонником непрерывности пространства и времени.

меры – единицы измерения. Для пространства в основании любой единицы измерения лежит расстояние между двумя ближайшими точками. Но такого расстояния, как мы уже указывали выше, в непрерывном пространстве просто не существует. Следовательно, у такого пространства не существует меры (в аристотелевом смысле).

Что касается дискретного пространства, то решение проблемы идентификации точек и измерения расстояния между двумя точками представляется тривиальным, поскольку для такого пространства вполне определено понятие «ближайшей точки».

Следует заметить, что далеко не только Аристотель приводил аргументы в пользу дискретности реального пространства. Так, например, знаменитый немецкий геометр Бернхард Риман писал: «Измерение заключается в последовательном прикладывании сравниваемых величин; поэтому возможность измерений обусловлена наличием некоторого способа переносить одну величину, принятую за единицу масштаба, по другой величине. Если такой способ не указан, то сравнивать две величины можно лишь в том случае, когда одна из них является частью другой, и тогда речь может идти лишь о “больше” или “меньше”, а не о “сколько”». И далее: «Вопрос о том, справедливы ли допущения геометрии в бесконечно малом, тесно связан с вопросом о внутренней причине возникновения метрических отношений в пространстве. Этот вопрос, конечно, также относится к области учения о пространстве, и при рассмотрении его следует принять во внимание сделанное выше замечание о том, что в случае дискретного многообразия принцип метрических отношений содержится уже в самом понятии этого многообразия, тогда как в случае непрерывного многообразия его следует искать где-то в другом месте. Отсюда следует, что или то реальное, что создает идею пространства, образует дискретное многообразие, или же нужно пытаться объяснить возникновение метрических отношений чем-то внешним – силами связи, действующими на это реальное» [7].

Таким образом, мы приходим к выводу о невозможности континуальности реального физического пространства, а значит, нам необходимо более пристально взглянуть на дискретное пространство с тем, чтобы увидеть ближайшие последствия выбора в его пользу.

Модель дискретного пространства-времени

Под дискретным пространством (пространство Существования, физическое пространство) мы будем понимать счетное множество точек существования (материальных точек), различных на несчетном множестве точек континуального пространства (метафизическое

пространство, пространство Бытия). Это позволяет избежать дихотомии субстанционального и реляционного подходов, поскольку в нашем случае пространство и есть материя. Но возникает вопрос: каким образом, из совокупности точек существования как первоисточника возникают развитые формы материи?

Возможны разные сценарии становления физической реальности с дискретным пространством-временем. Это может быть единый акт различения, в результате которого возникает бесконечное пространство (ньютоново пространство), а может и перманентный процесс генерации пространства (сценарий Большого Взрыва). В контексте нашей статьи важно лишь то, что в любом случае в первый момент пространство различается как чистое (геометрическое) пространство, материальные точки которого различены только геометрически (имеют разные координаты). Поэтому материя в этом состоянии физической реальности различена как «первая материя» (по Аристотелю) не имеющая формы, но обладающая потенциалом к ее обретению. Физический аналог первой материи – это физический вакуум, в котором в возможности есть все, но в действительности – ничего. И лишь на следующем шаге становления физической реальности материя приходит в движение и начинает обретать форму. Побудительные основания движения материи заключаются в наличии некоего набора фундаментальных качеств, которым обладают материальные точки, составляющие пространство. Эти качества – суть сущности, «транслируемые» в физическую реальность непосредственно из метафизической реальности и получающие свою количественную определенность в момент различения первой материи. Движение же материи есть ничто иное, как результат отношений количественного сравнения и последующего перераспределения тождественных качеств, в которые в течение каждого момента дискретного времени вступают ближайшие материальные точки пространства будучи различенными геометрически. Таким образом, в физическом пространстве движутся не сами материальные точки, а количественные кванты их фундаментальных качеств. Такие квазичастицы мы назовем *экзистоунами*⁷. В зависимости от количественного распределения фундаментальных качеств по пространству, а также от законов, описывающих отношения между точками существования, движение экзистоунов может принимать устойчивые конфигурации – форму, что приводит к появлению «последней материи» (по Аристотелю) – элементарных частиц.

⁷От *exist* (англ.) – существовать и *stone* (англ.) – камень, т.е. "(краеугольный) камень существования".

Движение в описываемой модели дискретного пространства-времени должно подчиняться *принципу реновации*. Этот принцип входил в концепцию дискретного пространства, наработанную еще в античной философии, и применительно к нашей модели означает, что движение (т. е. изменение положения в дискретном пространстве) происходит не непрерывно, а скачкообразно. Нечто может находиться только в точках существования пространства (узлах пространства) и не может находиться между этими точками. При этом время, прошедшее между исчезновением нечто из одной точки существования и появлением его в другой, мы будем называть «квантом времени», а само перемещение — «квантом перемещения». Разумеется, квант перемещения возможен исключительно между ближайшими точками пространства, расстояние между которыми мы будем называть «квантом пространства».

Квант времени безусловно является инвариантом. В противном случае существование различных частей Вселенной не было бы согласовано и в ней царил бы хаос. В отличие от кванта времени, величина кванта пространства не может иметь единственное значение⁸. Это связано с тем, что дискретное пространство должно быть геометрически изотропным, как минимум, на масштабах больших, чем классический радиус электрона ($\sim 10^{-15}$ м), ибо на сегодняшний день именно эта величина ограничивает масштаб расстояний, вне которого гипотетическая анизотропность дискретного пространства себя никак не проявляет. Но для того, чтобы дискретное пространство было изотропным, необходима нерегулярность «решетки» точек существования, составляющих это пространство. Именно поэтому решетка не может быть, например, кубической. Для кубической пространственной решетки характерно, что расстояние между любыми двумя точками, измеренное в квантах пространства (квант пространства, в данном случае, по величине будет равен длине ребра кубической ячейки, из множества которых состоит эта решетка) будет равно соответствующему расстоянию в непрерывном пространстве только в том случае, если точки расположены на прямой, проходящей вдоль ребер, составляющих решетку кубических ячеек. Во всех остальных случаях, вне зависимости от масштаба, расстояние в непрерывном пространстве будет меньше расстояния в дискретном пространстве.

⁸Не следует путать квант пространства с т.н. «фундаментальной длиной» [5], которая была введена в связи с появлением некоторых специфических проблем — таких, например, как проблема расходимостей в квантовой теории поля. Квант пространства — это более фундаментальная характеристика пространства. Численное значение кванта пространства может совпадать, а может и не совпадать с фундаментальной длиной.

Введение переменного кванта пространства делает необходимой переформулировку принципа *изотаксии*⁹ для нашей модели дискретного пространства. Учитывая инвариантность кванта времени, принцип изотаксии не может утверждать инвариант скорости перемещения между двумя ближайшими точками пространства. Так же, как и для кванта пространства, в переформулированном принципе изотаксии инвариантна не сама скорость, а промежуток скоростей. Скорость же становится инвариантной только на достаточно большом масштабе пространства.

Предложенная нами модель физического пространства вполне соответствует представлениям о дискретном пространстве античных философов. Тем не менее, из нее можно сделать совершенно нетривиальные выводы.

Во-первых, обратим внимание на то, что множество точек существования любого дискретного пространства является подмножеством множества точек непрерывного пространства. Это означает, что мы можем говорить о непрерывном пространстве как о множестве всех дискретных пространств. И в этом смысле, непрерывное пространство можно рассматривать как «пространство-Ничто», то есть как такое пространство, в котором в неразличенном (несуществующем) виде содержатся все возможные дискретные пространства. При этом, в силу указанного соотношения непрерывного и дискретного пространств, геометрия любого дискретного пространства будет неким приближением геометрии непрерывного пространства, которая дана нам как «истинная геометрия». Таким образом, геометрия выступает в роли фундаментального инварианта Бытия¹⁰.

То же самое мы можем сказать и о другом компоненте пространства-времени – о времени. Любое множество квантов времени является подмножеством непрерывного времени. Таким образом, непрерывное время есть ничто иное, как совокупность всех дискретных множеств времени. Но, поскольку непрерывное время мы не можем различить количественно – оно есть качественное время. Для качественного времени определены прошлое и будущее, но настоящее, как точка на оси времени, ввиду ее неразличимости не определено. Количественным же время становится только в пределах существования, в рамках которого конкретизируются параметры кванта времени.

⁹Один из принципов, лежащих в основе представлений античных философов о дискретном пространстве-времени, согласно которому все атомы движутся с одинаковой скоростью.

¹⁰ Здесь и далее Бытие следует трактовать в аристотелевом смысле, т.е. Бытие и Сущее означают, что одно есть в возможности, другое – в действительности. [6, с.87].

Другим следствием из принятой нами модели физического пространства-времени является вероятностный характер движения в этом пространстве. Необходимость именно такого характера движения становится ясной из анализа процесса свободного движения в дискретном пространстве.

Из физики мы знаем, что свободное движение тел равномерно и прямолинейно. Из геометрии Эвклида, в свою очередь, известно, что отрезок прямой линии есть кратчайшее расстояние между двумя точками, задающими концы этого отрезка. Но в дискретном пространстве между двумя точками в общем случае можно провести множество линий являющихся кратчайшим расстоянием в квантах пространства между этими точками. По какой же из них должно совершаться перемещение? Очевидно, что выбор линии будет случайным, но в чем заключается механизм этой случайности? Ведь если выбор каждого шага свободного движения будет совершаться случайным образом по отношению ко всем ближайшим точкам, то движение будет не только не прямолинейным, но хаотичным, а, значит, маловероятно, что оно вообще приведет из точки А в точку Б. Таким образом, мы можем предположить, что должен действовать некий закон, который при сохранении случайности выбора шага свободного движения обеспечил бы движение по одной из наикратчайших линий соединяющих любые точки А и Б пространства. Такой закон может базироваться, например, на том, что в каждой точке траектории свободного движения из точки А в точку Б, вектор вероятности, определяющий вероятность совершения следующего шага движения в ту или иную соседнюю точку дискретного пространства, направлен в точку Б¹¹.

Таким образом, мы приходим к выводу, что случайность квантово-механического движения является не абстрактным требованием, предписываемым математическим описанием, а вполне феноменологически понятным следствием структуры дискретного пространства.

Завершающее обсуждение

1. Предложенная модель оснований физической реальности доказательно утверждает дискретный характер физического пространства и времени, из чего с необходимостью следует вероятностный характер движения. При этом пространство, анизотропное на малых масштабах,

¹¹Обратим внимание на то, что в нашей модели для осуществления свободного движения необходимо, чтобы была задана «конечная точка» движения. Кавычки в данном случае поставлены с тем, чтобы указать на условность этой конечности. Она означает только то, что траектория свободного движения с необходимостью должна проходить через эту точку. На самом деле это скорее промежуточная точка, чем конечная.

становится изотропным в практическом смысле на масштабах бóльших, чем 10^{-15} м.

2. Важным элементом нашей модели является прозрачность онтологической истории физической реальности: от неразличенного *Ничто* => через *Чистое Пространство* => к формированию *Материи*. И, несмотря на то что здесь пространство имеет выраженный приоритет «первичности» перед материей, эти представления лишены коллизий, характерных для субстанционального и реляционного подходов уже хотя бы потому, что в известной мере совмещают их.

3. Анализ триады «*Ничто* => *Чистое Пространство* => *Материя*» позволяет получить некоторые представления о феномене истинной случайности. Поскольку движение в дискретном пространстве, как мы выяснили, носит вероятностный характер и при этом является базисным элементом материи (движение = отношение), то фундирующие это движение основания с очевидностью лежат вне Материи. А так как в Чистом Пространстве движение лишь потенцировано, то только Ничто (метафизическое пространство) способно породить феномен истинной случайности, которая выступает в качестве сущности для физической реальности. У нас нет ясного понимания механизма реализации феномена истинной случайности, но мы можем предположить, что метафизическое пространство может содержать в себе непрерывные статические сферические волны вероятности, возникновение которых связано с возникновением экзистоунов. Через точки существования эти волны вероятности различаются в физическом пространстве и, таким образом, определяют поведение экзистоунов при их перемещении между соседними точками.

4. Квант времени инвариантен. При этом он инвариантен не только для нашей Вселенной, но его инвариантность распространяется на всё множество возможных пространств, на всю совокупность Сущего, т.е. квант времени является единой мерой всего Сущего. Это следует из требования непересекаемости пространств между собой. Обеспечить выполнение данного требования путем смещения точек существования одного пространства относительно другого не удастся, поскольку все дискретные пространства являются подпространством единого континуального пространства Бытия. Поэтому для того, чтобы дискретные пространства не пересекались друг с другом, необходимо, чтобы они не имели общих моментов существования, а для этого квант времени должен быть одинаков для всех пространств. Другими словами, геометрические точки существования расположены в одном непрерывном пространстве и могут геометрически совпадать или не совпадать друг с другом, но должны существовать в разные моменты времени.

5. Из фундаментальной инвариантности кванта времени вытекает возможность оценить мощность множества всех пространств, составляющих Сущее. Эта мощность равна мощности множества точек, составляющих квант времени.

6. С момента зарождения идеи дискретности не прекращаются попытки построить специальную геометрию дискретного пространства. Однако в ходе нашего исследования мы выяснили, что геометрия пространства является фундаментальным связующим для Бытия и Сущего, поскольку геометрия любого дискретного пространства (Сущего) есть не что иное, как аппроксимация континуальной геометрии Бытия на конкретные параметры дискретности данного пространства. Это означает, что специфически дискретная геометрия, отражающая свойства реального пространства, невозможна. Геометрия предзадана дискретному пространству¹². И поскольку физическое пространство-время различено на метафизическом пространстве-времени и наследует (геометрию) ему, то мы можем говорить о сдвоенности реального пространства-времени, в котором физическое пространство-время является лишь чувственно, а значит и экспериментально, постигаемой частью. В этой ситуации вопросы, адресованные физическому пространству, на которые физическое сообщество так и не сумело найти ответа, теперь могут быть переадресованы метафизическому пространству.

7. В процессе исследования мы с необходимостью вышли за пределы физической парадигмы, признав насущность единства метафизического и физического пространства для моделирования оснований физической реальности. Онтическая связь метафизического и физического пространства может быть описана в рамках аристотелевой триады начал:

$$\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\sigma \Rightarrow \epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha \Rightarrow \epsilon\nu\tau\epsilon\lambda\epsilon\chi\epsilon\iota\alpha,$$

где $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\sigma$ – метафизическое пространство (неразличенное пространство-Ничто, Бытие в возможности), $\epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$ – различение, $\epsilon\nu\tau\epsilon\lambda\epsilon\chi\epsilon\iota\alpha$ – физическое пространство (Сущее). Интерпретация «энергии» ($\epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$) как различения (различения Ничто), позволяет более точно вскрыть онтологическую суть трансформации метафизического пространства в физическое.

¹²К такому же выводу, хотя и из других предпосылок, пришёл и Кант, который утверждал, что «Геометрия есть наука, определяющая свойства пространства синтетически и тем не менее a priori.» [8, с.80].

8. Идея дискретности пространства-времени известна давно, но не пользуется популярностью в современной физике в основном из-за проблемы возникновения абсолютной системы отсчета, приписываемой пространственной решетке. Вот как описывает проблему О.В.Шарыпов: «рассмотрение движения системы отсчета (частицы) ведется в предположении движения относительно дискретной структуры, что, естественно, придает пространственной структуре решетки статус *абсолютной системы отсчета*. Это всегда приводит к несоответствию с принципом относительности, и теория становится не лоренц-инвариантной, что является существенным недостатком подобного рода моделей. Как следствие, концептуально эти модели представляют собой механическое наложение (проекцию) дискретной структуры (сетки) на пространство неподвижного эфира Лоренца. В самом деле, система отсчета, связанная с решеткой, является выделенной в отношении систем отсчета, движущихся относительно этой решетки. По этой причине, два инерциальных наблюдателя, один – покоящийся в системе решетки, а потому связанный с выделенной системой отсчета, другой – покоящийся в движущейся относительно решетки системе отсчета, – не являются эквивалентными и, тем самым, не относятся к разряду определяемых как инерциальные» [5].

На мой взгляд, проблема несколько преувеличена в том смысле, что в выделенной системе отсчета, связанной с пространственной решеткой, предположительно могут двигаться только бесструктурные частицы с нулевой массой покоя. Остальные же частицы будут двигаться в квази-непрерывном пространстве в условиях отсутствия выделенной системы отсчета. Например, есть предположение, что «при определенных внешних условиях элементарная электромагнитная волна (ЭМ-струна) может начать двигаться по некоторой замкнутой криволинейной траектории, образуя относительно устойчивые конструкции различного типа – электромагнитные частицы (ЭМ-частицы)» [9]. Если такая ЭМ-частица движется в дискретном пространстве, то ее центр масс не связан с координатами узлов решетки – с узлами решетки может быть связана лишь ЭМ-струна, образующая эту частицу. И именно в этом смысле данная частица будет двигаться в квази-непрерывном пространстве.

9. Безусловно, квантовая теория продолжает развиваться, пытаясь найти решение своих многочисленных проблем с помощью привлечения новых, порой весьма радикальных, идей. Мы уже упоминали весьма экстравагантную, но вместе с тем популярную сегодня «Многомировую интерпретацию» Х.Эверетта. Другой оригинальной концепцией является «Теория бинарной геометрофизики» (ТБГ), разрабатываемая нашим соотечественником Ю.С.Владимировым. При построении своей теории

автор «отталкивается от абстрактных и весьма общих понятий – физической структуры и отношения. В основе определения структуры лежит, как известно, предположение о существовании одного или двух множеств элементов (это могут быть множества тел, частиц, точек, событий, людей и т.д.) и наличие отношений между этими элементами. Ключевым является понятие отношения: оно определяет реляционный характер развиваемой автором теории.» [10, с.161].

Необходимо отметить, что, в отличие от нашей модели, ТБГ строится на отрицании априорности пространства-времени. Это позволяет вывести базовые элементы, из которых в этой теории строится физическая реальность, за пределы физического пространства, наделив их при этом свойством трансцендентности. Выражаясь в терминах нашей модели, базовые элементы расположены автором в метафизическом пространстве. Но как с точки зрения онтологии они могли там оказаться, тем более, сразу в различном виде? У автора, судя по всему, нет ответа на этот вопрос. Необходимо, однако, заметить, что вопрос об онтологической истории является «ахиллесовой пятой» не только ТБГ, но реляционных физических теорий в целом.

В ТБГ предлагается следующая трактовка сущности вероятностного поведения микрочастиц в квантовой механике: «с точки зрения предложенного подхода одной из основных причин вероятностного характера квантовой теории является цикличность (компактифицированность) первичных отношений, описываемых БСКО» [11, с.142]. Другими словами, вероятностность в ТБГ является не фундаментальной характеристикой физической реальности, но лишь свойством, приобретенным в силу специфики описания. В представленной же нами модели вероятностность есть неотъемлемое, необходимое свойство физической реальности, происходящее непосредственно из дискретности пространства-времени.

Наделение базовых элементов внепространственным статусом позволяет говорить о феномене дальнего действия в ТБГ: «характер трансцендентности носит в бинарной геометрофизике явный характер. Так напомним, что пространство-время не является здесь первичным, оно возникает, «разворачивается» в результате отношений между множествами элементарных объектов. Характер же существования их самих носит надвременной и надпространственный характер. С этой точки зрения становится хорошо понятным и принцип дальнего действия, являющийся фундаментальным в бинарной геометрофизике» [10, с. 175]. При этом автор понимает под дальним действием – «взаимодействие между двумя объектами, передающееся на расстоянии без посредников» [12, с. 374], никак, впрочем, не объясняя, как это возможно. В нашей концепции

обоснование дальнего действия очевидно: в метафизическом пространстве вследствие его континуальности единственно возможная скорость распространения равна бесконечности. При этом, однако, необходимо иметь в виду то, что в метафизическом пространстве физические сигналы распространяться не могут в силу своей природы.

10. Представленная модель – это модель оснований физической реальности, а не самой физической реальности, ибо ни пространство, ни время не могут быть непосредственно обнаружены физическими методами. Физическая реальность начинается с форм движения материи, поскольку в создании этих форм впервые участвуют аксиоматические правила, которые мы называем физическими законами. Сформулированное в данном тексте правило свободного движения в дискретном пространстве претендует на истинность лишь в первом приближении до тех пор, пока с помощью этого и других правил не будут смоделированы все аспекты физической реальности. И только в этом случае мы сможем надеяться на появление единой физической теории микромира.

Список литературы

1. *Everett H.* «Relative State» Formulation of Quantum Mechanics // *Reviews of Modern Physics*, Vol. 29, 1957. pp. 454-462.
2. *Mermin N.D.* What's wrong with this pillow? // *Physics Today*, Vol. 42, No. 4, 1989. pp. 9-11.
3. *Вяльцев А.Н.* Дискретное пространство-время. – М.: КомКнига, 2007. 400 с.
4. *Ахундов М.Д.* Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени. – М.: Наука, 1974. 54 с.
5. *Шарыпов Ю.С.* Проблема структуры пространства в современной физике: дисс. доктора философских наук. - Новосибирск, 1998. 396 с.
6. *Аристотель.* Метафизика. – М.: Соцэргиз, 1934. 447 с.
7. *Риман Б.* О гипотезах, лежащих в основании геометрии // *Об основаниях геометрии. Сборник классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей.* - М.: ГИТТЛ, 1956. С. 309–341.
8. *Кант И.* Критика чистого разума. – М.: Наука, 1999. 655 с.
9. *Кирьяко А. Г.* Теория нелинейных волн, адекватная квантовой теории поля. - СПб: БОДлиб, 2006, 208 с.
10. *Севальников А.Ю.* Интерпретации квантовой механики: В поисках новой онтологии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.
11. *Владимиров Ю.С.* Реляционная теория пространства-времени и взаимодействий. Ч.2. Теория физических взаимодействий. – М.: МГУ, 1998. 447 с.
12. *Владимиров Ю.С.* Метафизика. – М.: «БИНОМ. Лаборатория знаний», 2009. 568 с.

METAPHYSICAL BASES OF PHYSICAL REALITY

Leonid O. Baliev

Institute for High Energy Physics (IHEP)

Our representations about space and time, even considering their «a priori» status according to Kant, change over time. Their evolution necessarily accompanies the development of our knowledge of physical reality. The article describes the representations of space and time that allows not only to unambiguously interpret the effects of quantum mechanics, but also to build a model of the bases of physical reality, the development of which, according to the author, can lead to the creation of a unified physical theory of the microworld. Within the framework of this model, the discreteness of space and time is asserted, from which the probabilistic nature of elementary motion follows with necessity; geometry is distinguished into the inextricably linked continual geometry of Being and the discrete geometry of Existing, and time becomes the absolute invariant of Existing.

Keywords: space, time, discreteness, continuity, randomness, probability, Being, Existing.

УДК 173.4, 303.01

10.17072/2076-0590-2023-11-35-43

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИИ

Ю.В. Лоскутов

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: yuri-loskutov@mail.ru

В структуре той или иной особенной материальной субстанции выделяется особая «триада» – элементарный объект, элементарный акт и элементарная

система. В структуре социальной субстанции элементарным объектом выступают действительные индивиды, рассматриваемые в единстве с их деятельностью и с материальными условиями их существования. Элементарным социальным актом является самопроизводство действительных индивидов. Элементарной социальной системой выступает семья. Последняя способствует увеличению социального субстрата, что, по закону отрицания отрицания, роднит социальное качество с химическим и противопоставляет его предшествующему биологическому качеству, ограничивающему размножение. Укрепление семьи как развивающегося социального института соответствует целям социального прогресса. Аборты, осуществляемые по не медицинским показаниям, разрушают элементарный социальный объект и являются выражением низшей, животной, биологической сущности, ограничивающей размножение, но никак не высшей, собственно человеческой сущности, направленной на увеличение социального субстрата.

Ключевые слова: социальная субстанция, социальная система, производство, аборт, семья

Единый, закономерный мировой процесс развития единой, всеобщей материальной субстанции состоит из особенных этапов, каждый из которых является бытием той или иной особенной субстанции [1, с. 5; 2, с. 74]. Высшим этапом развития всеобщей материальной субстанции выступает социальная субстанция, которая может рассматриваться как подсистема бесконечной материи. О.А.Барг отмечает следующее: «Системный подход, как подход общенаучный, действительно, рассчитан на объяснение конечного. Тем не менее, его главные понятия (элементов, структуры, системы) не имеют логических противопоказаний на применение к бесконечному миру. ... Это значит, что субстанцию можно представить, как определенным образом организованную систему» [3, с. 33]. Далее О.А.Барг приходит к выводу о том, что субстанциальное основание мира имеет системный характер: «Лишенных сложности предметов не существует, различия в сложности пронизывают мир и имеют фрактальный характер, так что самыми общими типами материи можно считать низшее, более простое и высшее, более сложное. ... Субстанциальным основанием мира является в этом свете система, элементы которой – низшее и высшее, а структура – соответствующие их различию отношения. Именно они придают целому объективной реальности самодостаточность» [3, с. 35].

Соотношение между высшим (собственно социальным) и низшим (биологическим) уровнями социальной субстанции является открытой, дискуссионной философской проблемой. В своей монографии «Системный подход, философия и естествознание» О.А.Барг фактически раскрывает теоретические и методологические основания анализа этой проблемы, на примере соотношения между двумя субстанциями – биологической (высшей) и химической (низшей). Возникновение химической «теневого

системы» живого в то же время является возникновением новой биологической сущности, которая выступает противоположностью и диалектическим отрицанием химической сущности [4, с. 82]. Дело в том, что живое стремится к самосохранению в то время, как наиболее сложные химические системы синтезируют свой субстрат с такой большой скоростью, которая ведет эти системы (и, соответственно, живое) к деградации и гибели [4, с. 83]. «Самоограничение размножения, численности и плотности является не одним из многих популяционных эффектов, а *фундаментальным системообразующим отношением* самого популяционного уровня организации живого» [4, с. 97]. Конечно, сущность живой материи – это самосохранение, которое достигается в том числе и с помощью размножения, однако размножение живой материи существует в неразрывном единстве со способами его адаптивного ограничения.

В высшем диалектически отрицается не просто низшее, а «низшее-накануне» – максимально развитая разновидность низшего до его включения в состав высшего. В этом диалектическом отрицании высшее не только сохраняет «низшее-накануне» в качестве включенного низшего, но и добавляет к нему некоторое дополнительное содержание, ограничивающее действие способа существования низшего, включенного в состав высшего, устраняющее самостоятельность этого способа существования [4, с. 94].

О.А.Барг выделяет в структуре особенной биологической субстанции три элементарных компонента – *элементарный объект, элементарный акт и элементарную систему*: «Элементарный биологический объект – простейший из объектов, способных к такому взаимодействию с ему подобными объектами, которое начинает сдерживать их размножение до того, как это сделала бы сама среда. Элементарный биологический акт является именно таким взаимодействием, и в общем случае он осуществляется не двумя, а – совместно – множеством объектов, зависящим от емкости среды, по отношению к которой должны быть оптимизированы их численность и плотность. Элементарная биологическая система – множество связанных этими взаимодействиями объектов, которое тождественно популяции. Возникновение этой триады и есть переход неживого в живое» [4, с. 84].

Биологическое отрицание неограниченного химического размножения открытых белково-нуклеиновых каталитических систем, происходящего в ограниченной по объему и ресурсу питания среде, в своем предельном виде чревато вымиранием популяции по внутренним для нее причинам, поэтому «в биологии человека такой механизм воздержания от размножения должен быть предметом диалектического отрицания со стороны социального. В ней нужно ожидать поэтому присутствия механизмов, которые активно

сдерживают проявления предельно развитой способности к ограничению размножения» [4, с. 104]. Вероятным биологическим механизмом такого сдерживания биологической же тенденции выступает способность человека к внутренней интердикции [4, с. 104-105]. С помощью второй сигнальной системы индивиды вступают в отношения, имеющие целью продолжение рода, но уже не являющиеся по своему существу биологическими – такие отношения уже соответствуют элементарному социальному акту: «Не будем гадать, сколько индивидов, какая степень их биологического родства и какой длины цепочки сигналов необходимы для этого, т.е. какова элементарная социальная система, но можно полагать, что этот акт еще не был социально организованным преобразованием внешней природы. Это не исключает орудийной деятельности и инстинктивного труда наших предков, однако второсигнальные производственно-трудовые отношения, вероятно, явились *следствием* развития нового способа непосредственного воспроизводства человеком самого себя» [4, с. 106].

Чем же, в таком случае, является, с точки зрения социальной философии, та «социальная триада», возникновение которой означает переход биологического в социальное? Каковы элементарный социальный объект, элементарный социальный акт и элементарная социальная система?

Элементарный объект исследования той или иной области объективной реальности выступает, с точки зрения гносеологии, в качестве наиболее абстрактной «клеточки», используемой для начала построения соответствующей теории [5, с. 26, 128]. Эта «клеточка» означает переход познания, восходящего от чувственно-конкретного к абстрактному, на уровень познания, восходящего от абстрактного к теоретически-конкретному, означает переход познания с эмпирического уровня на теоретический [6, с. 20]. Соответственно, элементарный объект исследования социальной субстанции одновременно является «клеточкой», используемой для начала построения теории социальной субстанции. Таким *элементарным социальным объектом*, эмпирически достоверным элементарным уровнем социальной субстанции являются «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни» [7, с. 18]. Подобно тому, как возникновение химической «теневого системы» живого в то же время является возникновением новой биологической сущности, возникновение биологической «теневого системы» социального в ходе зачатия в то же время является возникновением новой индивидуальной социальной сущности – действительного человеческого индивида. Действительные индивиды субстанциальны в силу того, что: 1) их деятельность обладает самопричинным характером; 2) они суть основа (сущность) общества; 3) они суть абсолютная (безусловная) социальная реальность, в то время как в качестве относительной (условной) социальной

реальности выступают вещи (средства производства) [8, с. 97-98]. При этом в структуре элементарного социального объекта действительные индивиды играют ведущую роль по сравнению с их деятельностью и с материальными условиями их существования [8, с. 98-99].

Элементарный социальный акт связан с производством. Дело в том, что производство – это способ существования социальной формы материи [9, с. 75]. С помощью производства социальная форма материи преодолевает биологические адаптационные ограничения. Но что является определяющей стороной общественного производства – производство действительных индивидов или производство средств к жизни? К.Маркс и Ф.Энгельс утверждают, что производство средств к жизни – это «первый исторический акт» и «основное условие всякой истории» [7, с. 26]. Однако, хотя люди не могут не производить средства к жизни, данная сторона материального производства всё же носит характер средства, а не цели. К.Маркс ясно указывает на это: «Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивид» [10, с. 30]. (Термин «индивид» здесь не стоит понимать буквально, ибо Маркс в данном случае абстрагируется от общественного характера производства). В этом высказывании как раз и отражен определяющий, субстанциальный характер производства самих индивидов, необходимым опосредующим моментом которого выступает производство средств к жизни. Последнее, будучи логически первым историческим актом, не является, тем не менее, элементарным социальным актом. Дело в том, что последний должен иметь относительно завершённый, в известном смысле самодостаточный, самопричинный, субстанциальный характер для того, чтобы быть для социальной системы действительно элементарным, то есть системообразующим. Таким образом, *элементарным социальным актом выступает самопроизводство элементарного социального объекта, то есть действительных индивидов.* Производство средств к жизни не может существовать вне самопроизводства действительных, живых человеческих индивидов, в которое оно с необходимостью включено. Первое производство – всего лишь абстрактная сторона второго. Субъективно это обстоятельство выражается в том, что производство средств к жизни осуществляется с целью удовлетворения тех или иных конкретных человеческих потребностей.

Элементарная социальная система должна, согласно закону отрицания отрицания, способствовать размножению, преумножению социального субстрата – это роднит социальное качество с химическим и противопоставляет социальное качество предшествующему ему биологическому. Конечно, социальное не просто отрицает биологическое и

в известном смысле возвращается к химическому, но вместе с тем завершает развитие биологического способа существования, является высшим выражением последнего. Социальный субстрат должен не только появиться в ходе зачатия, но и затем сформироваться с помощью воспитания. В человеческой истории всегда существует особый социальный институт, обеспечивающий выполнение этих задач – *элементарной социальной системой является семья*. Действительные человеческие индивиды в любую историческую эпоху социально структурированы прежде всего с помощью семей.

Философское определение семьи следующее: «Семья – это объединение людей, основанное на кровном родстве, усыновлении или отношениях, осознаваемых как брачные, предполагающее стабильные экономические связи и взаимную моральную ответственность» [11, с. 164]. Разумеется, семья разнообразна – она существует в различных исторических формах, которые нередко меняются от эпохи к эпохе. На изменение форм семьи, ее типичного состава влияет в условиях классового общества не только изменение производственных отношений, но и детерминированная последними семейная политика, проводимая господствующим классом.

При капитализме господствующий класс нередко применяет мальтузианскую (а теперь и неомальтузианскую) стратегию количественного сдерживания развития производительных сил, включающую искусственные аборты. (Дело в том, что, если производительные силы разовьются должным образом, то это будет означать конец капиталистической общественно-экономической формации). Марксистская социальная онтология позволяет сформировать адекватную реальности альтернативу неомальтузианству: «Мы должны прежде всего констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а, следовательно, и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии "делать историю"» [7, с. 26]. Человек – это главная производительная сила [10, с. 403]. В какой мере не будет действительных индивидов (в том числе и по причине абортов) – в такой мере не будет и производительных сил, не будет производства, не будет общественного богатства. Ю.К.Плетников справедливо утверждает, что «без определенного минимума народонаселения невозможны разделение труда, его специализация и кооперация, расширение производственной деятельности, освоение новых земель и прочих природных богатств» [12, с. 256]. Соответственно, если производительные силы не будут развиты должным образом в количественном и качественном аспектах, то не будет и новых, более прогрессивных и более гуманных производственных

отношений – это прямо вытекает из закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил [13, с. 6-7]. Вместе с тем, производственные отношения оказывают обратное влияние на производительные силы – Ю.К.Плетников продолжает свою мысль о необходимости «определенного минимума народонаселения» следующим образом: «Однако отсюда еще не следует вывод, будто рост народонаселения сам собой независимо от общественной формы ускоряет или замедляет общественный прогресс. Взаимодействие роста народонаселения с развитием общества носит исторически изменяющийся характер, всецело зависящий от состояния производительных сил и производственных отношений» [12, с. 256].

Здесь следует подчеркнуть то, что в проблеме социального развития присутствует не только количественный, но и качественный аспект. Качество производственных отношений детерминировано не только количеством, но и качеством производительных сил. Для того, чтобы осуществлять межформационный переход в любой сфере общественной жизни, нужно быть не просто живым, а не абортированным – нужно быть зрелым социальным субъектом. А что именно является массовыми источниками субъектности в современном обществе? Это труд (особенно в форме всеобщего труда), образование и родительское воспитание. При этом хорошие родители формируют субъектность не только в своем ребенке, но и в самих себе – для них родительство становится школой личностного роста и гражданской ответственности. Лишь индивиды, безосновательно считающие себя атомизированными, воспринимают воспитание своих детей только как какое-то наказание, только как повинность, которую они вынуждены отбывать.

Вместе с тем, действительно, в родительстве, в качестве одного из его аспектов, всегда присутствует нравственное принуждение, присутствует необходимость выполнения объективных нравственных обязательств, как бы это ни возмущало либералов. Дж.Шаутен, рассуждая о воздержании от аборт, справедливо отмечает следующее: «Из морального обязательства заботиться об иждивенцах следует, что обязательства заботиться могут принуждать нас даже тогда, когда они не являются добровольными» [14, р. 643]. Р.Лармер солидарен с этой точкой зрения: «Если жизнь матери не находится под угрозой, аборт не является моральным ответом на проблему нежелательной беременности. К сожалению, женщина не по своей вине может оказаться в ситуации, когда соблюдение права плода на жизнь требует значительных страданий и личных жертв, но это не является веской причиной для отрицания того, что плод имеет право на жизнь. Однако это является причиной для того, чтобы попытаться перестроить общество

таким образом, чтобы затраты, которые несет женщина, уважая право плода на жизнь, были минимальными» [15, р. 249]. Такая перестройка общества должна быть связана с тем обстоятельством, что «обязательства по уходу за нежеланными плодами являются общими обязательствами, точно так же, как и обязательства по уходу за сиротами и другими иждивенцами, которые в противном случае останутся без заботы. ... Мы должны ... разработать политику в области здравоохранения, жилья, образования и занятости, направленную на снижение совокупной уязвимости, с которой сталкиваются женщины» [14, р. 645, 657]. (Здесь следует напомнить о том, что подобная политика впервые в истории применялась в Советском Союзе, в том числе и тогда, когда в СССР были запрещены искусственные аборт по не медицинским показаниям). Вместе с тем, Дж.Шаутен особо подчеркивает то, что отсутствие социальной справедливости не отменяет морального обязательства женщины по вынашиванию нежеланного ребенка [14, р. 655]. (Радикальные феминистки любят рассуждать о том, что, дескать, противники абортов из числа мужчин несправедливо накладывают на женщин моральное и физическое бремя, связанное с вынашиванием ребенка, однако в связи с этим стоит заметить, что Джина Шаутен – женщина). Отсутствие социальной справедливости еще не является достаточным основанием для аборта, равно как наличие социальной справедливости не является обязательным условием воздержания от аборта – абортированный человек никогда не победит в борьбе за социальную справедливость, а у живых человеческих индивидов есть на это шанс.

Выражение «плодить нищету», используемое для индивидуального оправдания абортов, не соответствует сегодняшней мировой ситуации: в XXI в. центр исторического процесса постепенно смещается в Азию [16, с. 81], то есть туда, где родилось больше всего людей – туда, где их не просто много, а чрезвычайно много. Экономическое могущество Запада сокращается за счет развивающихся рынков Востока. А за счет чего они развиваются? За счет того, что там много производителей и много потребителей.

«Экологическое» возражение против ограничения абортов, состоящее в декларировании угрозы перенаселения планеты [17, р. 218; 18, р. 381, 383], не является состоятельным в свете развития производительных сил. Люди, как правило, способны производить больше материальных благ, чем требуется им самим для текущего потребления. Помимо прочих материальных благ, человечество в будущем сможет производить и воспроизводить биогеоценозы [19, с. 29-30], необходимые для жизни всё большего числа людей.

Социально-практические выводы из вышеизложенных теоретических соображений состоят в том, что укрепление семьи как развивающегося социального института, укрепление семейных связей, в общем и целом, соответствует целям развития общества (социального прогресса), в то время как разрушение семьи и семейных ценностей в общем и целом деструктивно и, следовательно, реакционно. Аборты, осуществляемые по не медицинским показаниям, разрушают элементарный социальный объект и являются выражением низшей, животной, биологической сущности, ограничивающей размножение, но никак не высшей, собственно человеческой сущности, направленной на увеличение социального субстрата. В обществе, сущность которого соответствует родовой и индивидуальной человеческой сущности (то есть в обществе реального гуманизма), аборты по не медицинским показаниям должны быть запрещены. Легальность абортов «по требованию» в современном обществе – это свидетельство того, что последнее еще далеко не в полной мере соответствует родовой и индивидуальной сущности человека.

Список литературы

1. Широканов Д.И. Диалектика познания и категория субстанции. – Минск: Наука и техника, 1974. 208 с.
2. Орынбеков М.С. Субстанция как внутреннее единство развивающихся целостных систем и принцип их познания // Развитие как регулятивный принцип. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. Ун-та, 1991. С. 67-85.
3. Барз О.А. Материя как субстанция // Новые идеи в философии. № 1 (22). Т. 1. Пермь, 2014. С. 29-37.
4. Барз О.А. Системный подход, философия и естествознание. – Пермь: ПГНИУ, 2018. 112 с.
5. Каудалов В.А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 201 с.
6. Шериунов А.Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. – М.: Высшая школа, 1975. 79 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 7-544.
8. Лоскутов Ю.В. Введение в теорию социальной субстанции. – Пермь: ПГНИУ, 2021. Электр. ресурс. URL: https://elis.psu.ru/node/642769/pdfbook/download/Vvedenie_v_teoriyu_socialnoy_substancii.pdf (дата обращения: 08.10.2022).
9. Ласточкин А.В. Социальная форма материи. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 177 с.
10. Маркс К. Экономические рукописи 1857-59 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 3-510.
11. Пешина Е.В. Семья как объект изучения социально-гуманитарных наук: проблема определения понятия // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 159-166.
12. Плетников Ю.К. Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. – М.: Альфа-М, 2008. 368 с.
13. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 1-167.
14. Schouten J. Fetuses, Orphans, and a Famous Violinist: On the Ethics and Politics of Abortion // Social Theory and Practice, Vol. 43, No. 3 (July 2017). P. 637-665.

15. *Larmer R.* Abortion, Personhood and the Potential for Consciousness // *Journal of Applied Philosophy*, Vol.12, No. 3, 1995. P. 241-251.
16. *Мусаелян Л.А.* Исторический процесс и глобализация. – Пермь: ПГНИУ, 2016. 128 с.
17. *Hare R.M.* Abortion and the Golden Rule // *Philosophy & Public Affairs*, Vol. 4, No. 3 (Spring, 1975). P. 201-222.
18. *Inglehart R.* The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles Among Western Publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977. 482 p.
19. *Бузгалин А.В.* Из царств необходимости в царство свободы: творческий марксизм Э.В.Ильенкова и вызовы социализму в условиях «постиндустриального общества» // Э.Ильенков и социализм. Сб. науч. статей по материалам Ильенковских Чтений - 2001 / под ред. С.Н.Мареева. – М., 2002. С. 20-52.

ELEMENTARY COMPONENTS OF SOCIAL SUBSTANCE

Yuri V. Loskutov

Perm State University
15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia

In the structure of a particular material substance a special "triad" is distinguished - an elementary object, an elementary act, and an elementary system. In the structure of social substance, the elementary object are real individuals viewed in unity with their activities and with the material conditions of their existence. The elementary social act is the self-production of real individuals. The elementary social system is the family. The latter contributes to the increase of the social substratum, which, by the law of negation of negation, relates the social quality to the chemical quality and contrasts it with the preceding biological quality that limits reproduction. Strengthening the family as an developing social institution is consistent with the goals of social progress. Abortion for non-medical reasons destroys an elementary social object and is an expression of an inferior, animal, biological essence that limits reproduction, but in no way of a higher, proper human essence aimed at increasing the social substratum.

Keywords: social substance, social system, production, abortion, family

УДК 101.1

10.17072/2076-0590-2023-11-44-65

РОЛЬ ТРУДА В ОТНОШЕНИЯХ ПСИХИКИ И ФИЗИОЛОГИИ

В.В. Корякин

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: vkorkfnpsu@yandex.ru

Решение психофизиологической проблемы по сей день вызывает целый ряд затруднений, которые связаны с заложенным в основе ее формулировки парадоксом несоответствия субстрата и атрибутов. Наличие данного парадокса является следствием признания непосредственной связи психики и мозга. Вместе с тем, психика (в т. ч. сознание) является свойством не мозга, а человека – социального материального субстрата, существа способного к производству собственной материальной жизни (труду). Психические и физиологические процессы связаны непосредственно с трудом, а не друг с другом, являются его сторонами. Труд влияет на биологию человека посредством преобразованных природных объектов, к которым она вынуждена приспосабливаться, и порождает идеальные формы (сознание, психику в целом), преобразуя человеческий субстрат и сопряженную с ним природную среду.

Ключевые слова: психофизиологическая проблема, труд, социальная биология, социальный субстрат, сознание, средства производства, знаки, антропогенез

По мере накопления эмпирических данных и их частных обобщений в истории науки периодически возникают проблемы, решение которых становится возможным лишь посредством углубления базовых философских абстракций. Одной из таковых является психофизиологическая проблема. Привычное звучание она приобрела в Новое время, став результатом взгляда на мир, свойственного главным образом старому (метафизическому) материализму, или натурализму. Различные варианты ее решения предлагались с опорой на классические философские абстракции материи как природы, сознания как духа и человека как духовно-природного существа (мыслящего животного). Следы данных архаических абстракций сохраняются до сих пор в различных версиях современной философии: в значительной мере – неклассической, и до некоторой степени в современном (диалектическом) материализме, несмотря на состоявшийся пересмотр базовых категорий.

Современный материализм, к примеру, заменил абстракцию природы как совокупности всех вещей на абстракцию материи как объективной реальности, духа как совокупности идей – на сознание как универсальной формы отражения объективного мира, человека как мыслящего природного существа – на понимание его как социальной формы материи. При этом

формулировка психофизиологической проблемы сохранила типичный для классической философии вид: мыслит ли мозг, как в нем связаны физиологические и психические процессы?

На протяжении всей Новейшей истории в современном материализме периодически проявляется некоторый смысловой диссонанс между решением общих (философских) и крупных частных научных вопросов. Проникновение философских абстракций в частную науку нередко выглядит как механистическое. Придерживаясь новых абстракций в решении общих вопросов, ученые уступают старым, затрагивая частную проблематику. Во многом сказывается свойственная частной науке инерция в процессе обновления общих понятий. Философу приходится пользоваться привычной представителям частной науки терминологией. Периодически наблюдается и подмена смыслов: новые понятия определяются по типу старых.

Решение психофизиологической проблемы в советском марксизме демонстрирует множество отступлений к старому материализму. Возникшая в 50-е гг. прошлого века рефлекторная концепция психики обнаружила близкую вульгарному материализму позицию по ней [1]. Вульгарный материализм пользуется классическим пониманием материи как природы, при этом упрощая его, объявляя материальной всю реальность, в т. ч. психическую. По сути натуралистического понимания материи придерживались сторонники идеи о чисто гносеологическом характере определения сознания как отражения объективной реальности. По их мнению, сознание отличается от материи только при смысловом противопоставлении ему, в результате чего оно может быть определено как субъективная реальность, а мир – как объективная. Вне данного отношения, в исключительно онтологическом плане сознание от материи ничем не отличается, является ее частью, специфической формой [2; 3; 4]. Отрицая относительную самостоятельность субъективности, авторы, по сути, также в онтологическом плане сводили психику к физиологии. Впрочем, уже в 60-е гг. подобные явные отступления к домарксовому материализму были подвергнуты резкой критике и отброшены.

Начиная с 60-х гг. отечественные авторы при решении психофизиологической проблемы неукоснительно руководствуются общими положениями современного материализма о вторичности сознания по отношению к материальному (объективному) миру в целом, общественному бытию в частности и о присущности сознания человеку, а не его мозгу. Проблема при этом стала обсуждаться в двух планах – общепhilosophическом и социально-philosophическом. Д.И. Дубровский, к примеру, рассматривал связь психики и физиологии преимущественно в общепhilosophическом плане, сквозь призму отношения сознания к миру, мозгу

в частности. Его главный оппонент Э.В. Ильенков – исключительно в социально-философском плане, сквозь призму отношения сознания к общественному бытию, общественно-исторической практике.

Примечательно, что оба автора связь психического и физиологического признавали, хоть и оценивали ее по-разному. Д.И. Дубровский подчеркивал связь психики, в т. ч. сознания с мозгом, отмечая при этом, что сознание, как и мозг изменяются под действием практики [5; 6]. Э.В. Ильенков, допуская связь сознания с человеческой биологией в целом, выводил его исключительно из трудовой деятельности и ее продуктов [7; 8; 9]. Если в позиции Д.И. Дубровского проявились едва заметные следы натурализма, поскольку автор, в конечном, счете признавал психику в качестве функции не только человека, но и его мозга, то в соображениях Э.В. Ильенкова обнаружился рецидивы другой линии домарксовской философии – классического идеализма (гегельянства). Автор трактовал труд не только как процесс опредмечивания и распредмечивания человеческой сущности (т. е. в духе К. Маркса), но и как процесс опредмечивания и распредмечивания идей (т.е. в духе Г. Гегеля). По данной причине сознание, с позиции Э.В. Ильенкова, обитает и в голове человека, и в процессе труда, и в его продуктах одновременно [8 с. 213 – 228; 10 с. 221 - 222].

Уступка старым философским абстракциям и толкованиям в решении психофизиологической проблемы во многом была связана не с базовыми понятиями сознания и материи, которые трактовались вполне последовательно материалистически, а с недостаточно последовательным пониманием человека как социальной формы материи. По сути, оба оппонента, как, впрочем, и их приверженцы, исходили из сформировавшейся в поздней советской философии и в упрощенном виде существующей в отечественной науке поныне концепции человека как биосоциального существа [11 с. 70 - 72]. Главный изъян данной концепции заключается в атрибутивной трактовке человеческой сущности, в подмене предмета и его сущности совокупностью его свойств. С ее позиции человеческий субстрат обладает биологической природой, социальная же сущность человека раскрывается лишь в его свойствах – труде, сознании и общении (отношениях).

Подобный взгляд на человека содержит в себе парадокс несоответствия субстрата и атрибутов. Социальное и биологическое соотносятся как высшее (сложное) и низшее (простое). Биосоциальная концепция приписывает простому (биологическому) субстрату человека сложные (социальные) атрибуты, в связи с чем возникает правомерный вопрос: может ли простое обладать сложными свойствами? Может ли свойство обладать собственной сложностью безотносительно предмету,

которому оно принадлежит? Логически правильно будет утверждать, что сложными свойствами может обладать только сложное, простое же может обладать только простыми свойствами. Человек является всецело социальным материальным существом, социальной сущностью обладают и его субстрат, и его атрибуты. Наличие парадокса несоответствия субстрата и атрибутов было типическим для всей домарксовской философии, особенно для натурализма. Человек в ней понимался как природное (простое, в материальном плане не отличимое от животного) существо, наделенное «сверхприродным» (сложным, отсутствующим у животных) свойством – разумом.

Участники дискуссии по психофизиологической проблеме в данной связи неизбежно были вынуждены бросаться из одной крайности в другую при ее решении: либо выводить психику из биологического субстрата, в конечном счете, из мозга, либо выводить человеческую биологию из социальных атрибутов, в первую очередь – из труда. При этом трактовка труда неизбежно несла на себе отпечаток того же парадокса несоответствия. В общем виде труд рассматривался вполне по К. Марксу как процесс производства человеком собственной социальной материальной жизни и сущности, в конкретном же выражении – как процесс производства сознания и всей совокупности общественных отношений при необходимых физиологических затратах. Не случайно во взглядах Э.В. Ильенкова обнаруживается стремление отождествить труд, сознание и общение, вывести сознание из труда и общественных отношений, одновременно наполнив их духовным содержанием. Не случайным оказывается и авторское допущение связи сознания с человеческой биологией. При решении парадокса несоответствия стоит, видимо, заключить, что труд – это процесс производства социального материального субстрата, т.е. целостного производства человека во всем объеме его сущностных свойств (в т. ч. самого труда, поскольку он является субстанциальным свойством).

Особняком в споре о соотношении психики и физиологии мозга стоял В.В. Орлов. Его главная работа по означенной проблеме была опубликована в преддверии дискуссии Д.И. Дубровского и Э.В. Ильенкова и строилась на более широких, чем у главных участников спора, теоретико-методологических основаниях. В своих рассуждениях В.В. Орлов отталкивался от общих выводов отечественных физиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова о том, что психическое не может быть свойством мозга, оно сложнее физиологических процессов и как бы надстраивается над ними; а также общего тезиса В.И. Ленина о том, что мыслит не мозг, а человек при помощи мозга. Опираясь на соображения Г. Гегеля, Ф. Энгельса и ряда советских авторов (В.И. Свидерского, С.Т. Мелюхина, В.А. Штоффа, М.В.

Мостепаненко и других) о диалектике простого и сложного, В.В. Орлов сформулировал ряд закономерностей отношения высших и низших форм материи и предложил свой вариант решения психофизиологической проблемы.

Высшее возникает из низшего. Низшее при возникновении высшего сохраняется в нем и наряду с ним в качестве его необходимого основания и среды, соответственно. Но при этом высшее обладает своим собственным содержанием, в онтологическом плане не сводимым к содержанию низшего. Высшее зависит от низшего, но при этом подчиняет его себе, делает его сообразно себе развитым, «подогнанным» под себя [12 с. 210 - 285]. Отмечая данные закономерности, В.В. Орлов пришел к выводу, что психическое и физиологическое предстают как высшее и низшее в человеке и находятся в особом отношении друг к другу. Психическое порождается физиологическим, но к нему не сводится. Оно зависит от работы мозга, но при этом воздействует на него, преобразует происходящие в нем физиологические процессы [12 с. 300 - 384]. Не трудно заметить, что автор оказался в «плелу» у того же парадокса несоответствия субстрата и атрибутов. Более того наличие данного парадокса породило противоречивое утверждение автора о способности свойства (психики) воздействовать на предмет, которому оно принадлежит (мозг). Предмет реализуется в своих свойствах, а не наоборот.

Предложенное В.В. Орловым решение подверглось серьезной критике как в отечественной, так и зарубежной науке. Оппоненты сошлись во мнении, что оно носит дуалистический характер. В какой-то мере данное замечание стоит признать справедливым. В.В. Орлов соотносил физиологию и психику, которые являются противоположными формами реальности – материальной и духовной (идеальной), соответственно. И заявление о том, что сознание оказывает формирующее воздействие на мозг, хоть и зависит от него естественным образом, было воспринято как уступка идеализму. Однако в рассуждениях В.В. Орлова гораздо важнее другое. Он одним из первых в советской науке заговорил о диалектике высшего и низшего, положив начало углублению теории развития в целом, переходу к ее конкретно-всеобщей форме.

Разбираясь с проблемой отношения психики и мозга, В.В. Орлов обнаружил в ее основаниях частный случай парадокса несоответствия субстрата и атрибутов, сформулировав т. н. психофизиологический парадокс [12 с. 374 -384]. Не случайно в последующих работах автора одной из ключевых тем становится проблема социального субстрата и его сущности, сущности человека в целом. По мнению В.В. Орлова, человек – это социальное материальное существо, производящее собственную жизнь и сущность посредством преобразования природы. Он обладает

социальным материальным интегральным субстратом, в котором все уровни материальной организации (физический, химический, биологический, социальный) представлены в соподчиненном, иерархизированном виде и не различимы в пространстве и времени [13 с. 241 – 270; 14; 15]. Опираясь на выработанное понимание социального субстрата, В.В. Орлов вместе со своими учениками много внимания уделил вопросам социальной биологии (соотношения социального и биологического в человеке), тем самым расширив предметное поле для анализа в т. ч. психофизиологической проблемы [13 с. 271 – 320; 16], однако существенному пересмотру собственный вариант ее решения, предложенный в 60-х гг. прошлого века, не подверг.

Концепция социального материального субстрата человека является тем «белым пятном», которое по сей день делает любые психофизиологические концепции недостаточно последовательными и в разной мере ограниченными. Вопрос о сущности человека, его субстрате и способе развития – ключ к решению любых проблем, касающихся социального существования.

Человек – социальное материальное существо (социальная форма материи), сущность которого раскрывается в производстве собственной жизни посредством преобразования материального мира. Он находится в практическом отношении к себе, другим людям(обществу) и природе (прочим формам материи), производя, таким образом, свою социальную материальную индивидуальную, родовую и универсальную сущность. Он производит себя как другого и другого как себя, себя как общество и общество как себя, себя как мир и мир как себя. Он способен превращать в предмет, средство и продукт своей практической деятельности любые формы организации как своей собственной жизни, так и жизни другого человека, группы лиц, общества, любые формы материального мира в целом. Труд не сводится к преобразованию природы. Оно является лишь стороной и внешним выражением процесса производства человеком собственного социального бытия.

Биология человека также является предметом, средством и продуктом его практики. Уже в ходе антропосоциогенеза виды Homo эволюционировали по мере развития орудийной приспособительной деятельности [17], пока она не превратилась в трудовую и не стабилизировала наш вид, положив начало истории. В процессе труда биология человека современного вида была приведена в соответствие с его социальной сущностью и всем набором его сущностных свойств, социальным способом развития и существования, «подогнана» под них. Появляясь на свет, любой из нас обладает не просто неким биологическим организмом, а таким организмом, который в состоянии выжить лишь при

условии его немедленной и далее в процессе всего онтогенеза постепенной своевременной социальной фиксации. Мы рождаемся в искусственном мире, в мире преобразованных вещей, посредством которых человек обеспечивает собственное существование и развитие. Наша биология, будучи в ходе эволюции «подогнанной» под искусственную среду, «нуждается» в ней и тех действиях, которые ее создают и позволяют ей функционировать. Это не означает, что человеческая биология где-то на генетическом уровне содержит способности к социальной (в т. ч. практической) деятельности. Она лишь обладает тем набором особенностей, которые позволяют человеку приспосабливаться к меняющемуся искусственному миру и этот мир создавать. Самосохранение и адаптация человеческого организма являются моментом и включенным низшим основанием практической деятельности. Чтобы выжить от момента рождения человек вынужден встраиваться в незнакомый ему искусственный мир посредством его практического овладения, превращения его, других людей и самого себя, в т. ч. собственного организма в предмет собственной деятельности. Существенным и необходимым обстоятельством становится то, что при рождении он застает уже до значительной степени обладающих опытом подобной деятельности взрослых людей, для которых он также оказывается предметом творчества.

В процессе обретения стабильности биология человека не перестает быть предметом, средством и продуктом его деятельности. Особенностью нашей биологии является ее направленность на социальное развитие, «подогнанность» под него. Это развитие, впрочем, уже не покидает нашей видовой определенности. Не процесс видообразования (смены вида), а углубление в собственный вид является основным содержанием биологической эволюции *Homo Sapiens*. Наша биология сложилась как биология человека – существа, выживающего посредством практического саморазвития. Она бы не смогла сформироваться, не будучи «готовой» к систематическим изменениям обстоятельств и способов жизни человека. Имея направленность на развитие, биология человека, тем не менее, не обладает источником развития в себе. Этот источник находится в социальном, в практической (в конечном счете, трудовой) деятельности человека. Обретая новые навыки и виды деятельности, изменяя объективные обстоятельства своей жизни, человек косвенным образом побуждает свою биологию реагировать на них: приспосабливаться к ним, создавая физиологические возможности для их последующего воспроизводства и изменения, либо их элиминировать, ставя человека на грань выживания. При этом, начиная с первобытной древности человек систематически напрямую, т.е. вполне осознанно, вмешивается в свою биологию (главным образом посредством медицинской практики),

стимулируя адаптацию своего организма к выбранным способам социального существования и предпочитаемым искусственным (произведенным) условиям среды.

Человеческий мозг является предметом, средством и продуктом практической деятельности, как и организм в целом, любой его орган в частности. Наиболее примечательной особенностью нашего мозга является наличие его префронтальной коры, обеспечивающей социальное поведение, зоны Брока и Вернике, отвечающих за речь и ее понимание. В связи с решением психофизиологической проблемы особое внимание привлекает функционирование второй сигнальной системы, которая связана с использованием речи, т.е. особого рода производственной практики и ее особым предметным результатом – знаками.

Знак – это преобразованный природный объект, приведенный в условное соответствие с предметом отображения. Как и всякий искусственный предмет он является продуктом практической деятельности (труда), однако его отличительной от прочих созданных человеком вещей (средств производства, средств жизни) характеристикой является то, что он напрямую связан с развитием не материального, а духовного бытия человека (сознания). Человеческая практика обладает двойственной природой: ее сущность и явление, содержание и форма могут как в существенной мере совпадать, так и значительно отличаться друг от друга. Содержание практики есть преобразование человеком самого себя, собственного социального материального бытия. Таковой является и ее сущность. Форма практики – ее вещественное выражение, задействованные в ходе производства преобразуемые природные объекты. В них практика проявляется. Непосредственное единство искусственных объектов лишь кажущееся, поскольку соединяются они не сами по себе, их соединяет человек, и именно в нем обнаруживается их сущностное единство.

Прямое диалектическое совпадение формы и содержания практической деятельности обнаруживается только в труде, в прочих видах практики имеется их заметное расхождение. В процессе труда средства производства в полной мере выражают его социальное (преобразующее) материальное содержание, изменение вещей в точности соответствует изменению человека, его материального бытия. В данном плане труд и средства производства (содержание и форма труда, его сущность и явление) оказываются тождественны. Однако это тождество не лишено различия. Внутренние изменения присущи только труду, средства производства сами по себе не меняются, их меняет человек. Причем человек в процессе труда до поры может использовать основные элементы средств производства (предмет и средства труда), не подвергая их изменению. Землю можно копать при помощи лопаты, а можно при помощи экскаватора; лопатой

можно копать землю, а можно размешивать бетон. Содержание труда меняется, а используемые средства – нет. Впрочем, эта неизменность средств, в конечном счете, относительна: даже если они остаются теми же, порядок их соединения и манипулирования ими модифицируется сообразно содержанию труда.

Иначе обстоит дело с другими видами практики. В них обнаруживается заметная потеря формой ее социального предметного содержания. Труд можно осуществлять, а можно имитировать (например, в процессе игры). Имитация труда не лишена социального предметного содержания: человек тренирует свои производственные навыки и даже способен без угрожающих последствий их варьировать, произвольно сочетать, он может даже использовать реальные необходимые технические средства, добиваясь максимального сходства с производственным процессом. Однако в имитации труда не появляется ничего принципиально нового: человек не приобретает новых навыков, а лишь тренирует (воспроизводит, совершенствует) старые, не создает новых предметов, а лишь использует имеющиеся.

Максимальный отрыв формы от содержания наблюдается в ситуации со знаками. Знак – преобразованный природный объект. Естественный язык, например, по своей форме – преобразованная звуковая волна. Как и любые искусственные предметы, знаки – продукт практической деятельности (труда). Язык как особым образом дифференцированная и упорядоченная звуковая волна создается путем постоянной тренировки органов дыхания (легких, гортани, ротовой полости) и пищеварения (глотки, языка и т.д.), посредством них. Предмет, средства и продукт говорения, таким образом, столь же материальны, как и аналогичные элементы труда в привычном его понимании. Однако форма языка (знака) максимально далека от содержания порождающего его материального процесса, так и обозначаемого им предмета. Угроза убийством сама по себе не вызывает панического ужаса, если она не сопровождается соответствующими действиями. И тем более она (как и обозначаемое им убийство) ничего общего не имеют с процессом извлечения звука. Форма и содержание знака находятся лишь в условном соответствии.

В труде раскрывается тождество и различие его социального материального содержания и вещественной формы, и именно труд с необходимостью производит их отрыв друг от друга, порождая сознание – его идеальную форму. Сознание, будучи вторичным по отношению к труду, не может существовать и реализовываться в отрыве от него. Как противоположности они тождественны: труд является содержанием сознания, сознание – его формой. Но вместе с тем, они различны: идеальная форма труда отличается от его непосредственной вещественной формы.

Они тождественны и не тождественны одновременно: труд, порождая сознание – отличную от его непосредственного вещественного выражения форму, создает специфическую вещественную форму реализации сознания – производство знаков. Знаки – вещественная форма сознания, сознание – идеальная форма труда. Если средства производства являются непосредственной вещественной формой труда, то знаки – его опосредованной (сознанием) вещественной формой. Обе формы есть продукты труда, находящиеся в разной степени тождества его социальному материальному содержанию – безусловном и условном, соответственно.

Для живого организма (в т. ч. человека) все обладающие природными (биологическими, химическими, физическими) характеристиками вещи являются средой обитания, и при этом не важно, возникают они в ходе естественной эволюции, или порождаются человеком. Биологическое не в состоянии отразить социальных характеристик как таковых, оно реагирует лишь на вещественное (природное) их выражение. Социальное материальное содержание предметной деятельности человека, создаваемых им искусственных объектов (средств производства и знаков) не «распознается» ни человеческим организмом, ни каким-либо другим. Человеческий организм вынужден приспособливаться к постоянно меняющейся вещественной форме труда, вырабатывая и закрепляя порою самые «странные» типы собственной реакции на нее. А если учесть, что многообразие практической деятельности и ее вещественных результатов постоянно растет, и сами эти вещественные результаты находятся в разной степени соответствия социальному материальному содержанию труда, то многообразие реакций также колоссально возрастает.

Человек, таким образом, посредством вещественной формы своего труда развивает собственную биологию и, по сути, саму ее превращает в вещественную форму особого рода. Человеческий организм в целом, его органы в частности в процессе практической деятельности становятся и средствами производства (предметами и средствами труда), и знаками. Преобразованные природные объекты, посредством которых человек напрямую или косвенно воздействует на собственную биологию, превращаются в своего рода ее «неорганическое» продолжение, а знаки в частности – в искусственную «нервную периферию». Организм человека в процессе труда встраивается в искусственный мир и сам оказывается его неотъемлемой частью. Человек способен превратить в средство производства или знак любой предмет (любое живое существо в т. ч.), но особенностью социальной биологии является то, что она встраивается непосредственно в бытие человека и обеспечивает ему возможности бесконечного развития.

Любой продукт практической деятельности может выступать в качестве знака, если он оказывается в условном соответствии с производственным содержанием труда, раскрывает не непосредственную (вещественную) его форму, а отраженную (идеальную). Процесс знакообразования является стороной труда. Превращая предметы в знаки, человек оказывается способен их произвольно сочетать и взаимно заменять, в чем проявляется природа идеального. В процессе труда человек способен манипулировать предметами лишь согласно их и своим собственным объективным свойствам и отношениям. В процессе мышления он может манипулировать образами и понятиями предметов в произвольном порядке. Максимальное вымещение материального производственного содержания из человеческой практики позволяет человеку мысленно сочетать не сочетаемые объекты, заменять один другим, что в итоге приводит к полной утрате их наглядности, и в качестве знака начинают употребляться наиболее пригодные для обозначения всего многообразия предметов и процессов искусственные средства. Историческим итогом данного движения стало появление языка, в котором слова заменили все возможные предметы, их свойства, отношения, формы и состояния, а говорение – труд и любые его процессуальные стороны.

Формирование второй сигнальной системы, связанное с производством знаков, имеет глубокие биологические предпосылки и основания, значение которых, впрочем, не стоит преувеличивать при анализе генезиса языка. Б.Ф. Поршнев в своей книге «О начале человеческой истории» (1974) высказал альтернативное официальному (марксистскому) понимание сути антропогенеза. Как известно, Ф. Энгельс отводил решающую роль в формировании человека современного вида труду, учитывая при этом факторы собственно биологической эволюции [18]. Следовавшие общим идеям Ф. Энгельса советские авторы в основной своей массе пытались трактовать антропогенез как процесс постепенного накопления социальных признаков, особое внимание обращая на изменения в орудийной деятельности. Данный процесс в целом рассматривался ими как период перехода от биологического способа развития к социальному. Б.Ф. Поршнев, в свою очередь, увидел непосредственные предпосылки появления социальной формы организации в особенностях биологической эволюции архантропов и палеоантропов. По его мнению, предки человека современного вида были исключительно животными, биология которых при этом подвергалась систематическому своего рода самоотрицанию. Данное самоотрицание автор связывал в первую очередь с формированием второй сигнальной системы, которая вступала в неодолимое биологическими средствами противоречие с первой. Прямым следствием формирования второй

сигнальной системы стало превращение предметов и собственных предметных действий в знаки, а уже благодаря систематическому употреблению знаков произошло формирование абстрактного мышления и превращение «инстинктивного труда» (орудийной деятельности) в целесообразный труд [19].

По мере эволюции механизмы внутривидовой регуляции у животных приобретают более экономичный, дистантный, сигнальный характер, не требующий непрерывного и непосредственного отношения между особями, и оказываются не менее эффективными, чем непосредственные взаимодействия [20 с. 216]. Такая особенность была присуща и предкам человека. Они имели подвижную нервную систему, позволяющую активно воздействовать на центральную нервную систему и высшую нервную деятельность других животных посредством сигнальной интердикции. Этот же способ воздействия с течением времени наши предки стали употреблять и в отношении себе подобных [19 с. 368]. Поскольку команды второй сигнальной системы не соответствуют первичным стимулам и реакциям, но приобретают по ходу эволюции все большее значение при обеспечении выживаемости вида, они начинают подавлять эти первичные стимулы [19 с. 459]. Предки человека получили уникальное эволюционное преимущество в способности блокировать практически любые биологические действия другой особи (особенно собственного и близкородственных видов), отторгая управляющие ими импульсы ее первой сигнальной системы. Однако это же эволюционное преимущество становилось препятствием на пути исключительно биологического способа развития предков человека. Конфликт двух сигнальных систем, по мнению Б.Ф. Поршнева, мог быть снят только путем развития второй в направлении расширения многообразия знаковых сигналов, использования в качестве знаков случайных предметов и манипуляции с ними, что могло существенно дополнять еще не развитые предметные действия самого человека (мало артикулированную речь, позы, жесты, мимику и т. д.). Расширение системы знаков, т. е. предметов и манипуляций с ними, которые утрачивают свое непосредственное «значение» для организма, становится основой формирования человеческого мышления. Именно с таких манипуляций, а не с инстинктивного труда, начинается осмысленное преобразование вещей как знаков, после чего оно переходит в осмысленную орудийную деятельность, или труд. Формирование второй сигнальной системы как нейрофизиологической основы абстрактного мышления – отражения в вещах того, что непосредственно вообще не является раздражителем (общего, сущности, причины), снимает антагонизм двух сигнальных систем и обеспечивает становление человека современного вида [19 с. 422 – 459].

Концепция Б.Ф. Поршнева строится во многом на том же общем понимании человека как биосоциального существа, которое формировалось в отечественной науке в 60 – 70-е гг. прошлого века. Соответствующим образом им был понят труд как целесообразная предметная деятельность, целесообразные физиологические затраты по преобразованию природы. Важнейшим отличием человеческого труда от «инстинктивного труда» предков *Homo Sapiens*, согласно автору, является его осознанность. Не случайно основное внимание он уделил происхождению не столько труда, сколько сознания. Но важно, что Б.Ф. Поршневу свой анализ начал с противоречий биологического способа развития, хоть и сконцентрировал свое внимание на их частном случае – внутреннем антагонизме развивающейся сигнальной системы, тем самым подчеркнув единство социальной и биологической эволюции, что зачастую ускользало от внимания прочих авторов. Многие ценные соображения автора необходимо учесть, но важно дать им интерпретацию с позиции последовательного материалистического понимания человеческого субстрата, сущности человека и труда как способа его развития.

Труд не сводится к целеполаганию, преобразованию природы или физиологическим затратам. Это – его внешние проявления, разные идеальные и вещественные формы. Сущность труда заключается в производстве человеком собственной материальной жизни. Труд возникает не с момента его осознания или появления общественных отношений (в т. ч. языка), а с момента превращения самого человеческого субстрата в предмет, средство и продукт практической деятельности. Наиболее родственной труду формой биологической активности является орудийная приспособительная деятельность, которая, как и сигнальная интердикция, встречается у многих видов животных.

Первыми из предков человека стали использовать камни для добычи пищи еще ранние австралопитеки. При помощи камней они извлекали костный мозг – продукт, который относительно долго сохранялся в условиях жаркого климата в костях как естественных «консервах» и не был доступен ни хищникам, ни падальщикам. Поскольку австралопитеки не находили никаких конкурентов в добыче костного мозга, естественный отбор закрепил их «способность» использовать камни. Первые орудия не подвергались обработке, австралопитеки находили их в «готовом» виде, подбирая по форме и прочности [21 с. 132]. Поскольку от добычи костного мозга зависела выживаемость и экспансия вида, предки человека постепенно перешли от подбора необходимых по форме камней к подгонке их формы под необходимую. Изготавливать каменные орудия начали поздние грациальные австралопитеки незадолго до появления первых *Homo*.

Древнейшие люди (*Homo Habilis*) перешли к систематическому изготовлению орудий (т.н. Олдувайская индустрия). Технология была примитивной: камень ударяли о камень до получения скола у одного из них. Отщепы и пластины (сколы) получались произвольной формы. Отщепы использовались для дробления костей и извлечения из них костного мозга, а также для скобления остатков мяса с кости [21 с. 149 - 151]. Орудийная деятельность хабилисов оказалась более многообразной нежели у австралопитеков: к дроблению и скоблению кости добавилось дробление и «скобление» (производство малых сколов) камня.

Поскольку производство отщепов с последующим их применением стало ведущим средством адаптации, организму человека пришлось подстраиваться под него. Биология человека, таким образом, также стала превращаться в предмет орудийной деятельности. Первые ростки социальной сущности обнаруживаются в формирующейся способности древнего человека менять не только внешние ему предметы, но и собственную предметность. У *Homo Habilis* практически исчезла «функциональная дихотомия». Предки хабилисов имели близкое человеку строение нижней части тела, но практически «обезьянье» верхней. Строение тела хабилисов было уже целиком близкое человеческому.

Следующий шаг в эволюции орудийной деятельности был связан с появлением *Homo Erectus*, переходом от олдувайской индустрии к ашельской. Совершенствование олдувайской индустрии позволило человеку постепенно перейти от сбора падали к охоте. Выиграв конкуренцию у прочих падальщиков, древние люди вступили в борьбу с крупными хищниками. Благоприятным обстоятельством стало изменение климата, которое повлекло за собой вымирание мегантерионов. В данных обстоятельствах перед древним человеком возникала проблема: как добраться до костного мозга в отсутствии саблезубых хищников, которые забивали крупных травоядных животных и обгладывали и туши, открывая, тем самым, древним людям доступ к костям? Олдувайские орудия были пригодны лишь для извлечения костного мозга и скобления мяса с кости. При их помощи разделать тушу или тем более забить крупного зверя было невозможно. Однако именно в технологии обработки камня хабилисов таилась возможность решения данной проблемы.

Олдувайская технология предполагала скалывание отщепов от камня, его ядро (нуклеус) становилось отходом производства. Начиная с середины второго миллиония до н.э. основным предметом обработки становится нуклеус, именно из него было создано первое в истории универсальное (многофункциональное) орудие – обоюдоострое ручное рубило, или бифас. Отщепы и пластины по-прежнему использовались в производстве, но рубило стало главным орудием. Оно позволяло не только забить зверя и

разделать его тушу, но и совершать множество других операций. Первоначально, видимо, рубило было необходимо для того, чтобы разделать тушу и добраться до костей, а затем воспользоваться привычным инвентарем олдувайского типа для извлечения косного мозга, которым, собственно, первые эрестусы и питались. Однако весьма быстро люди стали употреблять тушу животного целиком [22 с. 168].

Ашельская индустрия свидетельствует о крупных изменениях в предметной деятельности архантропов. Орудийная деятельность хабилисов была весьма специализированной, однонаправленной и обособленной (каждое действие требовало своего инвентаря). Каждое предметное действие имело определенное биологическое (приспособительное) содержание. Деятельность ашельского человека, использующего не только специальные орудия, но и универсальные – ручное рубило, предполагала многообразие действий и их определенную последовательность (связанность). Другими словами, предметные действия были уже соотнесены не только с биологическими действиями, но и друг с другом одновременно, что должно было рождать определенный конфликт в биологическом способе существования древнего человека.

Б.Ф. Поршневу обнаружил антагонизм первой и нарождающейся на ее основе второй сигнальных систем, поскольку первая имеет непосредственный биологический «смысл» для функционирования организма, а вторая – нет. Но поскольку развитие второй сигнальной системы обеспечивало древним людям эволюционное преимущество, оно же, усугубляя ее антагонизм с первой, одновременно ограничивало возможности дальнейшего биологического существования. Однако аналогичное противоречие присутствовало и в орудийной животной деятельности палеоантропов. Воздействуя орудием на внешние предметы, особь получает возможность специфическим (отличным от конкурентов и потому более эффективным) способом к ним приспособиться, но одновременно она оказывается вынуждена приспособливаться и к самому орудию, и к способу его использования. Если использование орудия существенно расширяет эволюционные возможности особи, то приспособление к нему, напротив, их резко сужает. Искусственный мир чрезвычайно мал по сравнению с естественным и не является непосредственно пригодным (необходимым и значимым) для живого. Выход из этого тупика, при условии, что орудийная деятельность как таковая не перестает обеспечивать эволюционные преимущества виду, возможен лишь при условии роста искусственной среды – числа орудий и способов манипуляции ими, их связности и взаимной обусловленности. Чем многообразнее становится орудийная деятельность, систематической и затратной по времени, тем больше становится ее отрыв от собственно

биологических форм активности, тем меньше оказывается в ней биологического содержания. Рост многообразия орудийной деятельности обеспечивает ей большую самостоятельность, делает ее более значимой и довлеющей в биологическом воспроизводстве.

С определенного момента живое начинает все интенсивнее не столько приспосабливается при помощи орудия к внешнему миру, сколько приспосабливается к самому орудию как к новому для себя внешнему миру. Достаточно стремительная по сравнению с прочими животными видами эволюция Номо, возможно, была проявлением этого изменения: возникновение новой технологии влекло за собой неизбежную морфофизиологическую перестройку человека. Однако качественный скачок в приспособлении к искусственным обстоятельствам произошел, видимо, в ситуации, когда биология человека стала адаптироваться не столько к отдельным орудиям и их совокупности, отдельным систематически повторяющимся орудийным действиям и их последовательности, сколько к устойчивой способности человека производить новые действия и орудия. В истории антропогенеза, таким образом, можно выделить три крупных этапа: приспособления к природе посредством производства орудия; приспособления к орудю как условию адаптации к природе; приспособления к самому процессу производства орудия. В итоге этого движения сама человеческая биология превратилась в средство производства, что с необходимостью повлекло за собой ее стабилизацию, ознаменовавшую появление человека современного вида.

Орудийная деятельность и интердикция в животном мире предстают как в значительной мере независимые механизмы адаптации. Возможно, на ранних этапах антропогенеза они развивались у наших предков параллельно, но по мере эволюции Номо стала проявляться их конвергенция посредством включения интердикции в орудийную деятельность. Подбор предметов и превращение их в знаки, по мнению Б.Ф. Поршнева, происходили случайным образом, единственным необходимым моментом оказывался лишь рост их многообразия, который обеспечивал эволюционные преимущества древним людям. В орудийной же деятельности изначально присутствовала направленность в подборе предметов и способах их использования, а впоследствии и способах обработки. Переход от одного предмета к другому осуществлялся всегда по мере необходимости и всегда определенным (закономерным) образом.

Представители олдувайской культуры, делая отщеп, выбрасывали нуклеус. Однако каменное ядро – составная часть камня и необходимое условие, при котором отщеп можно сделать. Люди ашельского периода делали не только отщепы, но и подвергали обработке нуклеусы. Причем именно нуклеусы становились главным предметом преобразования, и

именно из нуклеуса создавалось главное орудие – рубило. Схожая ситуация наблюдается и при изменении характера самой орудийной деятельности. Первоначально обработке подвергались только некоторые кости, которые предок человека дробил и скоблил, но кости – составная часть туши. Используя рубила для того, чтобы добраться до костей животного, люди ашельской эпохи постепенно сосредоточились на обработке туши целиком, совершая множество иных орудийных действий. В движении орудийной деятельности древних людей, таким образом, наблюдается формирование закономерности, которую мы обнаруживаем в истории современного человечества, – перехода от преобразования предмета к преобразованию условий, необходимых для воспроизводства данного предмета. По мере развития орудийной деятельности, таким образом, в окружении человека оказывалось все большее многообразие предметов, и сам человек совершал все большее число действий, которые не имели непосредственного значения для адаптации. «Поставщиком» предметов и действий, лишенных непосредственного биологического значения, таким образом, являлась не вторая сигнальная система, случайным образом подбиравшая предметы в качестве знаков, а самовозрастающая орудийная деятельность (переродившаяся впоследствии закономерным образом в труд). На ее результаты был вынужден реагировать организм наших предков в целом, первая сигнальная система в частности. Появление и оформление второй сигнальной системы, рост ее антагонизма с первой стали результатом развития орудийной деятельности.

Труд, будучи особым способом взаимодействия человека с вещами, рождает особую форму их отражения – сознание. Труд как бы удваивает мир – производит новые материальные объекты и их идеальные копии одновременно, и сам оказывается двойственным: осуществляется как процесс одновременно материальный и умственный. Как материальный процесс он создает особые материальные средства собственной реализации – средства производства, как духовный – материальные средства иного рода – знаки. Знаки выражают образы и понятия, процесс их движения и развития, картину мира, общества и индивида, смыслы.

В отношении к человеку в целом знаки, таким образом, играют двойственную роль. С одной стороны, будучи вполне материальными преобразованными природными объектами, они становятся средой, к которой приспособляется биология человека, на которую, в частности реагирует его нервная система, в т. ч. мозг. Они оказываются средствами развития нервной системы и ее искусственным продолжением. С другой – они являются средствами реализации и развития человеческой психики, в первую очередь – сознания. И эту двойственную роль они обретают, будучи выражением двойственной природе труда.

Психика человека и ее высшая форма – сознание такой же продукт труда, как и человеческий мозг. В современной науке в общем виде принято различать два уровня сознания – чувственное и логическое (рациональное). Существенные затруднения вызывает проблема определения границы социального и биологического в них. Представители различных биологизаторских концепций и «плоской» онтологии склонны сводить всю психику человека, включая сознание к физиологическим процессам. Относительный редукционизм обнаруживается и у ряда авторов, придерживающихся современного (диалектического) материализма. Признавая социальную природу логического сознания, они склонны видеть основания чувственного сознания в биологии, настаивая на его животном происхождении и характере. К примеру, А.Н. Леонтьев полагал, что элементарная форма чувственного сознания – ощущение отсутствует у простейших организмов, но возникает у животных с появлением сложной формы раздражимости – чувствительности [23 с. 148, 172]. Биологическое происхождение чувственных форм (во всяком случае ощущения и восприятия) и их связь с человеческим организмом (не только мозгом) допускал в начале дискуссии с Д.И. Дубровским и Э.В. Ильенков – наиболее принципиальный противник любого биологического редукционизма в решении вопроса о сущности психики [7]. В последующих работах Э.В. Ильенков старательно обходил стороной проблему чувственного сознания.

Вопрос о границе социального и биологического в психике в общем виде можно решить, четко определив сущность социального, живого и их отношений. Сущность биологического раскрывается в его стремлении к самосохранению посредством адаптации. Биологические формы отражения являются ее проявлением и направлены на ее реализацию. Тогда как сущность социального раскрывается в способности человека к объективному саморазвитию в процессе преобразования материального мира. Социальные формы отражения выражают производственную сущность человека и направлены на ее реализацию. Социальное и биологическое соотносятся как высшее и низшее. Биологический способ развития, порождая в ходе эволюции социальный, включается в него: он не теряет своей определенности, но утрачивает свою самостоятельность. Все биологические процессы становятся моментами преобразовательной деятельности человека.

Социальное отражение является стороной практической деятельности. Как сторона трудового процесса оно раскрывается в двух взаимосвязанных формах – материальной и идеальной [11 с. 72 - 75]. Идеальное есть «предмет, пересаженный в голову человека и преобразованный в ней» [24 с. 21], в более строгом виде – это предмет, лишенный своего

непосредственного субстрата и существующий на основе другого, универсального материального субстрата – человека [12 с. 155]. Идеальное может существовать только в процессе производства человеком собственной жизни, собственной сущности. Практическая деятельность постоянно преобразует как человеческий субстрат, так и все прочие субстраты, которых она касается. Она каждый раз делает предмет другим, в известном смысле «вымещая» и сохраняя в снятом виде его прежнее состояние [11 с. 74]. Живое непосредственно ничего не преобразует, ничего нового не создает (все изменения, происходящие в процессе биологического существования, имеют лишь косвенный характер), поэтому никаких идеальных форм отражения не имеет.

На идеальный (социальный) характер форм чувственного сознания человека однозначно указывает тот факт, что индивид создает такие искусственные объекты, посредством которых он оказывается способен вызывать вполне определенные физиологические реакции своего организма. Эти реакции составляют биологическую основу человеческих ощущений, но сами ощущения к ним не сводятся. Животное реагирует на запах (определенный химический состав) предмета, человек создает предмет с определенным запахом, на который реагирует его биология. Намеренное производство предмета, вызывающего определенные ощущения, свидетельствует о том, что сами эти ощущения первоначально складываются в голове человека не как биологические, а как социальные идеальные образования.

Будучи идеальными, ощущения человека едины с прочими идеальными формами сознания, реализуются с ними одновременно. Более того, являясь простейшими, элементарными формами, они включаются в более сложные, подчинены и сообразны им, несут на себе их отпечаток, составляют с ними интегральное целое. Ни один предмет не взаимодействует с другим целиком, он соприкасается лишь с его определенной стороной, проявляя одновременно и свою определенную сторону. Не исключением является и практическое взаимодействие. Ощущение рождается в элементарном акте труда как моментальное отражение отдельных внешних сторон предмета и человека. Однако, меняя определенную сторону предмета и себя, человек одновременно опосредованно производит их целостное изменение, что уже отражается в восприятии. Восприятие – моментальное целостное отражение внешних сторон предмета и человека. На уровне восприятия возникают образы предмета и взаимодействующего с ним человека. Ощущение при этом приобретает отнесенный к другим ощущениям характер, обнаруживает нечто общее и целое с ними, оказывается «воспринимаемым ощущением».

Красное, к примеру, в голове человека никогда не возникает само по себе, а существует как красное нечто.

В процессе практики как преобразуемый предмет, так и преобразующий его человек обнаруживают объективный характер своего существования, своих свойств. Их объективная данность фиксируется уже на уровне представления как «длящийся» образ. Обнаруживая существование предмета вне его восприятия, человек и мысленно полагает его существующим вне его. Человек в любой момент способен воспроизвести образ предмета и свой собственный образ как определенным способом действующего существа, даже если он находится вне непосредственного контакта с этим предметом и данного действия не совершает. Ощущение при этом тоже становится «длящимся», приобретает форму «представляемого ощущения». Красное и красное нечто мы легко можем извлечь из памяти.

Важнейшей особенностью практики, впрочем, является то, что в ходе нее обнаруживаются не просто свойства предмета и человека, а степень отношения их к сущности взаимодействующих объектов. Не зная сущности и сущностных (образующих предмет) свойств своих собственных и подвергающейся изменению вещи, человек не может без угрозы для собственного существования развиваться. В сознании подобное различие осуществляется в виде многообразных логических форм (понятий, суждений, умозаключений) и посредством них. Ощущения при этом также подвергаются абстрагированию, обобщению и различению, превращаются в понятия и систему понятий, в конечном итоге, наполняются смыслом. Возникает понятие красного и красного, сочетающегося с другими цветами. Отличительной особенностью ощущений человека, таким образом, является определенная степень их осмысленности, рационализации. Чувственные и логические формы постоянно проникают друг в друга, взаимно превращаются: понятия становятся образными, а образы осмысленными. Тем самым образуется некое иерархически целостное идеальное.

Психика и физиология не оказывают друг на друга никакого прямого влияния, они есть разные стороны и продукты практической деятельности. Источник всех психических и физиологических изменений находится не в них самих, а в труде, который, производит новые формы социального материального бытия человека и опосредующие их искусственные предметы (средства производства и знаки). Труд влияет на биологию человека посредством преобразованных природных объектов, к которым она вынуждена приспосабливаться. Сознание имеет отношение к изменениям биологии только как необходимая сторона практической деятельности. Труд порождает идеальные формы (сознание, психику в

целом), преобразуя человеческое объективное бытие и сопряженную с ним природу. Физиология участвует в выработке этих форм только как необходимое, включенное низшее основание практической деятельности.

Выявляя роль труда в отношении сознания и человеческой биологии, можно заявить о назревшей необходимости пересмотра основной формулы психофизиологической проблемы. Представляется важным поставить вопрос не столько об отношении психики и мозга, сколько мозга и труда.

Список литературы

1. *Научная сессия*, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 137 с.
2. *Понамарев Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976. – 304 с.
3. *Сагатовский В.Н.* Материальное и идеальное как характеристика сознания// На пути строительства коммунизма. Тюмень, 1968. С. 190 - 200
4. *Сагатовский В.Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. – 431 с.
5. *Дубровский Д.И.* Мозг и психика (о необходимости философского отрицания психофизиологической проблемы)// Вопросы философии, 1968. № 8. С. 145 – 155
6. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. – 368 с.
7. *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому)// Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145 – 155
8. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – 446 с.
9. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального// Вопросы философии. 1979. № 7. С.145 – 158
10. *Ильенков Э.В.* Идеальное// Философская энциклопедия. В 5-и тт. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 219 – 227
11. *Корякин В.В.* Идеальное как свойство социального материального интегрального субстрата (человека)// Новые идеи в философии. 2022. Вып. 10 (31). С. 65 – 76
12. *Орлов В.В.* Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. – 438 с.
13. *Орлов В.В.* Материя. Развитие. Человек. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974 – 397 с.
14. *Орлов В.В.* К понятию человеческой природы// Философия пограничных проблем науки. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. Вып. 2. С. 87 – 101
15. *Орлов В.В.* К общей философской концепции человека// Философия пограничных проблем науки. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. С. 72 – 93
16. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Проблема соотношения биологического и социального. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996 – 96 с.
17. *Корякин В.В., Бабенцев Д.Н.* Антропосоциогенез как процесс, направленный на становление человеческой сущности// Новые идеи в философии. 2019. Вып. 6 (27). С. 68 – 81
18. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 486 – 499
19. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974. – 487 с.
20. *Барг О.А.* Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1993 – 227 с.
21. *Марков А.* Эволюция человека. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2011. – 464 с.
22. *Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма.* М.: Наука, 1970. – 326 с.
23. *Леонтьев А.Н.* Возникновение и эволюция психики// Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х тт. Т. 1. С. 143 – 279

24. *Маркс К.* Капитал. Т. 1// *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23

THE ROLE OF LABOR IN RELATIONS TO PSYCHE AND PHYSIOLOGY

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State National Research University
614990, Perm, st. Bukireva, 15

The solution of the psychophysiological problem to this day causes a number of difficulties, which are associated with the underlying paradox of the discrepancy between the substrate and attributes. The presence of this paradox is a consequence of the recognition of the direct connection of the psyche and the brain. At the same time, the psyche (including consciousness) is not a property of the brain, but of a person – a social material substrate, a being capable of producing its own material life (labor). Mental and physiological processes are directly related to labor, and not to each other, are its sides. Labor affects human biology through transformed natural objects, to which it is forced to adapt, and generates ideal forms (consciousness, the psyche as a whole), transforming the human substrate and the natural environment associated with it.

Keywords: psychophysiological problem, labor, social biology, social substrate, consciousness, means of production, signs, anthropogenesis

УДК 111

10.17072/2076-0590-2023-11-66-80

***ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО
ФЕНОМЕНА «ЗАНОВ» В АСПЕКТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ***

М.Н. Щербинин

д.филол.н, профессор,
профессор кафедры философии,
Тюменский государственный университет,
625003, г.Тюмень ул.Володарского, 6
E-mail: m.n.shherbinin@utmn.ru

Л.Г. Суворова

к.филол.наук, доцент,
доцент кафедры философии,
Тюменский государственный университет,
625003, г.Тюмень ул.Володарского, 6
E-mail: l.g.suvorova@utmn.ru

Осуществлена интерпретация скульптурных изображений Зевса на стадионе как артефактов, имеющих цель напомнить о нечестности некоторых спортсменов и их покровителей. Утверждается, что в «занах» осуществляется переход от нравственных ценностей к ценностям эстетическим посредством создания противоположного, в котором буквальное преломляется в фигуральное и даже фигуративное. Показано, что в современном обществе спортивные соревнования утратили связь с исходной идеей единения людей, с отрицанием войны и стали объектом политических манипуляций и пропаганды.

Выдвинут и обоснован тезис о связи феномена вины с логикой смысла Ж. Делёза. Показано, что вне эстетического бессознательного, чувственной наглядности гармонии и красоты феномен вины не воспринимается. Анализируется образ Родины-Матери на Мамаевом кургане как символа Победы, а скульптурное изображение солдата как жертвенного заслона священного. Описывается противоречивое единство телесного и духовного. Отмечается, что математически исчисленное наказание в «занах» преобразует символическое в образное, а буквализм в пропорции и симметрию, способствуя тем самым созданию смыслообраза.

Предложенное описание феномена «занов» в его эстетико-этическом разнообразии, включая античность и современность, обращено к специалистам в области этики, эстетики, философии, антропологии с целью стимулировать их творческие поиски.

Ключевые слова: «заны», смыслообраз, лицеизмерение, лицедействие, противополообраз, фигуративность.

Появление при входе на стадион скульптурных изображений Зевса, т.е. «занов», есть свидетельство вины некоторых участников соревнований и их покровителей в совершении подлога в ходе состязаний, призванных быть честными и открытыми для справедливого суда и зрелищ. Возвышающиеся изваяния Зевса, бога всеильного и всевластного, выдают нечистоплотность спортсменов и становятся немым напоминанием об обмане и неизбежности разоблачения. От игры к игре, по мере роста количества штрафов, число «занов» возрастало (со временем их стало уже шесть, в делёзовской терминологии по его логике смысла это уже серия). Медные образы громовержца создавались из монет, переплавляемых в фигуры, вынося на всеобщее обозрение именно таким *образом и* публично обнаруживая («об-наруж-ивая») сокровенное, скрытое и безобразное.

Интересно, что уже укоренившийся к этому времени мифологизированный буквализм древних греков проявлялся в том, что низкое переплавлялось в высокое (низменное в возвышенное). Происходило преобразование символически скрытого и скрываемого в своей невысказываемости смысла в собственно образное воплощение некоей высшей внешней силы. Процедура преобразования оказывалась и буквально, и фигурально «пре-образ-ованием» слова в образ и обратно – образа в слово. Буквализм мышления *сказывался* и при переходе от сокровенного к откровенному в условиях почти полного отсутствия именно «умозрительности» как способности видеть умом. В образном мышлении древних греков досократовского периода возникает, скорее, эффект так называемого «прозрения» [1].

К тому же в ту пору эстетически еще никак не персонифицировались сила и ловкость спортсмена в изображении самого олимпийского победителя. Даже в форме гермы со спортсменом ещё не наблюдалось сходства, а имя у создаваемого образа появлялось только после трех побед. Целостно образное, индивидуально-характерное статуарное изображение как раз этого человека не поощрялось в принципе. Виновность демонстрировалась не внешними физиологическими телесными проявлениями изъянов как пороков души индивида, а огромным отчуждённым комплексом внутренних и внешних сил, мотивов и давлений в далеко не столь очевидной целостности поведения антигероя. При этом не складывался и сам целостный образ антигероя. На современных

всемирных олимпиадах обозреватели фиксируют нарастающую волну *лицемерия*, которое присуще не только самим спортсменам, употребляющим допинг, но и судьям, а также отдельным государствам и даже международным организациям. Для античного олимпийского движения подобное лицемерие было крайне маловероятно в силу филогенетической неготовности древних греков к психологическому лицеизмерению социального пространства в целом, а в настоящее время оно стало обыденностью. Однако с эстетико-антропологической позиции, которой мы придерживаемся, так только кажется. Не получается, так сказать, общего глобального лица, зато уже есть глобальная ложь. «Портретное» лицеизмерение мира в эпоху Ренессанса, на наш взгляд, ещё должно было пройти *практику* театрального *лицедействия*, потеряв при этом свои буквальные антропологические характеристики и, наоборот, приобретая игровые и фигуральные. Произшедший позднее перенос внешнего телесного во внутреннее психическое означает, скорее, моральный износ самой, как выражался ещё Е.Н. Трубецкой, *нравственной тошноты*. Античная *неузнаваемость* себя спортсменом-олимпийцем в памятных изображениях в наши дни оборачивается полной неузнаваемостью ситуации с признанием реальной победы. И тут уже не до *занов* и Зевса. В современном мире для античного буквализма уже нет места.

Впрочем, сама потребность в правдоподобию постепенно истончается в условиях организованной коллективной имитации. Современная виртуализация феномена лицемерия в спорте захватывает воображение, обещая полное разрушение объективности и очевидности реального факта.

В античном прошлом целостность проявлялась в скульптурно-телесной гармонии нечеловеческого масштаба, сверхчеловеческой силы, физически индивидуализированной в образе. При этом немая борьба пафоса (в том числе и ложного) с логосом находила выход, психическую разрядку в форме эстетически образной реализации бессознательного, где и когда всякое рациональное объяснение ещё только *подразумевается*, т.е., если выразиться буквально, осуществляется до-рационально, до-разумно в своей именно образной целостности.

Раскрывая психологическую или даже психоаналитическую версию этого феномена, Ж. Рансьер в книге «Эстетическое бессознательное» указывает, что «искусству свойственно быть тождественностью сознательного начинания и бессознательного производства, волимого действия и невольного процесса, короче, тождественностью некоего логоса и некоего пафоса» [2, с. 30]. Эта тождественность логоса и пафоса всегда присутствует в искусстве, но ее осмысление происходит в прямо противоположных формах: с одной стороны, «как имманентность логоса

пафосу», а, с другой, «как имманентность пафоса логосу», где, если логос по сути своей есть мысль, то пафос оказывается немислием. Первая модель реализуется в гегелевском эстетическом образе мысли. Здесь искусство, в шеллинговской философской систематике, как «одиссея духа» вне самого себя, через противостоящую материю стремится стать явленным для самого себя. Словно играя в прятки, ища самого себя и от себя ускользая в чувственной внеположности материи и образа, дух обнаруживает себя и становится оживляющим внутренним светом в плотности изваянного камня, блеском в палитре красок и энергичным порывом в звуковой телесности языка. Вторая эстетическая модель, шопенгауэровская, отказывается от прекрасного причинно-следственного миропорядка и рационального обличия в пользу темной пафической основы, лишённого смысла мира вещей, безрассудной мировой воли (Ж. Рансьер).

Многоступенчатое преобразование нравственного (вернее, безнравственного) основания в эстетическое означает «выталкивание» его буквально и фигурально в сферу бессознательного осуждения и переход от «без-образного» к образным очертаниям бесконечно возвышенного и прекрасного. По сути, осуществляется переход от нравственных ценностей к ценностям эстетическим посредством создания *противообраза*. Как свидетельствуют феноменология, как раз «внутренняя неадекватность во внешнем проявлении, если только она выдает себя как таковую, есть безобразное» [3, с. 75].

Осуществление эпохального и такого медленного перехода от символической стадии смыслопостроения к образной означает развитие феномена фигуративности. Математические фигуры, оформленные чаще всего геометрически, сменяли фигуры животных как изображения понимаемой таким образом сущности жизни. К тому же эволюция образов сфинксов в сторону их собственно человеческого содержания есть история осмысления сущности через фигуры Минотавра, Кентавра, Пана и так далее. Фигуры животных как изображения сущности жизни были подвергнуты математической реконструкции, вследствие чего мифологическая зоолатрия была оттеснена сначала геометрическими фигурами, симметрией, пропорцией в архитектуре и затем в скульптуре в их *соразмерности*. Подтачивалась, размывалась мифологическая база мировоззрения, сопровождаясь эстетико-антропологическим эффектом.

Данную философско-антропологическую тенденцию Н. Гартман выразил в следующих словах: «основная идея пластического искусства очень проста: это истина сущности, которая вместе с тем в высшей степени решительно достигает своей цели тем, что выключает из тематики скульптуры большую часть объектов и в конце концов оставляет почти одно только человеческое тело» [3, с. 411]. В контексте олимпийского

движения древних греков особое значение приобретает тезис Н. Гартмана о том, что «истина сущности берется не из фантазии, а из существующих обстоятельств изображаемого предмета; более того, из них же заимствуется её масштаб. А это уже означает то, что масштаб... является делом жизненной правды» [3, с. 409]. И действительно, именно масштаб олимпийских событий в большей мере определял ценность спортивных достижений, нежели сами результаты соизмерения силы, скорости или ловкости индивидов. Кстати, применительно к рассматриваемому нами феномену «занов» очень показательным и обращение Н. Гартмана к древнегреческой трагедии, которая «всегда создавала возвышенные образы на мифическом материале... Требование правды имеет, *таким образом* (курсив наш – М.Щ., Л.С.), свой противочлен не в реальной жизни, а в её возвышенной до идеала форме сущности» [3, с. 398].

Конечно, во всех этих «случаях» сущее не существует как абсолютно «немое», оно дает себя знать ... как свидетельство сущности [4, с. 183]. Противовесом этому «голосу» сущего, в назидание за вину, в отсутствие сложной символической метафорики и в условиях принципиальной невысказываемости символического содержания понятийно-категориальным способом является немотствование (буквально как немой укор). Немотствование – этот рансьеровский термин, он хорошо подчёркивает единство невысказываемого немом укора Зевса и невозможности прямого словесного оправдания виновных в противовес многоголосию беснующихся трибун. У Данте в «Божественной комедии» подобная ситуация описывается так:

1 Сочувственная воля, истекая
 Из праведной любви, как из дурной
 И ненасытной истекает злая,
 4 Прервала пенье лиры неземной,
 Святые струны замирая властно,
 Настроенные вышнюю рукой.
 7 Возможно ль о благом просить напрасно
 Те сущности, которые, чтоб дать
 Мне попросить, умолкли так согласно? [6, с. 377].

И это, согласно феноменологической схематике, проявляется как осуждение проступка уже не на «переднем», а именно на «заднем» плане.

Прояснение не до конца, эксплицируемого «заднего» плана содержится в теории «эстетического бессознательного» Ж. Рансьера. Последний теоретически обосновал, что искусство, идущее от логоса к пафосу, пускает в ход «диалог второго порядка», или вторую форму немой речи. «Это уже не иероглиф, записанный прямо на телах и предполагающий расшифровку. Это монологическая речь, которая ни к кому не обращается

и ни о чем не говорит – разве что о безличных, бессознательных условиях самой речи» [2, с. 40]. «Диалог второго порядка» выражает не чувства, мысли и намерения героев художественных произведений, а идеи скрытно наличествующего третьего лица. Неотделимое от искусства эстетическое бессознательное являет себя в полярности бинарной сцены безмолвного языка. Поэтому если написанная посредством тела речь возвращается к своему языковому смыслу через толкование и переписывание, то «глухая речь безымянной мощи, что держится позади всякого сознания и всякого значения» [2, с. 41], нуждается хотя бы в анонимном голосе и призрачной телесности. В конечном счете, сопряжение бессознательного с эстетическим позволяет привести в порядок взаимоотношения реального и фантастического, знания и незнания, логоса и пафоса, смысла и бессмыслицы. На наш взгляд, более позднее подключение Ж. Рансьера к разговору предлагает эстетическую шлифовку трудностей и противоречий в понимании взаимосвязи предшествующих в истории европейской философии выводов Н. Гартмана, Г. Гадамера, Р. Барта и Ж. Делёза.

В «занах» мифологически буквальное становится, преломляется в фигуральное и даже фигуративное. Начнём хотя бы с того, что творимое как обман совершается в *чаше* стадиона, т.е. внизу, а сами *заны* располагаются на возвышенном месте. И это непосредственная пространственная *стадия* (при стадионе и стадии как объективной, измеряемой принятой, узаконенной меры соревновательной скорости) самого буквализма. Вина (низменное) буквально переплавляется в фигуру, противоположную уже по *значению* (возвышенное), не имеющее образа воплощается в образ (Зевс). В «занах» значение проявляется как *назначение*, как назначенное осуждение. И здесь значение как бы *назначено*. Ведь это только теперь уже общеизвестно, что всё тайное (утаенное) рано или поздно становится явным. Обиходный или даже современный юридический смысл этого высказывания в конкретных обстоятельствах спортивного состязания изменяется до неузнаваемости. В случае с «занами» подкупы, уловки становятся якобы очевидными, но с другим, теперь уже положительным, значением. И хотя буквализм состоит в «переплавке» вины в положительный противобраз, но создается при этом вовсе не образ и символ Фемиды и правосудия. Проявление (появление) происходит через решение эстетическое, фигуральное и фигуративно *совершенное*. Так или иначе, осуществляется попытка измерения мелкими медными деньгами безмерной божественной силы в ситуации противостояния физической исчерпаемости силы спортсмена-олимпийца и символической неисчерпаемости властной силы Зевса.

Как это ни странно выглядит, событийное центрирование олимпийских *занов* вполне укладывается и в обнаруженную Ж. Делёзом

логику смыслообразования вообще. Он сближает философию стоиков с мировоззрением, характерным для эпохи древнегреческого олимпийского движения. Разумеется, в качестве делёзовской метафизической поверхности философское осознание всей глубины олимпийского движения античности появилось с некоторым опозданием, и это косвенно свидетельствует о грандиозности самого события. Уже у первого стоика Зенона этика и физика понимаются как нечто единое, а дальше у стоиков появятся и Бог, и божество как сила, и целесообразность как необходимость, и свобода воли, и нравственное действие как самоутверждение индивида, осуществляющееся по направлению к общему благу. При желании в рассматриваемом нами олимпийском событии можно согласно делёзовской «Логике смысла» найти и проявление эдипова комплекса, когда «полная сексуальная поверхность является посредником между физической глубиной и метафизической поверхностью» [8, с. 265]. Чётко обозначен и фактор серийности, когда образы родителей находятся, конечно же, и в чаше самого стадиона, и на возвышении при входе, где стоят в качестве стражей фигуры Зевса-отца как «две сосуществующие серии, материнская и отцовская...» [8, с. 270]. Такие две серии хорошо обозначены числом во времени и пространстве олимпийского движения. Следуя алгоритму смыслообразования, по Ж. Делёзу, здесь надо сказать, что именно «сериальная форма вводит в игру образы» [8, с. 271]. При этом общим для всей такой серии правилом становится то, что обязательно сохраняется «сущностное различие между поверхностными зонами и стадиями глубины...» [8, с. 293]. Кажущийся современный буквализм Ж. Делёза в действительности помогает связать измеримость с несоизмеримостью. Вот и получается, что «точки фиксации, которые подобно маяку притягивают регрессивные процессы, всегда стараются обеспечить регрессию самой регрессии, когда та меняет природу с изменением измерения и в конце концов возвращается в глубину стадий, в которую опускаются все измерения» [8, с. 293]. Мы изложили взгляды Ж. Делёза столь подробно, чтобы читатель на приведенном нами примере получил полное представление о возможностях и пределах *всей глубины* смыслообразования. Не менее «выпукло» во всех таких олимпийских событиях обозначаются сингулярные точки и составляющиеся из них линии.

Тогда становится понятно, почему так выпукло обозначен именно Зевс, а не богини проклятья, кары и мести Эринии со свойственной им конкретной миссией. Оказывается, что здесь тоже необходима *дистанция*, которую ещё только предстояло пройти грекам в эстетико-антропологическом становлении. Будучи дочерьми Земли и Ночи, Эринии изображались как отвратительные женщины с крыльями, глазами,

налитыми кровью, и волосами из змей. Эсхилловская «Орестея» как явно прогрессивное произведение того времени, по мнению Р. Барта, свидетельствует «о переходе от матриархального общества, представленного Эриниями, к обществу патриархальному, представленному Аполлоном и Афиной» [1, с. 85]. И уже на следующей странице Р. Барт продолжает: «Около двадцати пяти веков отделяют нас от этого произведения: переход от матриархата к патриархату, замена старых богов новыми и закона возмездия судом...» [1, с. 86].

Согласно эстетико-феноменологической позиции Н. Гартмана, образный характер демонстрации физического превосходства Зевса в преддверии состязания воздействует на подсознание и чувства входящих на стадион. Таким образом, влияние на «переднем плане» (чувственное созерцание) предполагает подключение «заднего плана» (внутреннее переживание). Но значительно важнее другое. У Н. Гартмана описание подобной ситуации таково: «При этом чувственное созерцание является первичным, внутреннее – вторичным... Ибо лишь второе созерцание поднимает первое над обыденным восприятием и придает ему особый эстетический характер» [3, с. 28].

Объединение этого высказывания Н. Гартмана с двумя другими приводит к пониманию способа существования эстетического предмета. В этом случае существование эстетического предмета обеспечивается «в корне различным способом существования обоих слоев в нем: реальности на чувственно данном переднем плане и явлению на заднем плане, «бытие-в-себе» там и «бытие-для-нас» здесь» [3, с. 51]. При этом присутствует «слитное сознание незнания подлинной сущности заднего плана, несмотря на его проявление в известном образе, что как раз существенно для источника эстетического впечатления» [3, с. 209].

И еще, если в спортивном состязании борьба и победа только *будут* совершаться, то в фигурах «занов» именно эстетико-антропологическим образом совершенство уже победило. По Н. Гартману, «там, где в мире «является» совершенство как уверенное в себе бытие образа в его внешней форме и делается доступным чувствам, где оно становится видимо, воспринимается чувственно, там это ее явление воспринимается как красота независимо от близости и удаленности от человека» [3, с. 208]. И вновь поражает почти буквальное соответствие высказанного самой уже легко представляемой ситуации перед выходом на стадион: «Только действительно наблюдаемое и конкретно-образно оформленное доставляет людям ту движущую силу, которая доказывает, раскрывает, указывает дорогу, потому что она свободно выступает из сущности вещи» [3, с. 55].

Описанное ситуативное единство внутренне переживаемого условным спортсменом-олимпийцем и внешней событийности психического и

физического было проанализировано в феноменологии детально и может быть подтверждено цитированием. Взгляды Н. Гартмана настолько близки к такому пониманию вопроса, что это очевидно даже в переводе с немецкого на русский: «Чистая радость именно от предмета при всей объективности основана непременно на собственном участии, она всегда выражается как род собственного участия... В эстетической радости мы имеем дело именно с синтезом противоположности дистанции и внутренней захваченности» [3, с. 95-96]. А при появлении понятия «дистанция» сказанное начинает звучать почти как репортаж с места событий. Стоит, например, настроиться на «эстетическую волну» размышлений, как сближаются слова и смыслы, все встаёт на свое место, и в том числе «дистанция предметного содержания, которая необходима для эстетического наслаждения» [3, с. 186], и красота математической фигуры как «красота эллипса» на спортивной арене, многократно *измеренного* до мельчайших единиц непосредственно стадием. Наверное, тут следует добавить и слова Ж. Делёза о том, что «уравнение конических сечений выражает одно и то же Событие, которое его двусмысленный знак подразделяет на разнообразные события – круг, эллипс, гиперболу, параболу, прямую линию» [8, с. 144].

Понятие «дистанция» тут оказывается чрезвычайно нагруженным смысловыми связями с целым набором ценностей. И, наоборот, вне собственного эстетического обнаруживается опасность прямого соскальзывания в самонаслаждение, связанное с обратным соскальзыванием в наслаждение, обусловленное ценностями (этическими, жизненными и др.). Впрочем, хорошо заметно, что «настоящее эстетическое наслаждение держится на рубеже двух близких, но совершенно различных форм наслаждения. Обе не достигают его... в обеих не хватает дистанции, в обеих предмет другой. И в обеих нет характерного эстетического синтеза наслаждения и созерцания» [3, с. 98]. По-видимому, преодоление чисто количественным измерением некоего эстетического качественного порога исторически еще не подготовлено.

Но что же все-таки дистанцируется с помощью «занов»? Скорее всего, то, что есть в образе Зевса общечеловеческого и математически канонизированного, отличное от того, что человек уже «есть» индивидуально и разнообразно. Таким образом, божественное и индивидуальное дистанцируется друг от друга сначала буквально, потом фигурально [3, с. 219].

Смутность знания, компенсируемая эстетическим бессознательным, в общем-то объясняется отсутствием сколько-нибудь развитой саморефлексии у древних греков в ситуации глубокого филогенетического детства, наивно-соревновательной ребячливостью духа, игровой

условностью смыслообразования. Чувственно-наглядная форма мышления еще долго развивалась до состояния умозрительности, при этом доминирующая ценность прекрасного не оспаривалось, поскольку красота и гармония скульптурного изображения человеческого тела выступала, моделировала социум в математически оформленных канонах пропорции и симметрии самого социального пространства.

Как видим, вне эстетического бессознательного, чувственной наглядности гармонии и красоты феномен *вины* не воспринимался. Сама по себе статуарная телесная гармония богов и героев не допускала изъянов, символизирующих слабости и недостатки социальной структуры, социального пространства. Вернее, устойчивое структурное ещё бессознательное «сложение» социального пространства означало всепобеждающую силу по отношению к врагу и проявляло свою природу и назначение именно как прекрасное. А.Ф. Лосеву это позволило считать эпоху античности скульптурно пластичной. Все начиналось с богов, когда это были лишь фигуры, выступающие невысказываемым, невербализуемым символом социальной целостности и идеального социума вообще.

Рассматривая онтогенетическую реализацию образно-фигуративного художественного мышления, Н. Гартман опирается на сам факт принципиального «незнания» поэтом глубокой сути изображаемой реальности. Однако именно незнание позволяет поэту выразить общую идею адекватным образом [3, с. 238]. В античности такое незнание присутствовало еще повсеместно, филогенетически оно проявлялось как полное отсутствие научной информации о сущности процессов и неспособности к рефлексии. Сопоставление этих факторов позволяет нам лучше понять пластику «перехода» «символ → образ» (и обратно), «знание → незнание» (и обратно), «вина, проступок → победа».

Еще в древнеегипетском портрете «отдельный человек выступает в двойном обличье – всеобщем и индивидуальном» ... и «если лицо индивидуально, то остальная часть тела изображается условно» [3, с. 203]. Зато в позднееримском скульптурном портрете на деле замечается только душевно-личное» [3, с. 203]. Стоит сделать еще один шаг, читаем мы на той же странице, как попадаем в мир современной пластики. Оказывается, что ее «задачей является выражение в определенных образах именно душевного и внутреннего, но совсем не индивидуального, а имеющего всеобщий характер, т.е. относящегося ... не к общечеловеческому, а к типическому» [3, с. 203]. Согласимся, что в античности было бы совсем невозможным скульптурное изображение типического или тем более роденовского мыслителя как уже «видимого напряжения мышления в позе фигуры» [3, с. 203].

Рассмотрим в том же феноменологическом аспекте современные примеры вины. Напрашивается какой-либо широко известный исторически и эстетически масштабный вариант глубоких нравственных переживаний большого количества людей, охватывающих несколько поколений. При этом в требуемой ситуации имеет место отношение явлений как обнаружения сущностных характеристик. В этом аспекте необходим набор таких факторов как «передний» и «задний» планы, соотношение внутреннего и внешнего, телесного и духовного, символа и образа, буквального и фигурального, фигуративность, дистанция, детали и целостности, скульптурная пластика, наконец. На наш взгляд, понадобится снова и логика смысла Ж. Делёза с его набором таких терминов, как *событие, глубина, поверхность, сингулярная точка и т.д.*

Попробуем применить этот инструментарий к, казалось бы, совершенно иного рода ситуации, чем феномен «занов» в Древней Греции. Речь пойдет о величественной экспозиции на Мамаевом кургане в Волгограде, где уже нет показательной («наказательной», наказующей) интриги, с подкупам в спортивных соревнованиях и др.

«Передний», чувственный план здесь очевиден (опять-таки буквально и фигурально), как и фигуративность величественной гигантской скульптуры Родины-Матери. Однако воплощение замысла художника этим не ограничивается, поскольку восприятие главного монумента подготавливается на подступах к нему, где посетитель видит сравнительно небольшую статую солдата. Он выступает в роли защитника Родины-Матери, как бы заслоняя собой священное для сердца людей, сакральное для осмысления. При этом хорошо рассчитан эффект перспективы для идущих, поднимающихся по кургану людей. И поэтому возникает ощущение жертвенного заслона.

Фигура солдата невелика, однако она играет исключительно важную роль. На этом этапе чувственное еще не подавляет переживания «заднего» плана. От внешней подавленности грандиозностью главной фигуры субъект пока еще не зависит и поэтому способен на переживание некоего внутреннего, более глубокого смысла. И этот момент приходит. Приходит подсказанное скульптором чувство глубокой вины защитников за то, что не всех удалось защитить, за колоссальные жертвы войны, положенные на алтарь победы. Причем, это ощущение вины подсказано уже самим скульптором в изображении солдата, когда внутренний план переживаний тоже имеет эстетически изобразительное разрешение. Чувство индивидуальной вины посредством катарсического переживания переносится на многих других людей, в том числе и на тех, кто не мог по возрасту или по другим объективным причинам участвовать в битве с врагом.

«Перековка» проявленных ранее во время войны слабости, малодушия происходит путем перехода (буквально и фигурально) к великодушию, возвышенному, т.е. к тому, что в знак своего величия, коллективной силы так великодушно прощает. В условиях проявленного в войне, а конкретнее в битве за родину и победу, массового героизма образу отдельного солдата, по мере восхождения на курган *из глубины* привычной гражданской жизнедеятельности, предлагается противоположно как символ преодоления бессилия и малодушия. По логике смыслообразования, битва вообще «не является примером события среди других событий, а выступает, скорее, как Событие в его сущности...» [8, с. 128]. Эту сущность современный французский философ видит в том, что «она одновременно осуществляется многими способами, а каждый участник выхватываем в её восприятии какой-то отличный от других аспект внутри её изменчивого настоящего» [8, с. 128]. Грандиозность битвы приводит к тому, что и сама она «парит над своим собственным полем, нейтральна и бесстрашна к победителям и побеждённым, трусам и храбрецам; и оттого она – ещё страшнее» [8, с. 128]. Надвременной характер битвы проявляется в том, что «солдат должен долго бороться, чтобы подняться над храбростью и трусостью и достичь этого чистого схватывания события посредством «волевой интуиции, то есть посредством воли, побуждаемой в нём событием» [8, с. 129].

Происходящая при этом «перековка» чувств, символического в образное и обратно требует опять-таки исторического времени. Поэтому вновь требуется дистанция. Ощущение дистанции в наше время рождается в ходе довольно длительного и трудоемкого процесса перехода от противоборствующих нравственных ценностей, от моральных переживаний к собственно эстетическим, к мироощущению непобедимой красоты.

Здесь следует заметить, что в античной скульптурной пластике не было места для избранных моделей ни женской, ни мужской красоты. В лучшем случае образ бога или богини был собирательным и максимально обобщенным. Напротив, в случае со скульптурным комплексом на Мамаевом кургане, пропитанном в результате длительных сражений кровью и настигнутым металлом, проступают индивидуальные черты живой женщины.

В процессе создания монумента на Мамаевом кургане символическое осознавалось, содержалось в дистанции между «передним» и «задним» планами, между внутренним и внешним мирами, между ощущением виновности, жертвенной слабости и решимостью к победе, между нравственным и эстетическим, между долгом и счастьем. И хотя искусство скульптурной пластики есть пространственное явление, оно фактически

растянуто во времени и для создания своих образов, и для их множественного возрождения в эстетических переживаниях восходящих на курган людей. И тогда появляется еще и временная дистанция, воздействующая уже на потомков. Тогда наиболее ярко проявляется «то, ради чего» – ради продолжения жизни на Земле.

Цель буквально, которая фигурально и почти астрально присутствовала в «занах» буквально, фигурально и реалистически представлена в образе Родины-матери. Проявляющиеся в последнем примере «то, ради чего» и символически, и образно обнаруживает сложную пластику противоречивого единства материи (как матери) и идеи (эйдоса), телесного и духовного, забвения и памяти, «откуда» и «куда» уже на уровне смыслообразов.

В этом примере (Мамаев курган) присутствует и цель, и единство, и целое. Но если в целесообразности доминирует символическое содержание, то в единосообразности символическое и образное уравновешены. Конечно, чаемой очевидности пропорции все еще нет, рационально она не просчитывается.

В целом феномен целесообразности реализуется в процессе становления смыслообразования и целеконструирования. Понятно, что на ранних ступенях, в ситуации с «занами», прослеживается всего лишь целеустремленность, поскольку срабатывает механизм буквализма. Буквализм присутствует в самой целеустремленности олимпийского форума, и должен (буквально) быть «переплавлен» в образ более высокой духовной конструкции. Слишком буквально истолкованная цель, наоборот, могла бы оправдать «грязные» средства.

Зато в «занах» математически исчисленное наказание переводит буквализм в мир искомых ценностей, в мир пропорции и симметрии, преобразуя чувственную наглядность античного мышления в направлении восприятия идеального образа.

Поначалу это относилось к собственно математическим фигурам в архитектурном исполнении согласно историческому старшинству архитектуры среди видов искусств. Внутрихрамовое «рождение» и зарождение математически совершенных фигур относилось, конечно же, к божеству в его уже человекоподобном образе. В отличие от предшествовавшего этому внутрихрамовое рождение, например, быкоподобного божества Аписа, было именно подобием, символизирующим силу и представительную связь с сакральным существом еще большей, безмерной силы, с Птахом.

В случае с «занами» амбивалентность человеческого и божественного смягчается, переводя символическое содержание способом гармонизации телесного явления, телесного проявления силы, могущества во

всепобеждающее единство тела и духа. При этом математически измеренная пропорция выступает средним общим знаменателем не только физической силы, но и телесной красоты. СобираТЕЛЬНЫЙ символический эффект такой силы подспудно означал сверхиндивидуальную силу Зевса, недостижимую для любого смертного.

С течением времени происходит осознание значения, которое приобретает опять-таки буквально и фигурально та самая Мера, что придает контуры смыслу во всякой собственно игровой ситуации, и олимпийской в том числе, организуя всю систему правил и ограничений. Как помним, фигурально и сразу же фигуративно мера будет изображена в образе сначала красоты божественной, а затем уже человеческой. Сверхмерное здесь только подразумевается, еще не рационализируется философски. Сверхмерное еще не проявляется иначе, как через эстетическое созерцание. Дистанция в этом случае должна быть измерена очень своеобразно. Но и Фемида в качестве смыслообразующего символа здесь, на олимпийском стадионе, не годится.

Зато к месту приходится благообразный Зевс, благообразный («благообразный») при этом не только и не столько чисто эстетически. Выступая в качестве не мотивирующего, но все-таки решающего фактора, Зевс обращается в первую очередь к тем, кто пребывает в некотором смятении мыслей и чувств. Фигуративно у спортсменов, кстати, это тоже проявляется в походке, в асимметричности осанки, искривленности телесной пропорции, в неуверенности, наконец. И всему этому противостоит не предупреждающая о неминуемом наказании Фемида, а благообразное (благообразное) достоинство победителя, достойного венка и славы.

Список литературы

1. *Барт Р.* Работы о театре / Сост., перев., примеч. и послесл. М.Ю. Зерчаниновой / Р.Барт. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. – 176 с.
2. *Рансьер Ж.* Эстетическое бессознательное / Сост., пер. с франц. и послесл. В.Е. Лапицкого / Ж.Рансьер. – СПб.; М.: Machina, 2004. – 128 с.
3. *Гартман Н.* Эстетика / Н.Гартман. – Киев: Изд-во «Ника-Центр», 2004. – 640 с.
4. *Курикалов Ю.Л.* От слов к логосу (Этюды философской герменевтики) / Ю.Л. Курикалов. – Логос, 1991. – С.178-198.
5. *Лосев А.Ф.* Философия имени / Предисл. А.Л. Доброхотова; послесл. В.И.Постовалова / А.Ф.Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
6. *Данте Алигьери* Божественная комедия / Пер. М. Лозинского / Данте Алигьери – М.: Изд-во «Наука», 1967. – 627 с.
7. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
8. *Делёз Ж.* Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Издательский Центр «Академия», 1995. – 304 с.

9. *Шеллинг Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т.1. / Сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга / Ф.В.Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1987. – С.227-489.
10. *Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления / М.К.Мамардашвили. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 412 с.
11. *Плотин.* Сочинения: Плотин в рус. пер. / Плотин. – СПб.; М.: Алетея при участии Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 2002. – 669 с.
12. *Хайдеггер М.* Что это такое – философия? / Пер., коммент., послесл. В.М. Алексенцеева / М. Хайдеггер. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 30 с.
13. *Гегель, Г.В.Ф.* Эстетика. Т.2. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1969. – 326 с.

***PHENOMENOLOGICAL VERSION OF THE ANCIENT GREEK
PHENOMENON OF "ZANS" IN THE ASPECT OF AESTHETIC
ANTHROPOLOGY***

Mikhail N. Shcherbinin

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Tyumen State University,
625003, Tyumen, Volodarsky street, 6
m.n.shherbinin@utmn.ru

Lyudmila G. Suvorova

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Tyumen State University,
625003, Tyumen, Volodarsky street, 6
l.g.suvorova@utmn.ru

The article is based on the interpretation of the sculptural images of Zeus in the stadium, which reminded of the dishonesty of some athletes and their patrons. It is argued that in Zan the transition from moral values to aesthetic values is carried out by creating a counter-image, the literal is refracted into figurative and even figurative. The article deals with the "cross" dialectics of theater and sports. It is shown that sport, as a form of collective excitement and rivalry, continues to play an important role in the life of society, in contrast to the theater, in which there is

no collective excitement and the audience can only be touched by the contemplation of a purely "individual" misfortune. Sports competitions have lost touch with the original idea of peace and unity, and have become the object of political manipulation and propaganda.

The article connects the phenomenon of guilt with the logic of the meaning of J. Deleuze, it is argued that outside the aesthetic unconscious, sensual visibility of harmony and beauty, the phenomenon of guilt was not perceived. The image of the Motherland on the Mamaev Kurgan is analyzed as a symbol of Victory, and the sculptural image of a soldier as a sacrificial barrier of the sacred. The contradictory unity of the corporal and spiritual is described. It is noted that the mathematically calculated punishment in "zan" transforms the symbolic into figurative, literalism into proportions and symmetry, and thus contributes to the creation of a semantic image.

Key words: "zany", semantic image, hypocrisy, hypocrisy, counter-image, figurativeness.

УДК:1(091)

10.17072/2076-0590-2023-11-81-91

ПОЛИТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ МАКСА ШЕЛЛЕРА

В.Б. Куликов

доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии
государственного и муниципального управления

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51

E-mail: vbkulikov@list.ru

Представлен результат феноменологического анализа актуальных социально-политических явлений: войны, мира, воспитания, социального развития в трудах Макса Шелера, одного из видных представителей антропологического направления в философском дискурсе XX века.

Ключевые слова: Шелер, феноменология, война, образование, воспитание, философская антропология

Макс Шелер (1874-1928) является одной из наиболее значительных фигур западноевропейской философии XX века. Он оказал существенное влияние на эволюцию философской антропологии, аксиологии, социальной философии и философии воспитания. Даже проявившая себя в последнее время тенденция к формированию так называемой «темной антропологии», то есть «антропологии, которая делает акцент на неприглядных и жестоких аспектах человеческого опыта, а также на структурных и исторических условиях, которые их производят» [1, с. 6] имеет своим истоком взгляды, высказанные в начале прошлого века Максом Шелером. Его заслуга перед философией состоит в том, что он обратил внимание на такие феномены, как война и ненависть, которые никак не отнесешь к светлым сторонам человеческого опыта.

М. Шелер не только распознал возможности предложенного Э. Гуссерлем феноменологического метода, но и весьма креативно использовал его, значительно расширив область применения и тем самым изнутри испытал его эвристический потенциал. При этом феноменологический метод был им видоизменен, модифицирован, словом, усовершенствован. Как отмечал Г.Х. Гадамер: «Фанатично следовать этому методу не было уделом Шелера» [2, S. 11]. Феноменология предоставила удобный выход из противоречий между формальным кантовским априоризмом и эмпирическим психологизмом, открыв возможности рассмотрения эмоциональной сферы человеческой бытия через призму ценностного переживания. Феноменологическая точка зрения органично способствовала проникновению в сферу конкретно-исторических политических, идеологических, педагогических идей. В годы Первой мировой войны, когда социально-политическая, этическая, идеологическая проблематика была в значительной степени востребована, М. Шелер привнес в обсуждение социально-гуманитарных проблем не только глубокий надличностный смысл, но и субъективную взволнованность.

В наиболее полной мере работы периода Первой мировой войны сконцентрированы в опубликованном 1982 году четвертом томе собрания сочинений мыслителя под редакцией М. Фрингса и М. Шелер. В отдельную книгу вошли следующие работы: «Гений войны», «Германская война» (обе – 1915 г.), «Европа и война» (1915 г.), «Война как целостное переживание» (1916 г.), «Причины ненависти к немцам» (1917 г.), «Новая социологическая ориентация и задачи немецких католиков после войны» (1916 г.), «Внутренние противоречия германских университетов» (1919 г.), «Политика и культура на почве нового порядка» (1919 г.), «Миссия Германии и католическая идея» (1918 г.). Политико-педагогические сочинения М. Шелера выдержаны в острополемиическом ключе, написаны чрезвычайно эмоционально, в них он стремится осмыслить насущные

вопросы времени, найти причины кризисной ситуации в Германии очертить перспективу европейского и национального развития. Становление и развитие философских взглядов всегда обусловлено конкретными условиями социально-политического процесса. В то же время даже формирующиеся философские воззрения оказывают обратное влияние на политические, идеологические и культурные реалии общественной жизни.

Основания европейского политического кризиса усматриваются М. Шелером в смещении европейских ценностей в сторону утилитаризма и навязывания обществу эмпирического подхода, ориентированного на естественнонаучные модели познания. Немецкий философ не приемлет такого смещения мировоззренческих координат, ибо, по его убеждению, натуралистические, позитивистские, прагматические концепции не могут претендовать на универсализм. Они только лишь способствуют одностороннему, частичному истолкованию мира и человека. Моральный утилитаризм и соответствующая ему политическое поведение зачастую мнят себя универсальными императивами деятельности. М. Шелер приводит таблицу категорий английского политического восприятия и поведения, в рамках которых происходит существенная подмена смыслов; так, например, в утилитаристски ориентированной английской модели жизни культура подменяется комфортом, божественный промысел политикой Англии, благопристойность замещается высокомерием, а христианская любовь подменяются гуманностью, общность подменяется сообществом (клубом по интересам), а любовь к слабым – ненавистью по отношению к сильным. Но верхом лицемерия является отождествление Промысла Божьего с политикой Англии, а Гласа Божьего – с общественным мнением. Взгляд на европейскую общность подменяется анализом европейского баланса сил. Для англосаксонского восприятия мир – всего лишь некая ограниченная в пространстве и времени среда, к которой следует приспособляться, добиваясь реализации своих материальных интересов.

В то же время, как отмечает М. Шелер, утилитаристские и эмпирические установки привлекательны именно тем, что предлагают бесконечное множество технологических приемов и способов, усиливающих результативность действий и обеспечивающих их успех. В социально-политической сфере эмпирический подход столь же разнообразен, сколь агрессивен и провокационен. Политический эксперимент детально продумывается и неукоснительно реализуется, а если возникают препятствия, то происходит модификация целей и выдвигаются уже иные задачи, апробируются новые варианты, планы, инструменты. Эмпирический подход в политике порой приводит к

выработке долгосрочной стратегии, ему свойственна многовариантность, быстрая замена одного метода другим, осуществление нескольких планов одновременно.

Критика стяжательского духа, присущего англо-американским политическим практикам, показывает распространенность и влияние подобных способов внешнеполитического воздействия, особенно, на те страны и регионы, которые начинают превращаться в подопытную площадку для политических экспериментов. М. Шелер, однако, не снимает с немцев ответственности за развязывание Первой мировой войны. Их вина, считает он, заключается в том, что они поддались «духу капитализма», пытаясь применить на практике позитивистские, наукообразно скроенные методы.

Развивая свою концепцию, М. Шелер утверждает, что для позитивистского, прагматического подхода решающим в понимании исторического происхождения войны оказывается состояние и количество средств производства, вызывающее стремление расширить жизненное пространство, захватить средства пропитания или остановить рост народонаселения. Позитивистское восприятие истории, согласно М. Шелеру, является «сугубо статистическим», в то время как человека следует воспринимать в динамике развития, постоянного роста. А момент статики или равновесия он немецкий философ расценивает как всего лишь случайный эпизод. «Мы должны, – формулируют Шелер свое требование, – окончательно понять исторического человека как первоначально подвижного, живого, а не выводимого из некоего равновесного состояния, понять его среду как формирующуюся и поисковую, а не как уже сформированную и замкнутую обстоятельствами» (3, S. 19). Война осмысливается Шелером в этом аспекте как возвращение к творческим первоначалам, из которых происходят государства и общества; в целом война означает в феноменологической оценке некое «погружение в мощь жизненного источника, из которого проистекает все направления жизни и осуществляется человеческая судьба» [3, S. 20].

Война как динамический принцип истории настолько значительна, что даже при условии возникновения когда-нибудь идеальной и абсолютной уравновешенности хозяйственных и общественных интересов, при достижении идеального и абсолютного объединения всех народов, по мнению философа, живительные корни войны всё-таки остаются неприкосновенными и невредимыми. В противовес натуралистическому подходу война объявляется порождением «человеческо-исторического» мира, а не разновидностью борьбы биологических видов за выживание. Война фиксирует парадоксальную ситуацию, когда человек, утверждающий торжество своего бытия, одновременно разрушает его.

Можно допустить, что сравнительный анализ жизни человека и животного дает повод для установления весьма большого количества аналогий, но в мире животного даже процесс охоты нельзя классифицировать как некое подобие войны. Действия животного, как бы агрессивны они ни были, не направлены на отрицание или на уничтожение другого вида животных, тогда как у человека война обозначает тотальное отрицание, включая физическое уничтожение одной группы людей другой.

М. Шелер подчёркивает коллективный, социальный характер войны как формы проявления человеческого бытия. Специфика человека, его сущность, в отличие от животного, определяется духовностью, т.е. пронизанностью духом всех явлений человеческой жизни, том числе и такого, как война. Только с учетом шелеровского восприятия войны может быть понято следующее высказывание: «Война, говорю я, имеет, несмотря на свойственные ей человеческой проявления, корни в сущности жизни вообще. Я утверждаю, что такие дела рук человеческих, как война и труд, никогда не могут быть совершенным образом выведены из биологических законов, потому что в них действует новый фактор – дух» [3, S. 31]. Первоначальное, первородное стремление жизни к самоутверждению, к власти, господству во все расширяющихся масштабах и есть духовный источник войны, соответственно, война по своей сути, является носителем и выразителем определенного типа духовности.

Позитивизм, прагматизм, эмпиризм, согласно М. Шелеру, – это интеллектуальные проявления господства системы подавления и подчинения таким правилам, в центре которых стоит явно выраженный материальный интерес, расчет, выгода.

Вернер Зомбарт в эмоционально написанном памфлете начального периода Мировой войны, подметил существенную деталь прагматической мотивации войны, характерную для англосаксонского подхода. Эти войны «всегда имеют коммерческий характер, поскольку это именно те мотивы, которые по праву лежат в основе любого капиталистического предприятия и преследуют единственную цель – получение наибольшей возможной прибыли, но впоследствии и сама война начинает рассматриваться как капиталистическое предприятие и организуется как таковое. Тогда-то и возникает прекраснейшая мысль: вести войну не своими руками, а руками других» [4, с. 37].

Следовательно, в рамках такого подхода нравственность выводится за скобки, безразличными становятся такие ценности, как любовь, общность, духовный авторитет. Война приглушает звучание подлинных ценностей для тех, кто ставит во главу угла материальные интересы, но в то же время для других она возрождает движение к открытым духовным основаниям.

Феноменологическая позиция направлена на возрождение истинных ценностей и решительное опровержение тех взглядов, которые уповают на экономическую или классовую борьбу как двигатель истории, которые ждут от победы какой-либо стороны прорыва к новым источникам материальных ресурсов. М. Шелер подвергает бескомпромиссной критике такие базовые капиталистические ценности, как свобода предпринимательства, либерализм, система духовной коммуникации. Марксистский социализм, утверждает философ, не может выступать подлинным противником капитализма, капиталистического духа. Дело в том, что марксизм защищает интересы пролетарского класса внутри капиталистического общества, но интересы рабочих, согласно М. Шелеру, также пронизаны капиталистическим духом. Рабочие и капиталисты – две стороны одной медали. Но что происходит в условиях выхода из жестко заданных бинарных отношений капиталистического устройства, при организации жизни на социалистических началах? М. Шелер полагал, что кризис марксизма «будет усугубляться по мере того, как марксистско-социалистически мыслящие классы и их вожди будут призваны участвовать в руководстве и управлении общественными делами. Марксизм – это типичная идеология угнетенных и критическая протестная идеология; чем больше она будет отклоняться от своего социологического условия, тем скорее марксизм как таковой начнет исчезать» [5, S. 260].

Признаки кризиса марксистской идеологии М. Шелер усматривал в расколе социал-демократического движения в Германии, в деятельности II Интернационала. Война, по мысли М. Шелера, испытала марксизм на прочность и выявила его слабости в появлении множества конкурирующих вариантов «социализма». Поэтому, как полагает Шелер, «...наше религиозное мировоззрение должно заполнить великую пустоту духа в рабочем классе в ту минуту, когда наступит последнее крушение идеалов и с глаз спадет пелена» [6, S. 38].

В статье «Христианский социализм как антикапитализм» (1919 г.) Шелер выводит две тенденции мирового политического развития. Первая идёт от англо-американского капитала, поддерживаемого французским финансовым капиталом, она выражает культивирование в Европе единого капиталистического типа личности, вторая исходит от русского большевизма. Это антикапиталистический милитаризм с его претензиями на мировое господство пролетариата. Христианский социализм не должен им следовать, он существует как третья самостоятельная мировая тенденция, противопоставленная двум предыдущим. По мнению М. Шелера, направление христианского социализма, которое «географически и этнически» совпадает с истоками древней средиземноморской культуры и культуры центра Европы, в современный период выражено значительно

слабее, чем две другие тенденции. Усиление христианской тенденции, согласно М. Шелеру, – это одновременно цель католической религиозной политики и задача немецкой политики.

Мировая война окончательно лишила статуса лидеров цивилизации континентальную Европу и Англию. Теперь на этот статус вправе претендовать Германия и Россия, ибо их объединяет сам тип исторического развития: постоянная смена двух зон бытия: метафизически-религиозной и приземленно-практической. Перед этими двумя странами, согласно М. Шелеру, открываются грандиозные перспективы «нового взаимопроникновения культур Востока и Запада» [7, с.129].

В работе «Новая социологическая ориентация и задачи немецких католиков после войны» ставит вопрос о смысле и сущности основных типов человеческой общины, человеческого общежития [8, S. 373]. Война лишь приоткрыла человеку духовный смысл его существования. Новая ориентация духа несовместима с интернационализмом, основанном на господстве классов или приоритете материальных интересов. Решить проблемы не в состоянии и ограниченный, «узколобый» национализм. Идея интернационализма преодолевается идеей сверхнациональной церкви, основанной на вере в Христа, на идее святой братской солидарности, охватывающей всех людей, весь мир. Не нация, не государство, не определённая культура, но истинный религиозный союз – вот носитель подлинных человеческих ценностей. Государство, общество, основанное на праве, образуют под своей эгидой множество искусственных организаций, но не порождают из себя ни природной, ни жизненной (род, семья, народ) духовной общности.

Образ государства не обращен к человеку, граждане лишь элементы целого, которые взаимодействуют друг с другом механистически, не имея естественных симпатий. Искусственному единству должно быть противопоставлено «реальное единство». Ответственность человека должна стать не правовой обязанностью, но внутренним мотивом. Стержень «новой религиозной ориентации» – человек, но не как часть целого, а как полноправный член общности. Идея сущностного единства церкви, по мнению М. Шелера, приходит на смену идее множественности наций. Задача католиков – участвовать в осуществлении этого перехода.

Вывод, который делает Шелер из анализа современной ему реальности, звучит так: «Не снизу, из материи, инстинктов, но только лишь сверху, из духа любви, из бога можно прийти к согласию и единению» [9, S. 402].

Война выстраивается на строгих рациональных расчетах (количество штыков, наличие боекомплекта, тяжелое вооружение, тыловое обеспечение и т.д.), на детальном планировании логистики, своевременном запуске

технологических новинок. Однако, победа и достижение мира совершается тогда, когда проявляется нечто сверх того, что обусловлено экономическими расчетами и мощью артиллерии. Любая война имеет своих выгодополучателей (бенефициаров), но на другой стороне войны всегда находится одухотворенный человек, жертвующий и обретающий бога. Выгодополучатель видит в мире всего лишь временную перегруппировку к новому противостоянию, но одухотворенный горнилом войны человек верует в установление подлинного согласия между человеком и другим человеком. Возможные хитросплетения прагматических интересов, основанные на них договорные процессы, как бы совершенны они ни были, осуществляются лишь как механизмы и правовые инструменты, подчиненные стремлению к временной перегруппировке сил и ресурсов.

Если иметь ввиду современную ситуацию военного противостояния с Западом, то за усилиями по перенаправлению энергопотоков, организации новой логистики, новых финансовых механизмов, решающее значение имеет движение к духовному преобразению человека, качественному обновлению общественной организации, преодолению духовной отчужденности между поколениями. Наше доверие к технике, к вещам, к всемогущей экономической связи неоправданно безгранично и безосновательно. Весьма актуально звучит и такая идея Макса Шелера: «Целью нынешних задач является не внешнее, чисто формальное институционально-государственное достижение мира (как это требует пацифисты), но внутреннее, осмысленное согласие, сущностное примирение народов и наций, в русле их истинного соотношения, взаимосвязи сущностей, чуждых случайным и формальным интересам» [9, S. 403] Но, эта идея, убежден философ, может быть исполнена только в религиозном контексте, ибо социальным «силам снизу» противостоит глубоко сущностная «сила сверху». Социальные формы деятельности должны быть основаны на вере, духовности, исключаящие деловый интерес.

М. Шелер не приемлет идеи германского национализма; приоритетной для него является общеевропейское предназначение Германии, поскольку нация, с его точки зрения, – это духовная общность. Существуют несомненные трудности в духовном единении германского народа на платформе духовных ценностей. Причина этого неуспеха скрыта в конфессиональной раздробленности, которая дезинтегрирует нацию по нравственным и религиозным вопросам. В конечном счете М. Шелер делает ставку на общность, основанную на целостности католического духа, с его способностью к волевому поступку, к самоорганизации, к преодолению классовых барьеров и межнациональных противоречий. На

католицизм Шелер возлагает задачу возведения наднациональной башни духа и понимания.

Следует отметить, что на рассуждения Шелера о «католическом солидаризме» достаточно быстро отреагировали в советском ежемесячном философском и общественно-экономическом журнале «Под знаменем марксизма». В 1926 году в номерах 7 и 8 была напечатана статья Гр. Баммеля «Макс Шелер, католицизм и рабочее движение» [10, с. 47-68]. Позиция М. Шелера, естественно, была оценена резко критически, но при этом в статье обильно цитировались источники. По тем временам это было достаточным основанием для того, чтобы заявленного продолжения статьи так и не последовало. В 1942 году журнал, как известно, прекратил существование. Возможно, что-то не так было с теоретическим осмыслением марксизма, как, в свое время, и прогнозировал М. Шелер.

Макс Шелер совершенно не случайно ориентируется на католицизм, поскольку эта конфессия обладает гибкими методиками воспитания, выработанную столетиями практику миссионерской деятельности. Для М. Шелера воспитание – не просто объект метафизического или теоретического исследования, а мощный фактор практической реализации духовных ценностей, ориентированных на формирование позитивной мировоззренческой установки. Восприятие задачи воспитания через призму формирования духовности позволяет оценить европейскую войну как мощный воспитательный фактор, который имеет особое значение для европейской молодёжи, принявшей участие в войне. Европейская молодёжь увидела разрушение существовавшей системы воспитания, эта молодёжь зарядилась своеобразным «милитаризмом», направленным против утилитаристских и прагматических установок. «Милитаризм» означает активную духовную, деятельную позицию, отрицающую диктат любой централизованной воли, и воспринимающую жизнь в новом, антикапиталистическом, духе. Поэтому Шелер говорит о «милитаризме» образа мыслей, «милитаризме» убеждений и взглядов.

В связи с этим М. Шелер обращается также к обсуждению послевоенной реформы образования и, в частности, к проблемам университетского обучения в Германии. Целью образования, полагает М. Шелер, является «во-первых, по возможности, благоприятные отношения к традициям и к высшим образцам знания, выработанным в ходе европейской истории. Во-вторых, наличие методически и педагогически подготовленного учителя и наставника, особенно для тех, кто будет состоять на службе государства, церкви и общества. В-третьих, обеспечение методического аспекта научных исследований. В-четвёртых, всесторонне духовное формирование и обучение человека как личности, через решение специфических всеобщих задач образования, наконец,

овладение высшим уровнем мастерства в решении этой задачи – обучение через личный пример, образец, благодаря которому личность обучающегося соотносила бы свои действия с тем, кого она полагает в качестве авторитета. В-пятых, правильное, простое, без излишеств целенаправленное воспитание, содействующее достижению знания всеми слоями общества и народа; и наконец, в-шестых, посредническая миссия воспитания между различными социальными институтами и между различными уровнями образования, высшей специальной и общеобразовательной школами» [9, S.475]. Воспитание, исходя из перечисленных целей и задач понимается как мировоззренческая сила, воздействующая на формирование личности.

Через призму этих целей М. Шелер рассматривает внутренние противоречия немецких университетов. Прежде всего, университет потерял качество универсальности, отсюда противоречие между обучением специальности и получаемой профессией. Другое противоречие состоит в том, что задачи университета и задачи формирования личности перестали совпадать. Обучение в целом противоречит способу получения знания и профессионализму. Получение знания и формирование целостного образа человека – вот основная задача университетского образования. Полученные знания, полагает М. Шелер, должны быть плодотворными для роста и формирования человеческой личности, к каким бы социальным слоям эта личность ни принадлежала. В процессе разрешения этих противоречий университет должен сыграть решающую роль не только в масштабах Германии, но и всей Европы. Его цель – формирования «нового европейского человека». Решение конкретных задач образования придает Германии особую миссию в Европе. Что касается университетского образования, то предлагается в этой связи введение новых более жизненных, практически необходимых специальностей, формирование в университете особой атмосферы товарищества преподавателей и студентов, отмена всякого авторитарного тона со стороны профессуры. Вызывает интерес предложение Шелера ввести такие учебные курсы, которые дают подробное представление о жизни и культуре восточных стран, славянских народов и в особенности России (русская история, русская литература, русский язык).

К попыткам навязать университетам какую-либо политическую партийную доктрину М. Шелер относится отрицательно, поскольку, по его мнению, всякое классовое или экономическое влияние на студенчество насаждает чуждый университетскому духу догматизм. Решающее значение, с точки зрения немецкого мыслителя, имеет, напротив, религиозный авторитет, сила религиозного духа, которая способна на

различных уровнях обучения и образования содействовать подъему сознания не только немецкой молодёжи, но и немецкого народа в целом.

Воспитание, в интерпретации М. Шелера, имеет смысл сущностного процесса формирования (*Bildung*), становления человека. Направление этого сущностного становления выражается в стремлении к миру духовных связей, высших духовных ценностей жизни. Подлинность воспитания заключается в его религиозно-этическом содержании, а смысл – в формировании христианского этоса. Свое выражение христианский этос получает через такие признаки, как поддержание высокого авторитета церкви, глубокая и многообразная в своем проявлении христианская идея любви, существование подлинно религиозной общности. Христианский этос противопоставляется капиталистическому этосу, насыщенному идеями классовых интересов, отчужденности, формального общения. Шелер вполне осознавал, что противостояние двух систем воспитания носит непримиримый характер. Капиталистический этос в состоянии подмять человека, подчинить себе духовные ценности, в том числе религиозные, католические. Шелер приводит пример участия церкви в финансовых операциях капитала как образчик служения не Богу, а золотому тельцу. В Европе дух капитализма, дух денег активно препятствует развитию нового христианского этоса, но в то же время, капитализм порождает широкие критические настроения, критический по отношению к нему образ мыслей, и этим должна воспользоваться католическая общественность, вырабатывая специфические воспитательные средства и меры. Речь не идет о количественном увеличении числа верующих, но о качественном воздействии на формирование принципиально человека нового типа: «позиция качества намного важнее позиции только лишь количества» [8, S.458, 469]. Выполнение этой миссии воспитания «нового европейца» возлагалось им на немецкую нацию.

Проблемы войны, мира, политики, образования, перспектив общественного развития, по-прежнему актуальные и в наши дни, обуславливают интерес к политико-педагогическим идеям М. Шелера и в XXI веке. Антикапиталистический пафос его сочинений с течением времени не утратил своей остроты, как и мысль о необходимости воспитания личности, чей внутренний мир пронизан светом духовности.

Список литературы

1. *Ортнер Ш.* Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов// Логос. Том 32. № 2. Том 1. 2022. С.2-42.
2. *Gadamer H.-G.* Max Scheler – der Verschwender. In.: Max Scheler im Gegenwartsgeschehen der Philosophie. Hrsg. von P. Good. Franke Verlag. Bern. Munchen. 1975. 275 S.
3. *Scheler M.* Der Genius des Krieges In: Politisch-pädagogische Schriften. Bern. Bd. 4. 1982. 7-218 S

4. *Зомбарт В. Торгаши и герои.* Собр. соч. в 3-х Т., Том 3. СПб.: Владимир Даль. 2005. 656 с.
5. *Scheler M.* Prophetischer oder marxistischer Sozialismus? In: Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 6: Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: 1986. S. 259–272.
6. *Scheler M.* Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre. Leipzig. Bd.3.1923. 256 S.
7. *Шелер М.* Проблемы социологии знания. Институт общегуманитарных исследований. М.: 2011. 176 с.
8. *Scheler M.* Soziologische Neuorientierung und die Aufgabe der deutschen Katholiken nach dem Kriege. In: Politisch-pädagogische Schriften. Bern. Bd.4.1982. S. 373-459.
9. *Scheler M.* Innere Widersprüche der deutschen Universitäten. In:..Politisch-pädagogische Schriften. Bern. Bd.4.1982.473-498.
10. *Гр.Баммель.* Макс Шелер, католицизм и рабочее движение// Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С.47-68.

MAX SCHELER'S POLITICAL AND PEDAGOGICAL IDEAS

Vladimir B. Kulikov

Ural Federal University
Lenina st., 51, Yekaterinburg, 620083, Russia

Phenomenological analysis of socio-political phenomena such as war, peace, education, social development determine the strategic plans for the formation and content of a new anthropological project, to the implementation of which the work of Max Scheler was directed

Key words: philosophical anthropology, Scheler, war, education, upbringing, phenomenology

УДК 140.8

10.17072/2076-0590-2023-11-92-104

«УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ» КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА «НОВЫХ ЭЛИТ»

Я.А. Афанасенко

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: blyambimbombam@mail.ru

Статья посвящена анализу понятия «новые элиты», предложенного К. Лэшем, его идее «восстания элит» в контексте концепции устойчивого развития. «Восстание элит» рассматривается сквозь призму проблемы: действительно ли концепция устойчивого развития служит инструментом закрепления социального неравенства и усиления автономного существования сверхбогатых и сверхбедных? Выявлены адресат и адресанты Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Дана интерпретация первым пяти целям устойчивого развития. Сделан вывод о манипулятивном применении концепции устойчивого развития «новыми элитами» с целью глобального реформатирования социальной реальности под свои узкогрупповые потребности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «новые элиты», Резолюция, цели устойчивого развития.

*Добро пожаловать в 2030 год,
мне ничего не принадлежит.
И жизнь никогда еще не была лучше [1].*

Принцип устойчивого развития был предложен человечеству в 1987 г. Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (WCED) во главе с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брунтдланд. Комиссия была создана по инициативе Генерального Секретаря ООН. Тема устойчивого развития была раскрыта в докладе, где к вопросам, вызывающим общую озабоченность, были отнесены проблемы охраны и улучшения окружающей среды, с этого момента играющие не второстепенную, а главную роль в политике. «Устойчивое развитие» понималось как развитие, которое удовлетворяет потребности людей в настоящее время, при этом не подвергая угрозе возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. В настоящее время повестка ЦУР касается не только образования, здравоохранения и экономического роста, она охватывает все сферы жизни общества.

В качестве тезиса для размышления мы выносим следующий: «устойчивое развитие» как стратегическая программа, нацеленная на удовлетворение человеком потребностей и стремлений в настоящем с учетом заботы о будущих поколениях, является механизмом дальнейшего закрепления социального неравенства и усиления изоляции не только «новых элит», но и масс. При этом «устойчивое развитие» является социальным конструктом, с помощью которого «новые элиты», или транснациональный капиталистический класс, создают для масс унифицированную, замкнутую на себе, искусственную, управляемую извне, в том числе с помощью NBIC-технологий, реальность.

В нашем понимании «новых элит» мы опираемся на труд К. Лэша «Восстание элит и предательство демократии», важнейшая идея которого связана с опасной изоляцией привилегированного класса США от окружающей жизни, от остальной нации и изъятия себя из них, из общественной жизни и из нации. Лэш утверждает, что не «восстание масс», как это считалось ранее, а «восстание элит» является в настоящее время угрозой сложившемуся социальному порядку и цивилизующим традициям западной культуры, ее ценностям и нормам.

На наш взгляд, те характеристики, которые Лэш дает «новой» элите на примере американского общества в полной мере применимы сейчас к «элите» как таковой, независимо от ее государственной принадлежности, потому что речь в данном случае идет об элите глобальной, космополитической, не имеющей никаких обязательств ни перед государством, ни перед его гражданами и воспроизводящей тот самый психический склад, который ранее был характерен для человека-массы.

По Лэшу, главное отличие «новой» элиты от «старой» в капиталистическом устройстве общества состоит в утрате ею традиционного образа жизни, для которого были характерны оседлость, или региональная привязанность, и умерение права неприкосновенности частной собственности тем, что оно не было ни абсолютным, ни безусловным и дополнялось бременем гражданских обязанностей, ответственностью, благотворительностью.

В частности, Лэш пишет, что библиотеки, музеи, парки, оркестры, университеты, больницы и прочие муниципальные блага являлись так же и многочисленными памятниками мудрости и предприимчивости представителей высшего класса, их ответственности перед городской общиной. Подобное, демонстративное поведение закрепляло, с одной стороны, социальное неравенство. С другой, и на это обращает особое внимание Лэш, филантропия вовлекала элиту в участие в жизни современников и будущих поколений. Более того, участие элиты в жизни горожан даже содействовало развитию городского патриотизма. Конечно, здесь было место и максимизации прибыли, т.к. речь шла о конкуренции между городами. Однако идея о том, что «блага все получили от своих предков» была мощнейшим ограничителем любого поползновения в сторону обособления с себе подобными и абсолютизации права частной собственности. На излете 20 века этот ограничитель был снят масштабной экспансией капитала и образованием всемирного рынка с его фундаментальной ценностью прославления богатства.

О том, что глобальная элита становится инициатором гражданского сепаратизма, формированием пространства «только для своих», когда речь идет о тенденции сознательного отгораживания супербогатой части

общества от остальных в дворцах, поместьях, особняках или политически независимых, свободных от налогов штата, городах, таких, например, как Хилден в Калифорнии, читаем в тексте «Мировая элита. Кого пустят в клуб для избранных»: «Такие города официально признаны как кондоминиумы, чьи жители не пользуются общественными институтами, не принимают участие в публичной жизни, они отчуждены от жизни общества. Эти кондоминиумы и закрытые сообщества выражают стремление их членов как политическое и культурное самоустранение, так и бегство от насилия американских городов, они ориентируются на идеальное общество» [2, с. 47].

Обращает внимание также то, что в этих новых экономических реалиях меняется также содержание понятия «элита». Из него вымывается этимологический смысл, связанный с «лучшим, отборным». И это не случайно. Лэш утверждает, что психический склад современной элиты теперь ничем не отличается психического склада низших и средних слоев общества, описанного Х. Ортегой-и-Гассетом. Причем рабочий класс и умеренно-средний класс сейчас парадоксальным образом становятся хранителями традиционных ценностей и норм: например, ценности патриотизма или ценности полной семьи как источника стабильности в быстро меняющемся мире.

Современная же элита, согласно Лэшу», утратила благородство, готовность принять ответственность за строгое соблюдение норм и усвоила следующие черты массового человека: вместо обязанностей перед предшественниками и современниками и чувства великого долга перед историей – «право на пошлость и пошлость как право», разобщенность и самодовольство, невежество, нездоровый культ здорового тела и молодости и, наконец, забота лишь о собственном благополучии, сопряженная с ожиданием «безграничных возможностей» и «полной свободы», а также смертельная ненависть ко всему, что не является массой. В данном контексте, конечно, ко всему, что не является элитой.

Любопытно, что специфическая суть процесса деградации элит связана в том числе с утратой ею «качества национальной силы, способной организовать и мобилизовать общество, государство на достижение национальных целей» [3, с. 4]. То есть трансформация национальной элиты в транснациональную является, по сути, выражением ее гибели, последней стадией существования. Сама же глобальная элита, воспроизводящая психические черты «человека-массы» также находится в стадии разложения.

Кто представляет сегодня «новую элиту» и каким образом она заботится лишь о своем собственном благополучии? «Новая элита» — это не лучшие в традиционном смысле представители рода человеческого.

«Новая элита» — это лишенные культурной и гражданской идентичности люди, которые в интересах личного блага или узкогруппового интереса управляют международными финансовыми и информационными потоками и принимают решения, влияющие на процессы глобального уровня.

Небольшая иллюстрация, характеризующая то, каким образом новая элита заботится о собственном благополучии. Лэш пишет: «Войны культур, которые сотрясали Америку с начала 60-х гг., лучше понимать как форму классовой борьбы, в которой просвещенная элита (как она думает о себе) не столько стремится навязать свои ценности большинству (большинству, которое в их восприятии существует как непоправимо расистское, сексистское, провинциальное и ксенофобное) и еще того меньше — убедить большинство посредством апеллирующей к рассудку общественной дискуссии, сколько создать параллельные, или «альтернативные», учреждения, внутри которых более не придется сталкиваться с непросвещенными вообще» [4, с. 10].

Появление таких «альтернативных» массовым учреждениям возможно лишь при условии минимизации пользования услугами национального государства и расширения сферы частных услуг, создания самодостаточных частных анклавов: частное жилье в пригороде, частные учебные заведения и медицинские клиники, частный вывоз мусора и частные охранные предприятия, частные армии, частные элитарные клубы и развлечения, частные фонды, корпорации и компании, частные банки и средства массовой информации. Главное, что влечет за собой подобная анклавизация — это ослабление национальных государств, разрушение городской, общественной инфраструктуры, рынка труда и высвобождение огромной, опасной для «параллельного» существования элиты энергии масс.

Опираясь на текст В. С. Поликарпова «Мировая элита. Кого пустят в клуб для избранных» перечислим еще более конкретные грани водораздела, стремления отгородиться от опасного и чуждого мира, между «новыми элитами» и остальными чужаками: вкусные блюда кулинарного искусства из качественных, экологически чистых продуктов, с одной стороны, и гмо-еда, с другой, на одном полюсе высочайшего качества малолюдные места отдыха и проживания и перенасыщенные людьми, грязные и шумные мегаполисы, туристические центры, на другом, использование одними результатов биомедицинских и генетических экспериментов для улучшения качества жизни и ее продления и участие других, не всегда добровольное, в этих экспериментах.

Варианты решения, растущего социального и гражданского неравенства вследствие самоизоляции элит и связанного с ним напряжения, описанные Лэшем, следующие. Характеризуя позицию Кауса, Лэш

отмечает, что для Кауса равенство доходов не так важно, как более достижимое социальное и гражданское равенство. Единственное, что для этого необходимо — «ограничить сферу жизни, в которой деньги решают все» [4, с. 12]. Иная позиция у Уолцера. По его мнению, нужно ограничить «добычу из рынка не только богатства, но и престижа, и влияния». Равное распределение дохода также не решает проблему. Главное — установить границы рыночному империализму, который «превращает каждое социальное благо в товар». Предлагая свое видение по этому вопросу, Лэш утверждает: «Трудность с ограничиванием влияния богатства подсказывает, что ограничить требуется само богатство. Когда говорят деньги, — все остальные обречены слушать. По этой причине демократическое общество не может допустить неограниченного накопления. Социальное и гражданское равенство предполагает по крайней мере грубо-приблизительное экономическое равенство» [4, с. 11].

«Грубо-приблизительное экономическое равенство» — и есть та дефиниция, которая, на наш взгляд, является критерием заботы не о личном, а об общем благе, благе для тех, кого можно отнести, как к массам или умеренно-среднему классу, а также классу рабочих и низшему классу, по Лэшу, так и к элите. Одним из проявлений этого смысла является то, что отдельно взятые люди не могут притязать на право обладать богатством, намного превосходящим их нужды. Для Лэша подобное убеждение, распространенное среди американцев, может быть основанием для морального осуждения больших денег, которое на политическом уровне должно подкрепляться действием.

И действие не заставило себя ждать. Действительно ли оно является иллюстрацией критерия «грубо-приблизительного экономического равенства», к которому движется человечество, или речь идет о еще большем внутреннем расколе в нем, растущей пропасти между «новыми элитами» и остальным человечеством. Примером недавнего политического действия, которое осуществлено главами государств и правительств от имени народов как направленное на преобразование мира, всеобщее процветание на глобальном уровне, является Резолюция 2015 г., принятая Генеральной Ассамблеей в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Уже во Введении к Резолюции четко обозначен адресат процветания и равенства, заявленный в глобальных целях и задачах. В нем речь идет о ликвидации нищеты, голода и болезней, обеспечении гендерного равенства женщин и девочек, равенства и недискриминации, уважения к расовому, этническому и культурному многообразию, стремлении «охватить в первую очередь самых отстающих», «беднейшие и наиболее уязвимые группы». Как видим, адресат — это не «новые элиты», не

транснациональный капиталистический класс (он здесь является «рупором» этих идей, организатором их воплощения и контролирующей инстанцией), но те, кому вход в «клуб для избранных» изначально заказан: все остальные люди, материальное существование которых в капиталистическом обществе зависит от владельцев частной собственности на средства производства, владельцев глобального масштаба.

При этом совершенно неважно, какие у беднейших и наиболее уязвимых групп населения идентичности, хотя ими буквально фонтанирует Резолюция. Среди многообразия идентичностей нет ни одной, которая бы указывала на классовую принадлежность. Как только население не называется: и нынешним и будущим поколениями, уязвимыми странами, наименее развитыми странами и развивающимися странами (пункт 22). Это все дети, молодежь, инвалиды, инфицированные ВИЧ и больные СПИДОМ, престарелые, коренные народы, беженцы и мигранты (пункт 23).

Вместе с тем обращает внимание то, что «новые элиты» вряд ли станут частью нового процветающего мира всеобщего равенства, мира общего будущего. Доказательством является утверждение о праве на базовый уровень жизни в пункте 24: «Мы обязуемся положить конец нищете во всех ее формах и проявлениях, в частности путем ликвидации крайней нищеты к 2030 г. Все люди должны пользоваться правом на базовый уровень жизни, в том числе благодаря системам социальной защиты» [5]. Возникает закономерный вопрос: имеются ввиду все люди, включая «новые элиты», или только о те, кто ими не является? Кстати, то, что уровень жизни может быть выше базового уровня не прописывается, наоборот, говорится, что среднему классу также придется нелегко.

Итак, какой параллельный реальности «новых элит» мир, начиная с 2016 г. строят говорящие от имени «народа» «новые элиты»? На 17 стр. Документа расписаны все 17 целей. Интересно, что они недостаточно конкретизированы. Поэтому мы предлагаем свою интерпретацию. Остановимся на первых пяти целях, их достаточно для выявления смыслового контура этой новой реальности.

Цель 1. Мир, где нет нищеты.

С одной стороны, в свете актуальности теории Мальтуса для «новых элит» это может означать радикальное решение проблемы: нет нищих — нет нищеты. Средства в этом случае могут быть самыми разными: от некачественной воды и еды до войны. С другой, установление минимального базового дохода для всех. В контексте тотальной цифровизации, особенно в области финансовых потоков, это можно интерпретировать как сохранение за банками контролирующей функции, постепенное вытеснение бумажных денег цифровым аналогом,

привязанным к минимальному базовому доходу. В результате те, кто не владеет собственностью на средства производства оказываются на одинаковом материальном уровне жизни. Что касается обеспечения равных прав на экономические ресурсы, а также доступа к базовым услугам, владению и распоряжению землей и другими формами собственности, прописанных в пункте 1.4, иметь доступ к той или иной собственности и владеть ею — не одно и то же. Однако это и есть декларируемое равенство: равенство внутри вполне определенной социальной группы, а не между т.н. «новыми элитами» и всеми остальными.

Цель 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействия устойчивому развитию сельского хозяйства.

С учетом увеличения инвестирования в развитие технологий и создание генетических банков растений и животных, а также расширения доступа к генетическим ресурсам, закономерно предположить, в каком направлении будет решаться эта проблема. Примерами решения ликвидации голода в последние десятилетия является гмо-еда, в настоящее время — это массово рекламируемая даже в экономически развитых странах, видимо, для исчезающего в условиях системного кризиса среднего класса, синтетическая еда и еда из опарышей и насекомых, сверчков.

Недавно ученые РЭУ им. Плеханова предложили «вырабатывать новую добавку к традиционным белково-растительным кормам из личинок быстрорастущих насекомых — мух *Hermetia illucens*. Экспериментальным путем подобрали оптимальные сырьевые субстраты для выращивания таких личинок и разработали биотехнологию для переработки их биомассы в полноценные кормовые и, в перспективе, пищевые ингредиенты [6].

Идею использования личинок в пище была поддержана главой Минпромторга в сентябре 2022 г.: «Это действительно удивление, когда в мире используется белок из личинки черной львинки, и мы, как я сказал, здесь идем в ногу со временем. Наверное, нужно чуть-чуть поработать с ментальностью всем нам здесь присутствующим, и черная львинка может «зайти». Но нужно постараться. Хотя, наверное, ко всему человек адаптируется, и к такому тоже» [7].

Также не может не обращать внимания уже перестающая быть случайной реклама мяса с человеческим вкусом. Так в июне 2022 г. на фестивале «Каннские львы» в номинации Brand Experience and Activation награду «Серебряный лев» получил веганский бургер со вкусом человеческого мяса. Как утверждает его создатель, шведская фирма Omph!, помимо вкуса этот бургер имеет — и, видимо, это предмет особой гордости фирмы — идеальную структуру человеческого мяса.

Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех людей в любом возрасте.

Помимо задачи снизить глобальный коэффициент материнской смертности и положить конец предотвратимой смертности новорожденных, ставятся грандиозные задачи ликвидировать эпидемии СПИДа, туберкулеза, малярии, уменьшить на треть преждевременную смертность от инфекционных заболеваний, и, что немаловажно, обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, лекарственными средствами и вакцинами абсолютно всех.

Принимая во внимание тот факт, что современное представление о здоровом образе жизни во многом определяется не традиционно понимаемыми профилактическими мерами по укреплению иммунитета, а видением транснациональных корпораций медицинского и фармацевтического характера, ставка на тотальное использование биомедицинских и генетических технологий, экспериментальных по своему характеру, становится сущностью медицинского подхода и к здоровью, и к болезням.

Цель 4. Обеспечение справедливого всеохватного и качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

Когда мы читаем о том, что наряду с гендерным равенством и внедрением как нормы инклюзивного образования, необходимо обучение по вопросам информационно-коммуникационных технологий, становится понятным, что речь, скорее всего, идет о цифровом, дистанционном образовании. Несмотря на то, что этот тип образования пока не имеет массового и тотального характера, в развитых и развивающихся странах уже ведется работа над созданием индивидуального цифрового профиля учащегося и его траектории обучения. При этом дистанционное прохождение разных обучающих курсов в течение каждого года, в перспективе — пожизненное, уже давно стало необходимой частью образовательного процесса в разных сферах, особенно в педагогической среде.

Цель 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.

Здесь также планируется использовать информационно-коммуникационные технологии для расширения прав и возможностей женщин. Как нам видится, это даже не постмодернистская парадигма в понимании гендера, когда у каждого человека может быть своя гендерная идентичность. В этом случае вопрос о равенстве и правах не встает. Учитывая, что акцент сделан исключительно на феминной составляющей гендера, это похоже на разрушение института семьи, как его традиционной,

так и современной модели, с одной стороны. С другой, в контексте цифровизации это напоминает конструирование в дальнейшем искусственной идентичности, привязанной к гендеру с «плавающим», неопределенным, меняющимся содержанием, напоминающим функционирование человека под тем или иным аватаром в пространстве Интернета.

Наблюдается ли в этом смысловом контуре преобразования нового мира, которое заявлено в Повестке дня в области устойчивого развития в период до 2030 года, хотя бы «грубо-приблизительное экономическое равенство» с правом на частную собственность на средства производства для всех или хотя бы ее отмены для всех, охват всех синтетической пищей или вакцинами, цифровым образованием, разрушением института семьи и коротких связей? Конечно, нет. Мы видим, что речь идет о закреплении нищеты низшего класса через установление минимального базового дохода, уравнивании с этим классом в материальных благах умеренно-среднего класса, но никак не об ограничении неограниченного накопления «новыми элитами» и их принципа жизни «только для членов». Как «новые элиты» чрезмерно потребляли, так и будут чрезмерно потреблять: продолжают увеличивать углеродный след яхтами и самолетами, невзирая на поставленную ими же, словно ультиматум, «зеленую повестку» перед всем человечеством, наслаждаться вкусом копченого лосося и трюфелей, филе говядины, оленины или фазана, а не сверчков, слизней или напечатанного на 3 d принтере мяса, обучать детей в частных школах, сохраняющих традиционный формат обучения без гаджетов и прочих цифровых технологий, держаться семейных ценностей, конституирующих идентичность «свои», а не расплыться в гендерных симулякрах.

Совсем недавно на русском языке вышла в свет книга, написанная человеком, которого называют одним из самых влиятельных людей 21 в, технократом, интеллектуалом и идеологом нового мирового порядка. В своей книге он написал о том, что никакого равенства не существует, напротив: «Нам следует в глобальном масштабе провести тест общественной морали Джона Роулза, оценивая себя по степени готовности помогать бедным и оправдывая неравенство в той мере, в какой оно улучшает их жизнь. Пока еще есть шанс превратить то, что экономист Бранко Миланович называет «плохим» неравенством в «хорошее», мотивирующее и мобилизующее на достижение целей. По сути, мы на правильном пути: глобализация и связанность повысили качество жизни миллиардов людей, даже если сделали при этом неизбежным неравенство» [8, с. 378-379]. Имя этого человека Параг Ханна. Он не так известен, как Юваль Ной Харари, но его другую книгу «Как управлять миром» рекомендует к прочтению З. Бжезинский.

Идею о том, что экономическое неравенство не только существует в настоящее время, но усиливается, встречаем также в интервью с Д. Медоузом от второго марта 2022 г. под названием «Устойчивого развития достичь не удастся. И пора задуматься о том, как жить в фазе упадка, а не роста». Интервью имеет, казалось бы, противоречащее духу подготовленного им полвека назад с группой ученых доклада «Пределы роста», но это только на первый взгляд.

В частности, Медоуз, размышляя о глобальном характере модели как актуальной в настоящее время в вопросах эффективного решения глобальных проблем (растущее загрязнение окружающей среды, усиливающееся экономическое неравенство, распространение ядерного оружия, изменение климата) на фоне последовавшей в дальнейшем критики существующих политических форм государственного управления без учета советского опыта, словно его и не было, полагает, что в «целом мы приняли верное решение: рассматривать глобальную систему как единое целое, не пытаясь учитывать частные различия между регионами или странами» [9]. Также по-прежнему значимыми для него остаются идеи перенаселения и истощения ресурсов, то есть мальтузианская риторика сохраняется: «...сейчас численность населения планеты слишком велика», «необходимо принимать срочные меры, чтобы рождаемость уменьшалась быстрее» и «никакие технологические достижения не позволяют компенсировать истощение ресурсов планеты и последствия перепотребления» [9].

Именно перепотребление, а не перенаселение Медоуз называет главной проблемой современности в контексте экологической повестки, втягивая в орбиту «разумно-свободного самоограничения» типичных представителей развитых стран: «По большому счету главная проблема — перепотребление, а не перенаселение. Потребление типичного представителя развитых стран наносит гораздо больший ущерб глобальной экосистеме, чем то, что потребляет среднестатистический житель бедных стран» [9]. И еще: «И теперь цель не в том, чтобы замедлить события, а в том, чтобы вернуть систему к прежним — приемлемым — уровням. Найти способы управлять системы в мирном ключе, справедливым и, желательно, мягким способом. Снизить наши потребности до уровня, который может выдержать планета». [9] В связи с чем не может возникнуть уже ставший риторическим вопрос: а самоограничением ради блага всего человечества должны заниматься только типичные представители развитых стран или «новые элиты» тоже? Тем более, что Медоуз предлагает радикальное решение перераспределения материальных благ «в пользу беднейших слоев населения, чтобы им пережить грядущий пик перенаселенности» [9]. Вопрос: за чей счет?

Утверждать, что тема перепотребления новая для модели Медоуза, исходя из интервью, неверно. Она уже была обозначена им лет 15 назад, о чем читаем в 3-м издании монографии от 2007 г. «Пределы роста. 30 лет спустя»: «Но что произойдет, если мировое население решить ограничить не только число детей в семье, но и материальное потребление? Что будет, если люди поставят себе целью достичь жизненных стандартов, не подразумевающих излишеств?.. Добиться таких изменений — значит установить новую систему ценностей, в которой место человека в обществе, его жизненный статус и цели не связаны со стремлением к бесконечному увеличению производства или накоплению материальных благ» [10, с. 255].

Как видим, Медоуз просто меняет акценты, манипулирует смыслами, перескакивая с развития на устойчивость, с перенаселения на перепотребление. Однако цель при этом остается прежняя, она в последнем абзаце с прорисованной, исходя из рабочего характера этой модели, перспективой: «если население сократится... Обществу, где много людей старшего возраста, не нужен высокий уровень потребления...» [9]. И наконец, «Устойчивое управление требует умения идти на краткосрочные жертвы, чтобы обеспечить долгосрочные выгоды» [9]. Такая вот «фаза упадка», а не роста для всего человечества, кроме «новых элит».

Тем не менее, в интервью Медоуза есть интересный пассаж в контексте размышления об устойчивом образе жизни, касающийся богатых: «Все зависит от того, что мы понимаем под «устойчивостью». Политики используют это понятие в том смысле, что при «устойчивом развитии» бедные каким-то образом станут получать больше. Но при этом не предполагается, что богатые должны поступиться своей долей. Такая трактовка политически привлекательна, но совершенно не соотносится с физическими условиями нашей планеты» [9]. Означает ли «поступиться долей» то же самое, что «отказаться от перепотребления»? Нет, второе относится к «типичному представителю развитых стран».

Подведем итог. В свете вышесказанного мы полагаем, что концепция устойчивого развития является средством не только разрушения привычной социальной реальности для всего человечества, не относящегося к «новым элитам», но также способом закрепления параллельности существования двух классов-каст: сверхбогатых, продолжающих получать сверхприбыли и вести привычный для них роскошный образ жизни, и сверхбедных, привязанных к прожиточному минимуму, ориентируемых этими «новыми элитами» на самоограничение, усиленно прокачиваемое в том числе моральными смыслами.

Несмотря на то, что происходит изменение акцентов в понимании теории, как например, у Д. Медоуза, прежние смыслы, связанные с

необходимостью сократить численность населения и ограничить потребление ресурсов, сохраняются. Единственное изменение связано с расширением адресата: им становится средний класс.

Что касается выдернутых из привычного гуманистического контекста слов «люди», «планета», «процветание», «мир», «партнерство», обыгрываемых в Резолюции, как бы странно ни звучало, в контексте «устойчивого развития», неважно, в фазе ли его роста или в фазе упадка, эти слова заиграли не только противоположными, но также новыми, несвойственными им, расчеловечивающими человека, обесценивающими его, смыслами.

Список литературы

1. *Мир будущего* – ни привычной работы, ни частной собственности, ни личного пространства. URL: <https://tabula-rasa24.ru/tvorchestvo/item/1000-mir-budushchego-ni-privychnoj-raboty-ni-chastnoj-sobstvennosti-ni-lichnogo-prostranstva.html> (дата обращения 19.10.2022)
2. *Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В.* Мировая элита. Кого пустят в клуб для избранных. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11774012 (дата обращения 29.09.2022)
3. *Мохов В. П.* Деградация элит: проблема анализа. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22478555> (дата обращения 29.09.2022)
4. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. URL: https://royallib.com/book/lesh_kristofer/vosstanie_elit_i_predatelstvo_demokratii.html (дата обращения 29.09.2022)
5. *Резолюция*, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. URL: <https://goo.su/SSRU> (дата обращения 01.10.2022)
6. *Ученые* превратили опарышей в полезную еду. URL: <https://news.rambler.ru/science/38673002-uchenye-prevratili-oparyshey-v-poleznuyu-pischu/> (дата обращения 22.10.2022)
7. *Мантуров* призвал менять ментальность и оценить мясо из личинок мухи. URL: <https://www.rbc.ru/business/19/09/2022/632869779a7947552e45e2b4> (дата обращения 22.10.2022)
8. *Параг Ханна.* Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. URL: https://klex.ru/author/parag_khanna/ (дата обращения 01.10.2022)
9. *Медоуз Д.* Устойчивого развития достичь не удастся... и пора задуматься о том, как жить в фазе упадка, а не роста. URL: <https://naked-science.ru/article/interview/ustojchivogo-razvitiya-dostich-ne-udastyaupadka-a-ne-rosta> (дата обращения 22.10.2022)
10. *Пределы роста.* 30 лет спустя. URL: <https://clck.ru/32SLaQ> (дата обращения 22.10.2022)

A STRATEGIC PROGRAM OF THE «NEW ELITES»

Yana A. Afanasenko

Perm State University

15, Bukirev St., Perm, 614068, Russia

The article is devoted to the analysis of the concept of "new elites", proposed by K. Lash, his idea of "rebellion of the elites" in the context of the concept of sustainable development. The "revolt of the elites" is viewed through the prism of the problem: does the concept of sustainable development really serve as a tool for perpetuating social inequality and strengthening the autonomous existence of the super-rich and the super-poor? The addressee and addressees of the Agenda for Sustainable Development for the period until 2030 are identified. An interpretation is given to the first five goals of sustainable development. The conclusion is made about the manipulative application of the concept of sustainable development by the "new elites" in order to globally reformat social reality to fit their narrow group needs.

Key words: sustainable development, "new elites", Resolution, sustainable development goals.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ

А.А. Осмоловская

Старший преподаватель кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: osmolovskaya.a@gmail.com

Рассмотрен феномен усиления автократических тенденций в развитии политических режимов в современную эпоху, свидетельствующий о вновь возросшей актуальности проблемы кризиса демократии. Показано, что одним из способов переосмыслить демократию в новых условиях может стать обращение к философской методологии, в частности, обращение к понятию политической репрезентации. Рассмотрена классическая теория репрезентации К. Шмитта и альтернативная ей концепция эстетической политической репрезентации (Ф.Р. Анкерсмит). Сделан вывод о том, что предложенный Ф.Р. Анкерсмитом подход обладает предпочтительными эвристическими возможностями с точки зрения легитимизации обезличенной власти в условиях представительной демократии. Показано значение теории репрезентации для преодоления кризисных явлений в развитии демократии.

Ключевые слова: кризис демократии, политическое, «эстетическая политическая репрезентация», легитимизация, обезличенная власть.

XX век, с точки зрения политического философа Я.-В. Мюллера, можно охарактеризовать как «век демократии» [1, с. 180]. Основанием для такого суждения является для него факт существования в указанный период «единого дискурсивного пространства», в котором «политические доводы опирались на то или иное понимание демократии» [2, с. 15]. В работе «Споры о демократии» Я.-В. Мюллер указывает на то, что путь западной политической философии к признанию демократии в качестве политического идеала (пусть условного и ограниченного) был долог и сложен. И этот опыт должен быть учтен теми государствами, которые только вступили на путь создания развитых демократических институтов. При этом Я.-В. Мюллер стремится развенчать миф о том, что «либеральная демократия с необходимостью является позицией, внутренне присущей Европе или всему Западу в целом» [2, с. 18].

Несмотря на то огромное значение, которое теория демократии имеет для политической философии XX в., «до настоящего времени не существует ни общепризнанного определения, ни единого понимания того, что есть демократия и в чем состоит суть этой политической категории» [3, с. 30]. Среди наиболее общих подходов к пониманию демократии выделяют

институциональный и ценностный, при этом институциональный подход восходит к теории Й. Шумпетера [4], ценностный – к теории Р. Даля [5]. Й. Шумпетер указывал на институт выборов как важнейший принцип демократии, соответственно демократические и недемократические политические режимы в рамках институционального подхода выступают как антиподы. Р. Даль значительно расширил набор признаков, которым должен отвечать политический режим для того, чтобы являться демократическим или, в терминологии автора, относиться к полиархии. В частности, ключевым принципом демократии Р. Даль называл выборность должностных лиц и их сменяемость, что «с одной стороны обеспечивает представительный характер власти, а с другой – политический контроль гражданами над ее решениями и действиями» [3, с. 34]. Другими существенными признаками демократии, по мнению Р. Даля, являются свобода выражения, которая предполагает наряду с правом быть услышанным другими право слышать других, и наличие альтернативных источников информации со свободным доступом. Р. Даль также в качестве одного из признаков демократии рассматривал автономию ассоциаций. При этом под автономией он понимал, прежде всего, независимость от государства, в том числе самостоятельность политических партий. Наконец, Р. Даль выделял в качестве важного признака демократии наличие «всеобщих гражданских и политических прав, установленных международными актами о правах и свободах человека и гражданина» [3, с. 35]. Российский политолог Ю.А. Нисневич, дополняя набор атрибутов демократии, предложенный Р. Далем, указывает также на такие признаки, как «подотчетность и ответственность власти» [3, с. 38], верховенство закона и разделение властей.

Указанным критериям отвечает не так уж много реально существующих в настоящее время политических режимов. Так, в 2022 г. Институтом исследования демократии Гётеборгского университета был опубликован ежегодный отчет, выводы которого указывали на возрастание авторитарных тенденций в политической надстройке многих образцово демократических стран [6]. Публикация отчета вызвала громкий резонанс, поскольку поставила под сомнение практически всеобщее убеждение в отсутствии альтернатив демократическому политическому режиму. Можно констатировать, что кризис демократии, который впервые был отмечен в 1975 году в докладе трехсторонней комиссии, приобрел новое измерение, став угрозой и для тех стран, которые традиционно считались демократическими [6]. Таким образом, тезис о «конце истории» и торжестве демократии, выдвинутый Ф. Фукуямой в работе «Конец истории и последний человек» [7], был окончательно опровергнут, а кризис демократии стал актуальной проблемой не только для государств,

вступивших на новый исторический путь после поражения СССР в холодной войне. Я.-В. Мюллер, оценивая тезис Ф. Фукуямы о «конце истории», подчеркивал, что последний совершил ошибку поспешного обобщения, ибо прекращение идеологических конфликтов в политической сфере в принципе невозможно [2].

Кризис демократии чаще всего связывают с кризисом института выборов, который, выделяется в качестве основного признака демократического режима в рамках как институционального, так и ценностного подхода. В начале 2000-х гг. К. Крауч в работе «Постдемократия» указывал на то, что по этому признаку к концу XX в. демократических режимов было больше, чем когда-либо в истории. 191 государство отвечало указанному критерию, тогда как при достаточно строгой оценке выборных процедур их число уменьшалось более чем в 2 раза – до 88 государств [8, с. 16]. Я.-В. Мюллер в этом видит одну из важнейших угроз демократии: использование ее институтов при формировании недемократических политических режимов приводит к их дискредитации. Д. В. Рейбрук в работе «Против выборов», подвергая критике существующие выборные процедуры, указывает на то, что их воспроизведение стало приводить к противоречивым результатам даже в тех государствах, которые исторически считались демократическими. В качестве доказательства своего тезиса он ссылается на такие прецеденты, как референдум 23 июня 2016 года, по результатам которого Великобритания вышла из Европейского союза, и избрание на пост президента США Дональда Трампа в 2016 г. [9].

Осмысление современного кризиса демократии требует обращения к философской методологии. В частности, обращения к понятию репрезентации – одному из центральных понятий политической философии. Механизм политической репрезентации лежит в основе представительства, а значит может указать на онтологические основания трансформации современной демократии. Впервые тезис о кризисе политической репрезентации был выдвинут немецким философом К. Шмиттом в 20-е гг. XX в. Глобализация усугубила этот кризис, сделав «одновременно невозможной и бессмысленной репрезентацию народного единства в исключительной для европейской традиции форме "политической нации"» [10, с. 52]. Голландский философ Ф. Р. Анкерсмит предлагает восстановить утраченное единство, опираясь на два нераздельных свойства народа: быть источником демократической легитимизации власти [10, с. 52], и являться «*субстратом непрерывности опосредований*, необходимых для связи между "полномочиями" и "ответственностью", утраченной в сетевой форме организации глобальной власти» [10, с. 52].

В этой связи им выделяется две формы политической репрезентации – миметическая и эстетическая: первая основана на «понятии политического» К. Шмитта [11], вторая – на «экономической парадигме политического» Дж. Агамбена [12]. Эту последнюю и берет за основу Ф.Р. Анкерсмит. Основное отличие двух подходов к репрезентации состоит в отношении к «олицетворению». Для миметической репрезентации олицетворение необходимо и осуществляется через суверена, для эстетической репрезентации олицетворение исключается и заменяется верховенством права.

К. Шмитт настаивает на том, что репрезентация является неотъемлемым принципом государства, ибо «без репрезентации не существует никакого государства» [13, с. 42]. Но государство как политическое единство народа невозможно и без тождества, т.к. «принцип тождества конкретно наличного народа с самим собой как политическим единством основан на том, что не существует государства без народа, и потому народ всегда должен действительно присутствовать в качестве наличной величины» [13, с. 41]. Противоречие между тождеством и репрезентацией как определяющими принципами любого государства рождает многообразие форм последнего. При этом К. Шмитт указывает на невозможность репрезентации интересов, тогда как для Ф.Р. Анкерсмита репрезентированы могут быть именно интересы. Такое отличие связано с упомянутым выше пониманием политического: для К. Шмитта политическое является принципиально нередуцируемым, тогда как для Ф.Р. Анкерсмита политическое, в конечном счете, может быть сведено к управлению, прежде всего, к управлению интересами.

Ф.Р. Анкерсмит, развивая концепцию «эстетической политической репрезентации», настаивает на том, что в политической реальности ведущую роль должна играть не однородность, но разлом, который не только принципиально неустраним, но и не должен подлежать попыткам устранения. Иными словами, разорванность политической реальности, отсутствие непрерывности между электоратом и его представителями, делает необходимой репрезентацию как «способ создания и удержания политического» [10, с. 57]. Ф.Р. Анкерсмит настаивает на том, что без политической репрезентации нет ни репрезентирующего, ни репрезентируемого, подчеркивая, что «без политической репрезентации нет и народа как реального политического единства» [14, с. 28], то есть существование самой политической реальности оказывается возможным только в условиях репрезентации.

С этой точки зрения для политической реальности различие между электоратом и его представителями оказывается необходимым, а усиление такого различия может способствовать росту легитимности власти

благодаря более глубокому пониманию политического механизма. При разделении народа на две группы – репрезентирующей и репрезентируемой – власть оказывается в самой репрезентации, «которая и делит, и объединяет население, не принадлежа при этом ни к одной из его групп» [14, с. 29]. При таком подходе к пониманию власти мы отказываемся от суверена как такового, а центром политического порядка становятся «пустое место» и управление на основе обезличенных правил, не допускающее упомянутого выше олицетворения.

Кроме того, Ф.Р. Анкерсмит подвергает критике известные формы прямой демократии, считая, что даже при наличии возможности осуществить прямое волеизъявление народа в современных условиях, например, через электронное голосование, следовало бы прибегнуть к его опосредованным формам, т.е. к репрезентации. Репрезентация не должна быть использована как инструмент для собирания индивидов в одном месте или как аналог прямой демократии, репрезентация должна представлять собой «необходимую и единственно конституционную процедуру создания политической власти» [15, с. 72]. Именно представительная демократия более, чем любой другой способ организации политической власти, придает конституционную форму репрезентации.

Таким образом, одним из онтологических оснований трансформации современной демократии может выступать реконструирование политического субъекта. Ф.Р. Анкерсмит указывает на переход политического конфликта, некогда локализованного в представительных органах власти, на уровень индивида: «переход от монархии к репрезентативной демократии решил проблему жесткого социального конфликта путем его интернализации – локализации внутри парламента, настроенного на компромисс» [14, с. 22], но сегодня мы можем наблюдать «переход от представительной демократии к новой политической системе, поскольку конфликт теперь локализуется в индивиде» [14, с. 22]. Здесь индивиды оказываются «*тождественны по сути, и различаются интересами и направленностью* свободно самоопределяющейся воли» [10, с. 54] (пунктуация источника – А.О.). Индивиды, различие которых связано с различием их интересов, для сохранения политического единства должны использовать компромисс, а местом его достижения были и остаются представительные органы.

Говоря о реконструировании политического субъекта, Ф.Р. Анкерсмит усматривает главную задачу современной демократии в самореформировании политических систем с целью преодоления проблем, с которыми общество сталкивается сегодня. Эстетический подход к политике, к которому общается названный автор, предполагает две теории репрезентации: теории репрезентации как сходства и теории репрезентации

как замещения. Применительно к сфере политического первая теория исходит из представления о совпадении взглядов электората и его представителей: «произвести (ре)презентацию – значит сделать (повторно) присутствующим то, что (сейчас) отсутствует» [14, с. 24]. Ф.Р. Анкерсмит настаивает на том, что теорию сходства, как правило, мы принимаем интуитивно, полагая, что различия между электоратом и представителями есть «признак нарушения "правильной" политической репрезентации» [14, с. 26]. Вторая теория оставляет за представителями независимость, или автономность по отношению к электорату. Но именно способность отличать допустимое несоответствие от явных нарушений должна определять субъектность в политической жизни.

Эстетический подход к исследованию политической реальности может вызвать недоверие, но строго сциентистский подход, воплощенный, например, «в форме универсальной транснациональной финансовой сети и квалифицированной бюрократической экспертизы» [14, с. 29], все больше обнаруживает свою несостоятельность. Здесь Ф.Р. Анкерсмит обращается к понятию истины и ее специфике применительно к политической реальности. Традиционный подход к репрезентации предполагает обретение и пропаганду знаний, тогда как в рамках нетрадиционного понимания проблемы необходимо заниматься скорее организацией знаний: «государство должно сосредоточить усилия на том, чтобы организовать истину в связанное, самосогласованное целое» [14, с. 30]. Зафиксированный разлом политической реальности воспроизводит «бесконечную публичную дискуссию» [10, с. 58].

Такой подход к пониманию истины предостерегает нас от передачи ответственности за принятие решений на экспертов и приводит к необходимости принятия решений на основе компромисса. Здесь Ф.Р. Анкерсмит противопоставляет компромисс консенсусу, говоря о том, что «компромисс подводит нас гораздо ближе к тому, что действительно происходит в политической жизни, чем это делает консенсус» [14, с. 36]. При этом способность представителя электората, то есть репрезентирующего субъекта, решать проблемы через компромисс зависит от «способности переформулировать или "заново воссоздавать" разногласия» [14, с. 29]. Разногласия должны преодолеваются именно через компромиссы, поскольку консенсус в таких ситуациях часто оказывается невозможным из-за риска потери политической субъектности.

Компромисс, таким образом, выступает как один из важнейших способов преодоления фрагментарности политической реальности и возникающих в связи с этим проблем, а, главное, защищает от вызовов, стоящих перед современной демократией: прямого волеизъявления, перекладывания ответственности за принятие решений на экспертов и

стремления к достижению консенсуса. «Гомогенное единство безличного политического порядка, репрезентированное как разделенное интересами множество» [10, с. 60] восстанавливается через политическую репрезентацию для управления интересами с помощью компромиссов. Таким образом, с точки зрения Ф.Р. Анкерсмита, «эстетическая политическая репрезентация» функционирует как легитимация обезличенной власти в условиях представительной демократии.

Указанные подходы к репрезентации коррелируют с двумя течениями политической идеологии – консервативной и либеральной, не претендуя на универсальное объяснение политической реальности. Сравнение данных подходов позволит актуализировать понятие репрезентации для дальнейшего исследования представительной демократии и ее усугубляющегося кризиса.

Список литературы

1. Павлов А.В. Демократия хорошо продается на Западе: рецензия на книгу Я.-В. Мюллера / Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 1, №2. – С.173-184.
2. Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века / пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд. Института Гайдара, 2017. – 400 с.
3. Нисневич Ю.А. Что есть демократия? // Вопросы политологии. – 2012. – №1 (5). – С. 29-40.
4. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
5. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского, под ред. О.А. Алякринского. – М.: Аспект Пресс. 2000. – 208 с.
6. *Democracy Report 2022: Autocratization Changing Nature?* [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.v-dem.net/documents/19/dr_2022_ipyOpLP.pdf
7. Фукуяма Фрэнсис. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ. 2015. – 259 с.
8. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 2010. – 192 с.
9. Рейбрук, Давид Ван. Против выборов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 200 с.
10. Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л. Политическая репрезентация в горизонте двух парадигм политического: «олицетворение» и «автоматизм правил» // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. – 2021. – №2. – С. 51-63.
11. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука. 2016. – 568 с.
12. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., СПб.: Издательство Института Гайдара: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 2018. – 552 с.
13. Шмитт К. Государство и политическая форма. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 2010. – 272 с.
14. Анкерсмит Ф.Р. Репрезентативная демократия // Логос. – 2004. – №2 (42). – С.15-40.
15. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 2014. – 432 с.

***POLITICAL REPRESENTATION AND
THE CRISIS OF DEMOCRACY***

Aleksandra A. Osmolovskaya

Senior Lecturer of the Department of Philosophy

Perm State University

15, Bukirev St., Perm, 614068, Russia

osmolovskaya.a@gmail.com

The phenomenon of strengthening autocratic tendencies in the development of political regimes in the modern era is considered. This phenomenon testifies to the newly increased urgency of the problem of the crisis of democracy. One of the ways to rethink democracy in the new conditions is appealing to philosophical methodology, in particular, an appeal to the concept of political representation. The classical theory of representation by K. Schmitt and the alternative concept of aesthetic political representation (Frank R. Ankersmit) are considered. The approach proposed by Frank R. Ankersmit has the preferred heuristic possibilities in terms of legitimizing impersonal power in a representative democracy. The importance of the theory of representation for overcoming crisis phenomena in the development of democracy is shown.

Keywords: crisis of democracy, political, «aesthetic political representation», legitimation, impersonal power.

Научное издание

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

Выпуск 11 (32)

Научный журнал

Подписано в печать 21.06.2023

Дата выхода в свет 28.06.2023

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 7,09

Тираж 70 экз. Заказ № 80

Адрес учредителя и издателя: 614990, г.
Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Тел. +7 (342)239-64-35

Адрес редакции
«Новые идеи в философии»:
614990, г. Пермь, ул.
Букирева, 15,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Философско-социологический факультет, кафедра
философии Тел. +7 (342)239-63-92 E-mail: [philosophy-
psu@mail.ru](mailto:philosophy-psu@mail.ru)

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского
университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7 (342) 239-66-36 E-mail: unipress@psu.ru

Типография: Центр «Издательство ПНИПУ»
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29. Тел. +7 (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно

